ПРИМОРСКАЯ, 49

№ 2, 2020

ПРИМОРСКАЯ, 49

Альманах №2
Иркутского отделения
Союза литераторов России

Братск
2020

ББК 84 (2 = 411.2) 6 **+12**
П 76

Приморская, 49. Альманах №2 Иркутского отделения Союза литераторов России : сборник / группа авторов ; сост. : В. Монахов, Е. Попова. – Вып. № 2. – Братск : Полиграф, 2020. – 182 с.

В Братске каждый первый и третий вторник в 18-30, на улице Наймушина, 54 в помещении поэтический библиотеки имени В.С.Сербского проходят встречи любителей поэзии. Новые книги стихов можно прислать для библиотеки по адресу: 665709, Братск, абонентский ящик 744, Сербской Екатерине Викторовне.

ЧАСЫ РАБОТЫ БИБЛИОТЕКИ:

вт-пт: с 11 до 19, сб: с 11 до 18, вс-пн: выходной; тел. 37–67–86, 26–55–35.

© Иркутское региональное отделение Союза литераторов России
© Библиотека русской поэзии XX века им. В.С. Сербского
© Составители – В.Монахов, Е.Попова
© Оформление «Полиграф»

От составителей

Сербского окрестили Иваном Калитой современной русской поэзии. И ему же поставили памятник при жизни. Правда, пока не из диабаза, камня, из которого построена Братская ГЭС, но все же самый крепкий, словесно надежный — стихотворный. И сделал это лёгкий на рифмованное слово Евгений Евтушенко, который регулярно был на связи с Виктором Соломоновичем, посещал поэтическую библиотеку инженера и библиофила. Вот как вспоминал об этом поэт Анатолий Кобенков:

«Ещё при советской власти Евгений Евтушенко впервые познакомился с поэтическим собранием В. Сербского. В тот раз он подписал библиофилу десятки книг, а прощаясь, сказал: «За верность поэзии тебе бы надо памятник поставить».

– Это можете только вы, – заметил Сербский.

– Из диабаза подойдет? – спросил Евтушенко, намекая на прочный камень вулканической породы.

– Самое то.

Тут же Евгений Евтушенко написал:

За сопротивление тупому и серому,
и за спасение музы от сглаза,
надо поставить Виктору Сербскому
памятник в Братске из диабаза!»

Продавать стихи в... аптеках?

Когда-то в аптеках Братск-рая я предлагал продавать книги с поэзией, как лечебные снадобья... Меня тогда не поняли и не поддержали... Настало время повторить эксперимент!

РОССИЮ НЕЛЬЗЯ РАЗЛУЧИТЬ СО СТИХАМИ!

Всё в стране проистекает всуе,
В услуженьи у крутых менты,
Русская поэзия попсует,
Словари ушли в глубокий тыл,
Где живет Россия без улыбки,
А компьютер, что над всем глава,
Мелким бесом
Грамматической ошибки
Размножал фальшивые слова!

Таким рифмованным дневниковым наброском запечатлел я современную ситуацию настоящего, у которого мало места осталось для русской поэзии. Впрочем, и прежде в стране не было большой тяги к стихам, недаром Иосиф Бродский отводил читателям поэзии среди всего народонаселения меньше одного процента. И с каждым годом это число заметно уменьшается. Об этом свидетельствует и мой скромный поэтический опыт. Если в 1991 году я смело издал стихотворный сборник тиражом более двух тысяч экземпляров, то сегодня уже не отваживаюсь на пятьсот.

Дороги поэта и читателя сильно разошлись. Настоящий любитель стихов в современном книжном магазине случаен, да и поэтических сборников там мало, разве что тех авторов,

которые по-эстрадному попсуют, сдав позиции одноликим «фабрикам звезд». Но поэты не исчезли с земли русской – пишут и печатаются. Это новое поколение дикоросов, как метко их окрестил поэт и публицист из Великих Лук Андрей Канавщиков. Не для книжных магазинов их скромные сборники, давно убедился я, а для аптек, куда большое число россиян ходят за последней помощью в нашей тяжелой жизни. Среди снадобий и лекарств, как душевное отдохновение, в аптеках пора предлагать сборники русских поэтов.

Но сунулся я в родном городе в аптеки со своим предложением, а мне вежливо ответили, что рифмы не по их профилю, уставом акционерного общества торговать стихами не предусмотрено. Действительно, нет такой услуги у аптек, но если принять за аксиому, что слово лечит, а поэтическое в особенности, то почему же не поэкспериментировать? А мне фармацевты в ответ, что это поэтическая метафора, а не доказанный медициной факт. А как же этот факт докажешь, если не пойти на эксперимент, предложив наряду с лекарством стихи? А может и вместо! Я издал более десяти сборников, большинство из них печатались на деньги моих читателей, их имена стоят на обложках книг. И я благодарен читателям, которые поддержали меня в наше непоэтическое время, когда проворные люди тишину певчую подменили на тишину коммерческую, разрушая озоновый слой поэтической ноосферы.

Среди поэтов бытует мнение, что поэзия в читателе не нуждается. И это отчасти справедливо, но человек, каких бы убеждений он не был, нуждается в стихах, потому что, как заметил переводчик и поэт Владимир Микушевич, «Поэзия высшая форма свободы, которую может себе позволить человек. Поэзия всё равно определяет жизнь, даже когда её не читают. Человек, исключающий поэзию из своей жизни, наносит ущерб самому себе. Он за это платит плохой памятью, ранним старением. Поэты, если их не убивают, живут долго». И опять я готов услышать, что эти слова современного мысли-

теля не больше чем метафора и очень далеки от медицинской практики. А может, медицинская практика не учитывает возможности поэтического слова и потому её результативность в последнее время не столь высока. Вымирает русский народ.

Был у меня товарищ по переписке, самобытный поэт Николай Михеев из Чебоксар. Инвалид с детства, но, превозмогая боль, он нашёл в поэзии то самое лекарство, которое помогло ему достойно прожить, пусть недолгую, но полную событиями жизнь. Печатал книги, поддерживал поэтов из глубинки России, издавая маленькую поэтическую газету «Безнадёжное дело», и со всей страны ему слали стихи поэты-дикоросы, которые не находили отклика в душах других людей. Николай Михеев умер, а память, поэтическая память о нём жива. Вот и я в свое время откликнулся на скромный литературный подвиг этого человека такими строчками:

Блудливая выгода бродит за нами,
В душе захватив свою нишу.
«Народы нельзя разлучить со стихами!» —
Вдруг голос поэта я слышу.
В миру торжествует политика хама
И рифма в разоре стоит.
«Но русских нельзя разлучать со стихами!» —
Уверен бессмертный пиит.
Пропахло вокруг воровством и деньгами,
На взводе держу пистолет.
«Россию нельзя разлучить со стихами!» —
Упорно пророчит поэт.

И к этому, кажется, больше нечего добавить…

Владимир Монахов,
руководитель Иркутского отделения
Союза литераторов России

Виктор СЕРБСКИЙ

Беседы с портретами родителей

Памяти моих родителей
Соломона Сербского и Евгении Захарьян

Слезы

Что бы ни случалось в жизни,
Я никогда не плакал.
Может быть, это закалка
Лагерного младенчества
Или детдомовского детства,
В котором слезы считались позором,
Но плакать я не умел...
Теперь во время долгих бесед с вами,
Мама и папа,
Я задыхаюсь горькими слезами,
Но стараюсь их спрятать.
А когда приходят письма
От людей, прочитавших наши беседы,
И они благодарят меня
За пролитые слезы памяти,
Я, не стесняясь, реву
Светлыми слезами печали
И благодарен этим читателям...
Я научился плакать.

Азбука

В ссылке в Тобольске,
Когда мне не было и трех лет,
Мама обучала меня азбуке.
Она пекла крендели – буквы
И, давая мне кренделёк,
Разрешала его съесть,
Если я правильно называл букву.
Вот этот жук – буква Ж.
Мама Женя.
Вот эта баранка – буква О.
Если ее сломаем,
Получим две буквы С.
Папа Сербский Соломон.
А если сложим два кружка,
Будет одна буква В.
Витя.
Я повторял: – Витя, –
И отправлял в рот кренделек.
А вот буква М.
Мама.
Отломим от нее кусочек,
Получится буква Л.
Положим рядом знакомые буквы.
М. Л. В.
Мама любит Витю.
И мы вместе, смеясь, съедали
Это предложение.
Очень вкусная была азбука.
В лагере на Колыме
Обучение оборвалось –
Крендели заменила пайка,
Которую нетерпелось тут же съесть.

Оборвалась и мамина жизнь...
А меня потом долго
Никто не мог научить читать.
В первом классе «сидел» два года, –
После маминой азбуки
Книжную я не понимал.

Папа

Отец.
Я никогда не звал тебя папой.
Может быть, только
в раннем детстве,
Когда учился говорить.
В детском доме было не принято
Вспоминать о родителях вслух,
И в мыслях я называл тебя отцом.
Мой сын, у которого два своих сына,
Меня продолжает звать папой,
А дочери и того ласковее –
Папкой или папочкой.
Что же надо сделать в жизни,
Чтобы из родителей своих детей
Стать их отцом?
Да ничего выдающегося, –
Достаточно просто умереть.
В любом возрасте.

Детская память

Я услышал стук в дверь
И голос мамы: – Минуточку.
Они вошли втроем.
Я запомнил только третьего –
Солдата с ружьем, вставшего у двери.
Мама сказала: – Тише, ребенок спит.
Они увели отца.
Солдат с ружьем вышел последним.
Это все, что осталось в моей памяти...
Перебираю копии документов
Из дела № Р-8786,
Сверяю даты и места событий.
Ссылка.
Тобольск. Туляцкий переулок, 2.
Четвертое июня тридцать шестого –
Очередной арест отца.
Мне только что исполнилось три года.
А через месяц – третьего июля –
Взяли меня и маму.
Об этом детская память не сохранила ничего.
...У солдата, уведшего отца,
Было ружье со штыком.
Штык я запомнил.
Он преследует меня всю жизнь.

Национальность

Мама,
В спектакле «Свеча»,
Поставленном по нашим беседам
В молодежном театре-студии
«Свеча»
Олегом Черниговым,
Тебя – армянку – играет
Юная азербайджаночка
Севинг Мамедова,
Не знающая ни слова
На языке своих предков.
Первый ее вопрос ко мне:
– Кто вы по национальности?
Вот она – детская непосредственность.
И как объяснить ей
Да и самому себе,
Что все мы давно стали русскими?
А национальное самосознание,
Дружбу народов и
Интернациональную солидарность –
Все это придумали
Взрослые ученые люди.

Шуба

В тридцать шестом году,
Когда ты и я «воссоединились» с отцом
В ОЛП имени Берзина на Колыме,
В Москве умерла твоя мама
Елизавета Степановна.
Осталась теплая шуба,
Которую она носила
Еще с дореволюционных времен,
И сестры послали шубу тебе.
Она с этапом дошла до Колымы,
Но получать посылку ты отказалась,
Так как знала, что у мамы
Другой теплой одежды нет.
Тебе о ее смерти не сообщили,
А ты не могла допустить,
Чтобы она осталась раздетой.
И шуба тебе была уже не нужна –
Вас хоронили в вечной мерзлоте
В общих могильниках
Даже без «деревянного бушлата».
В Москве носить шубу тоже было некому:
Старшая сестра вместе с мужем
Вслед за тобой попала в ГУЛАГ,
А средняя укрылась в Махачкале
И тем спаслась.
Это ее рассказ.
Что стало с шубой после, я не знаю...
Вроде в войну в холодной Москве
Она согревала бывшую соседку...

Справка

Мама...
Я получил справку из Магадана:
«Причина смерти – расстрел».
И ты перестала приходить ко мне
Во сне.
Перед этим многие годы
Я часто видел тебя.
Сначала улыбающуюся, молодую.
Потом задумчивую, средних лет.
Позже стареющую, мудрую.
Наконец, добрую старушку.
А теперь ты умерла
Вместе со справкой...
И старше меня никого
В нашем роду нет.
Дед...

Уроки географии

Учительница географии, ботаники,
Зоологии, химии и сталинской конституции
В Бирюсинской школе во время войны
Александра Ивановна Дрыгина
Удивлялась моей способности в пятом классе
Моментально находить на карте
Любой город, пролив или вулкан.
А еще я знал, где что растет
И что где добывают,
Но указать источник знаний не мог.
Только пенсионером, познакомившись
С вашими «делами»в КГБ,
Открыл, что моя биография –
Это сплошная география.

Прежде всего тюрьмы:
Курская, Воронежская, Бутырская
(В самой столице нашей Родины –
Москве!) –
Там ты сберегла меня в себе,
Мама.
Наконец, Верхнеуральский изолятор –
Моя малая родина.
Затем этапы, ссылки и лагеря:
Уральск, Петропавловск, Тобольск,
Снова тюрьма – Омская, Транссиб,
Владивостокская пересылка,
Японское и Охотское моря
Через пролив Лаперуза,
Бухта Нагаева, Колымский тракт,
Эльген, Верхний Ат-Урях –
ОЛП имени Берзина,
Расстрельный лагерь «Серпантинка».
Детприёмники и детдома:
Магадан, Владивосток, Иркутск,
Тулун, туберкулезный Барлук,
Квиток на гулаговском БАМе
И на несколько лет Бирюса.
Какие звонкие названия!
Детский ум легко усваивает новый материал.
Аттестат зрелости по географии
Я заработал до поступления в школу...
Миллионы соотечественников
Прошли свои уроки географии в ГУЛАГе.
Могилы их безымянны..

Последняя фотография

Мы вновь встретились с тобой,
Мама,
Пятнадцатого сентября
Девяносто второго
В братском отделении МБР
(Бывших ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ),
Где мне выдали твою фотографию
Из дела № Р-37297.
На одной карточке профиль и фас,
Номер 576, дата съемки – 20/II 29 г.,
Искаженные фамилия и отчество
(Имя – Евгения – впечатано без ошибки).
Тебя еще не допрашивали,
Нет «постановления
Об избрании меры пресечения»,
Но тебя уже объявили преступницей,
Изъяли кошелек, в котором
«Денег 7 рублей 27 копеек»
И вещи: «4 шт. головных шпилек».
Это твоя первая фотография
В Бутырской тюрьме.
Необычная прическа (отобрали шпильки)
Только подчеркивает красоту лица,
Внутреннюю одухотворенность,
Мягкий, но решительный взгляд:
За убеждения – хоть на эшафот.
Эшафот пришел в тридцать седьмом на Колыме,
Но перед расстрелом не фотографировали –
Эту процедуру к тому времени
Уже считали излишней.

Может быть, твой последний отпечаток
Закрепился в глазах убийц?
Мне кажется, что ты, как живая,
Смотришь на меня из стеклянных глаз
Этих персональных пенсионеров.

Библиотекари

Всю самостоятельную жизнь
Я покупал книги стихов,
Собрав к старости
Крупнейшую во всем мире
Личную библиотеку поэзии
На русском языке.
Я предложил её городу Братску,
И глава администрации
Принял мое предложение.
Я стал библиотекарем
«Без специального образования».
А какое специальное образование
Имели мои родители?

«Из изолятора и ссылки (вот их университеты – В.С.) Сербский и Захарьян провезли в лагерь большое количество литературы и из нее значительную часть контрреволюционной (сочинения Троцкого и произведения других контрреволюционеров – Каменева, Рязанова и проч.). Обладая значительным количеством литературы, Сербский и Захарьян организовали на прииске им. Берзина свою нелегальную библиотечку и обслуживали ею находящихся там троцкистов, используя это как одно из средств сплачивания своих кадров. Книги, принадлежащие им двоим, были во время обыска изъяты у десятка других троцкистов, находя-

щихся на этом прииске... Для своих контрреволюционных целей Сербский и Захарьян использовали не только имеющуюся у них антисоветскую литературу, но и партийную литературу они превращали в орудие распространения контрреволюционных взглядов, сопровождая высказывания классиков марксизма своими контрреволюционными комментариями».

(Дело N Р-8786 т.1, л.д. 108-109).

Начальное библиотечное
Образование
Я получил в ОЛПе им. Берзина,
Но пошел «другим путём».
Поэзия – мой Бог.
И я мечтаю обратить в свою веру
Все разумное человечество.

Владимир МОНАХОВ

Будущее прошедшего времени

– Ты что сделал?
– Выключил телевизор!
– Зачем?
– Надоело!

Из разговора

Надо только обмануть лгуна.
Надо златоуста перепеть.
Ах, какие будут времена!
Вот еще немного потерпеть…

Вячеслав Куприянов

1.

1 мая 2055 года мною была впервые запущена в действие система по борьбе против всемирной лжи и ее многочисленных разновидностей, которые окутали наше глобальное информационное общество. Финансировал мою научную разработку ЦК КПСС, точнее его разгромленные остатки, которые ушли в подполье и пустили на создание уникального аппарата по борьбе с ложью то самое партийное золото, о котором так много и безрезультатно говорили в XX веке.

Золотишко, как выяснилось, сохранилось в целости и сохранности, а десятилетия спустя пошло на благое дело. Это была партия с большой кровавой историей, но после продолжительного исламского террора революционное прошлое КПСС стало выглядеть романтично и даже привлекательно для молодого энтузиаста. Поэтому, зная, что мои предки ак-

тивно участвовали в работе этой партии в XX веке, я и предложил им свою уникальную разработку. И они ухватились за нее обеими руками вождя с историческим именем Ильич. Тем более что в последнее десятилетие марксистская теория больше всего пострадала от массированной лжи и клеветы со стороны буржуазной пропагандистской машины. И я для них оказался исторической находкой.

– Я рад, что вы осознанно вступаете в наши пока малочисленные, но сплоченные ряды борцов за свободу, – приветствовал меня такими словами Ильич, крепко пожимая мою новаторскую руку.

– Борьба за свободу – это всего лишь борьба за смену угнетателя. По моим представлениям – свободен лишь тот, кто занят, – нарушая субординацию и рабоче-крестьянскую терминологию, ответил ему я словами неизвестного философа, который предпочел остаться неизвестным.

А когда случайно узнал, какие средства были потрачены на мою техническую разработку, то серьезно сказал вождю:

– Ваш грех, господа коммунисты, замолен.

– Поживешь – увидишь, – ответил мне с вязкой улыбкой на губах Генеральный секретарь ЦК КПСС Ильич, настоящую фамилию которого скрывали даже от меня.

Это была такая традиция – свои фамилии члены этой политической организации почему-то утаивали, поэтому и я у них проходил как голова профессора Доуэля. Это старинное фантастическое произведение давно забытого советского писателя А.Беляева было у них в чести и теперь числилось в списках классики марксистско-ленинской литературы.

Итак, 1 мая 2055 года я успешно испытал систему, и она показала отличную работоспособность. Весь день после эксперимента шло заседание ЦК, которое обсуждало, как и когда включить комплекс в глобальную информационную сеть.

– Немедленно, – в конце спора подвел итоги Генеральный секретарь ЦК КПСС.

И меня ознакомили с этим коллегиальным решением.

– Я смогу только завтра, – внес поправку в историческое решение ЦК. – После испытания нужны сутки, то есть как минимум 24 часа, на проверку и отладку системы управления процессом для работы во всемирной сети.

– Завтра так завтра, – неожиданно быстро, без спора и возражений, согласился Генеральный секретарь и вынес вердикт. – Это будет эпохальное событие, которое потрясет и растрясёт всю капиталистическую конвейерную систему поголовного вранья.

И потом он долго и пафосно цитировал всех известных ему вождей всемирного пролетариата, имен которых почти никто из моего поколения уже не помнил.

2.

На следующий день я, вспотев от волнения, как типичный сахарный диабетик, стал подключать систему к глобальной информационной сети. Технологию рассказывать не буду, потому что это до гениальности просто, и поэтому её лучше никому не знать. Накануне подключения был митинг, собравший всю партийную элиту, которую в процессе работы я видел очень редко, потому что подчинялся напрямую только вождю. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ильич произнёс историческую речь, а затем под бурные аплодисменты вручил мне ее в письменном виде с пометкой «совершенно секретно». Этому факту особо бурно аплодировали продолжительное время. Я уже привык к такой манере партийцев выражать мысли и чувства, зная, что так было принято в любой партийной системе, независимо от того, под каким флагом и символикой она развивала свою деятельность. И то правильно: ничего не сказал, а что значат твои или других аплодисменты? Поди догадайся, то ли ты за, то ли ты против.

Мы с напряжением ждали сообщений из внешнего мира, против лжи которого работала моя система. Но партийные

тайные агенты в различных капиталистических организациях сведений не давали.

Система работала: об этом свидетельствовали многочисленные датчики и сложнейшие приборы контроля, которые достоверно показывали, что разрушительный впрыск информационного волнового препарата против мировой сети лжи идет систематически, строго по заданному графику, но в обществе пока ничего не менялось.

– Ну что? – первым нарушил тишину ожидания Генеральный секретарь ЦК КПСС. Он все еще был разгорячен митингом, и ему было тяжело находиться продолжительное время в состоянии безмолвия. Я понимал, что свой вопрос он целиком адресует мне, но держал паузу, поскольку все мои эксперименты, которые дали позитивные результаты, были построены на лжи самих находящихся в подполье членов ЦК КПСС. И конечно, я скрывал свои данные от верхушки партии, поэтому мучительно думал: а вдруг система не сможет работать в открытом пространстве? Но такой ответ членам ЦК, которые бросили на мою научную разработку все золото партии, давать было нельзя, и я сказал следующее:

– Видимо, в мире за все существования человечества накопилось столько лжи, что система не может так быстро начать разрушительный процесс.

– А тогда что нам делать? – в один голос спросили члены ЦК не столько меня, сколько своего вождя.

– Думаю, что нам можно разойтись по своим ответственным делам, а завтра утром снова собраться, – принял решение вождь.

– Я останусь здесь!

– А это бесспорно, с вами для помощи останутся и наши товарищи, – одобрил Генеральный секретарь.

Я увидел, как захлопнулась дверь лаборатории за последним членом ЦК, а у входа осталось несколько крепких охранников. Глядя на них, я впервые ощутил холодок под сердцем, который очень быстро разбегался по самым уязвимым местам

тела. Со страшной силой захотелось в туалет, а еще больше съесть что-нибудь сладкое. Из истории коммунистического движения мне было известно, как вожди расправлялись со своими учеными, которые не оправдывали их доверие. И этого стало достаточно, чтобы я впервые испугался до кончиков ногтей и почувствовал, как струйка пота пробежала у меня по спине вниз.

3.

Но и на второй день сообщений не поступило. Я ощущал, как у меня изнутри бегут мурашки и рвут кожу моего худого тела. И был бы рад любому, хоть маленькому разоблачению лжи. Я молился про себя: «Господи, пошли нам хоть маленькую весточку!» Но Господь и – что больше всего меня огорчало – агенты молчали.

Только утром третьего дня в эфире ТВ и радио, со страниц газет и сети первыми на глазах у всех стали исчезать астрологические прогнозы.

Пустые экраны, молчание радио и белые пятна газет по всему миру. Как сообщали нам тайные агенты, все попытки восстановить астрологические прогнозы ни к чему не приводили – в этот и последующие дни никто так и не узнал, что их ждет в ближайшем и далеком будущем.

– И это все? – разочарованно смотрели на меня заказчики оценивающим взглядом, видимо пересчитывая все золото партии на мой первый ничтожный результат.

– Но это начало, которого мы так ждали, – не согласился я со скептицизмом членом ЦК. И получив первый результат, как бы ощутив поддержку, стал более уверенным. – Система работает автономно, я не могу сейчас вмешиваться в программу. Ей надо разогреться, присмотреться, изучить технологию распространения лжи, а лишь потом действовать. Астрологический прогноз был, конечно, самым легким заданием, но уничтожить его по всему миру – это, согласитесь, многого стоит!

– Это хорошо, что наша система ударила по лженаучному мракобесию, – неожиданно поддержал меня Ильич с присущим ему в такие минуты напряжения оптимизмом, попутно присваивая чужое научное достижение.

По его лицу я читал, что он тоже ожидал большего. Видать, старое политическое наследие давило: хотелось получать запланированные результаты по строго намеченным партией срокам. А сроки у них, по всему, были очень короткие.

Следующей нашей радостью стало исчезновение прогнозов погоды. В одночасье со всех экранов телевиденья пропали популярные ведущие, которые рассказывали о погоде на завтра. Сводки погоды исчезли из утренних газет, о потеплении или похолодании нельзя ничего узнать даже во всесильном Интернете.

– Ну, это все-таки пока мелковато, – и было не понять, на этот раз доволен Секретарь ЦК Ильич первыми результатами работы моей системы по борьбе с ложью или нет.

– Не скажите! – получил я неожиданную поддержку с враждебной мне стороны. Вождю осмелился возразить его вечный заместитель и постоянно поддакивающий серый кардинал Михаил Андреевич, который больше других ставил под сомнение трату золотого запаса партии на мои сомнительные эксперименты. – По моим, пока, правда, непроверенным данным, это привело к падению стоимости акций и валют на биржах многих вражеских нам корпораций и стран.

– Да, и к этому надо добавить, что образовалась паника на продовольственном рынке Китая, который, как известно, стал основным поставщиком еды во всём мире, и особенно в странах бывшего СССР, – поддержал заместителя рядовой член ЦК Михаил Сергеевич.

– Ну, значит, можно предварительно поздравить нашего ученого с удачным началом архиважного эксперимента?! – сказал Ильич, и меня опять особо насторожил в очередной политико-исторической декларации не восклицание, а вопрос вождя.

4.

Прошел еще день, и у нас на столе в закрытой лаборатории стали появляться странные газеты. Ни названий, ни выходных данных, ни статей, ни коротких заметок, ни рекламы в них не было. Только чистые страницы не тронутой печатной машиной бумаги. И лишь где-нибудь посредине этих бумажных «толстушек» каким-то чудом сохранялся небольшой текст, собственно даже не текст, а коротенькие цитаты, только по языку которых можно было понять, из каких стран поступают эти издания. Причем было ясно, что текст имел начало и конец, но их стерла мощная сила моей системы. Одна из таких газет во Франции сообщила нам лишь следующее:

«В рекламе мыла можно сделать такие же драгоценные открытия, как в «Мыслях» Паскаля. Об этом сказал когда-то своим современникам Марсель Пруст. Как парадокс принимаю, но великий француз еще не подозревал, что настанет наше время и придут толпы всеобщего потребления, которые только в рекламе продуктов, услуг, развлечений будут черпать знания, как когда-то мы в «Мыслях» Паскаля.

Кстати, о рекламе мыла. «МЫЛО – ГОЛЫМ!» – этот в своё время популярный чудесный палиндром мог быть доходно обыгран в широкой пропаганде моющего средства среди простого населения планеты Земля. И почему никто на это не обращает внимание? Вот тут-то как раз нам можно сравняться с Паскалем.

Впрочем, Марсель Пруст, говоря о рекламе мыла, мог иметь в виду вовсе и не моющие средства, а, забегая далеко вперед, предугадать наше всеобщее киномыло, что наводнило индустрию отдыха, которая теперь очень старательно черпает вдохновение и в «Мыслях» Паскаля».

В другом стостраничном английском издании чистой газетной бумаги мы нашли только это:

«…Надо же: Бог за шесть дней творения сделал гораздо больше, чем всё вместе взятое человечество за несколько ты-

сячелетий. И после этого – люди не хотят верить в Бога!» – с недоумением смотрел на человечество Дьявол…»

А чуть ниже в этой же газете была всего одна фраза:

«Человечество создало вокруг себя и для себя столько лишнего, что давно научилось вполне обходиться даже без самого необходимого».

И третье издание тоже удивило нас максимой на религиозную тему, но уже на русском языке:

«О смерти Богов человечество оповещало себя давно и регулярно. Не стал исключением и XIX век, из которого современные люди вынесли главную аксиому: «Бог убит» (Федор Достоевский) и «Бог умер»(Фридрих Ницше). Люди XX века пронесли эту мысль через всё столетие, но никто при этом не подумал, что похорон Всевышнего не было, и никто до сих пор не узнал и не указал остальным, где находится могила Господа. Пусть даже это небо, но место захоронения убитого или умершего Бога должно быть. А коль его нет, то остается думать, что Бог не погиб, не умер, не самоликвидировался, а пропал без вести!»

В той же газете, видимо в разделе писем, мы прочитали следующее:

«…На днях купил книгу Ричарда Баха «Карманный справочник мессии». В одной из книг он упоминает этот справочник, а затем, видимо, решил издать отдельно собрание мыслей – попыток объяснить мир, себя, время… Там есть прекрасная в своей простоте, глубине и честности фраза: «В этой книге все может оказаться ошибкой».

И под этим текстом сохранилась даже подпись «Игорь Корольков»

– «В этой книге все может оказаться ошибкой», – в голос прочитал цитату из газеты рядовой член ЦК КПСС Михаил Сергеевич. – Что-то я перестаю понимать, как действует наша система по борьбе с ложью. Она сохраняет все про Бога и уничтожает остальное. Куда мы идем?

Члены ЦК КПСС молча смотрели то на вождя, то на меня и ждали если не научных, то хотя бы понятных для них объяснений на поставленный справедливый вопрос. На этот раз вождь умело держал паузу, уступая мне место оратора. Окончательно убедившись, что Леонид Ильич на этот раз ничего говорить не будет, слово взял я.

– В самом начале проводимого нами эксперимента я предупреждал о возможной неожиданности первых результатов. Поэтому мы должны терпеливо ждать.

– Но как это понимать, – не унимался Михаил Сергеевич, – отрицая астрологические прогнозы, что правильно, машина тут же оставляет только тексты на религиозную тему, как известно, опиум для народа? Что вы думаете, товарищ ученый?

– Только то, что эти слова подлинные и правильные! – уверенно и убежденно сказал я.

– О Боге, который самоликвидировался или, как там, пропал без вести? Да бред это антинаучный, не имеющий никакого отношения к нашему революционному учению!

– Скромно напомню вам, что это революционное учение уже неоднократно подвергалось поруганию и сомнению. Но дело не в этом. Моя система по борьбе с ложью не вызвала у вас отторжение, и, как видите, она активно работает, хотя, на взгляд серьезных ученых, носит такой же антинаучный характер! – попытался я возразить заказчику.

– Но мне кажется, она распространяет бред под видом правды! Вы посмотрите: не только буржуазные, но все коммунистические издания выходят теперь почти пустыми.

– Но как часто бред потом оказывался здравым смыслом?! – спорил я.

– Кстати, а что у нас с Библией? – неожиданно, но вовремя подал голос Ильич.

Через час нам были доставлены несколько экземпляров Библии, изданные в разных странах в разные годы. Во всех были чисты одни и те же листы.

Меньше всего пострадало от действия моей системы по

борьбе с враньем свидетельство Иоанна Богослова про Апокалипсис. Увидев все это, вождь Ильич задумчиво выдохнул:

– Что будем делать?

– Ждать! – в один голос поддержали друг друга соратники по борьбе, не одобряя паники Михаила Сергеевича.

Чтобы избавиться от назойливых вопросов членов ЦК, я отправился в библиотеку. Стеллажи были на месте, книги стояли ровными рядами. Я первым делом пошел к художественной литературе. Что случилось с классиками марксизма-ленинизма, меня не интересовало, пусть даже это учение исчезло на совсем. Все классики смотрели на меня сиротливо. Я взял Пушкина – пролистал – книга была целой. Толстой тоже не пострадал, Чехов был целехонек. Не изменились Пастернак и Цветаева. На Цветаевой я застрял – попались когда-то очень знаменитые строчки:

Читатели газет,

Глотатели пустот.

Но как только прочел эту строку, она тут же исчезла. Я схватил Толстого. Буквы просто исчезали у меня на глазах, только я прочитывал слово. Всё, что я прочитывал, исчезало. Но стоило остановиться – замирало на месте. Меня впервые охватил настоящий ужас от содеянного. Но ничего сделать, между прочим, с моей стороны уже было нельзя. Система, как я говорил, работала автономно, и мы могли только фиксировать изменения, происходившие вокруг нас и в мире. Но я предпочел никому об этом не говорить.

5.

А нас просто заваливали сообщениями со всех концов света. Точнее, сообщений не было – мы становились свидетелями того, как прямо у нас на глазах выключались новостные блоки телевизионных студий, рушились газетно-издательские концерны, мировая телефонная сеть пропускала только приветствия и прощания, все остальное блокировала. Уходили в

отставку правительства из-за разоблачений и вскрывшихся финансовых махинаций, которые передавались частными сообщениями лишь в сети Интернет. С каждым часом замолкали все новые и новые объекты связи и коммуникаций. Мы порой попадали в информационный вакуум, уже и наши тайные агенты не могли своевременно доложить о новых переменах в обществе, ведь связь была полностью разрушена.

Но члены ЦК КПСС аплодировали, восторгались, обнимались, жали друг другу руки. Они то и дело восклицали вслед за своим вождем:

– Да здравствует первая мировая пролетарская революция!

– Пролетарии всех стран, против лжи объединяйтесь!

– Конец мировому капиталу, созданному на крови и лжи!

Чему они так по-детски радовались, я уже не понимал, но вел себя сдержанно.

– А почему революция пролетарская? – осмелился спросить у Генерального секретаря ЦК КПСС. – Ведь по форме идущего процесса – революция интеллектуальная.

– Да, но интеллект все равно встал на службу и защиту рабочего класса. У вас есть возражения? – и поскольку я всё больше и больше пугался его вопросов, то ответил утвердительное «НЕТ!».

6.

Процесс борьбы с капиталистической ложью распространялся и вширь, и в глубь капиталистического общества.

– Что-то идет все стремительно, – впервые на людях усомнился я в правильности нашего выбора.

– Революция требует жертв! – сказал как отрезал Ильич.

Мы с азартом наблюдали, как перестали взлетать самолеты, отправляться поезда и корабли, парализовано было все транспортное движение мира. Люди боялись выходить из дому и одновременно находиться в четырех стенах. Поэтому в крупных городах началась эпидемия самоубийств.

Сведения об этом поступала к нам разрозненные, но ужасающе пугающие. ЦК КПСС заседало прямо в моей лаборатории, анализируя поступающую информацию, составляя подробные протоколы выступления каждого участника эксперимента. Я мало обращал внимание на пафосную риторику заседаний, с самого начала уловив, что их тоже пугает разорительный результат работы моей системы и колоссальные последствия кризиса, который обрушился на весь капиталистический мир. Потому что они уже однажды пытались разрушить всё до основания, и это плохо для них же кончилось.

Но они снова хотели этого, только сейчас не знали, как включиться и перехватить власть у капиталистов. Захватывать ТВ бессмысленно – оно молчало. Сети связи тоже были повреждены, никаких разговоров по телефонам не велось. Банки лопнули и деньги обесценились, самолеты не летали, электростанции отключались. Даже космонавты на орбите испуганно-молчаливо смотрели на потухающую Землю. Последним сообщением от них были слова, что из планеты голубого цвета Земля превращается в серый потускневший комок.

7.

Мир разрушался на глазах. Опустошалось все и вокруг меня. Сначала исчез Михаил Андреевич и все его многочисленные помощники. Потом пропала коалиция Михаила Сергеевича. Последним оставил капитанский мостик Ильич. Правда, не исчез, а самостоятельно удалился по своим делам, но так и не вернулся, хотя обещал. Но все-таки попрощался, пожав мне руку, приветливо сказав: «До завтра». Завтра наступило, а он так не появился, и не появился никогда… И тогда я стал понимать, что остаюсь один на всем белом свете со своей системой по борьбе с ложью.

Я и система: уже и не знаю, чью ложь она разрушает. Но система продолжала работать. Достаточно было зайти в библиотеку и взять с полку любую книгу. Я каждый день это де-

лал. На этот раз открыл томик Толстого и стал читать «Войну и мир». Слова исчезали вслед за моим чтением. Теперь я наслаждался, что стал последним читателем литературы. Читал Пушкина, Тургенева, Блока, Пастернака, Есенина. Я сидел в последней библиотеке мира и читал. Я был последним читателем на земном шаре, который каким-то чудом сохранился.

Меня никто не беспокоил, никто мною не интересовался, как и я больше не интересовался, что происходит в мире. Мира для меня больше не было, а были лишь я и библиотека классики, которую я зачитывал до дыр пустых страниц. Это и был, видимо, тот самый конец истории, о котором нас предупреждали в XX веке.

8.

И когда я пишу эти заметки, я не уверен, что они вновь не исчезнут, как только вы их прочитаете. Потому я пишу уже стотысячный раз. Сто тысяча первый раз, сто тысяча второй раз…Сейчас я пишу всё это, даже не перечитывая, потому что, как только я пробегаю глазом по написанному тексту, то он тут же исчезает…

исчезае…
исчеза…
исчез…
исч…
и…

Воспоминания Бога

Продолжение преследует

–цитата из недописанного романа–

– В тебе смесь Дон Кихота
и Бога, – сказал я ему однажды.
В тот момент он был польщен,
но на следующий день пришел ко мне
рано утром и заявил:
– Про Дон Кихота мне не понравилось.

Эмиль Чоран « Признания и проклятия»

Открыл глаза и стал сторожить мысль, которая этим утром пробудила его ото сна. Он хорошо помнил, что это была уютная, надежно обжитая им во сне мысль, которую до поры до времени удавалось прятать не столько ото всех, сколько от себя самого. Для того чтобы надежно скрывать мысль, он и сам надежно маскировался среди тех, кто умело читал мысли по глазам, и потому каким-то немыслимым образом приучился жить с закрытыми глазами мертвеца. Но настало время легализоваться, даже если впереди ожидало Ничто.

Но мысль не шла и даже не стремилась наружу, она застряла где-то на полпути, цепко удерживаясь в сновидении, на краю которого он её терпеливо поджидал. Мысль как будто навсегда осталась там, где ей было уютно и раздольно, потому что именно там она ощущала себя главной, справедливой и продуктивной.

А вместо важной мысли в голове теснились невесть откуда прорвавшиеся второстепенные слова, которые изобилием повторов разрушали её стержень. Эти слова всегда существовали в координатах его знаний как избранные цитаты из чужих размышлений.

Цитат этих он знал великое множество, но в первую минуту пробуждения ему было не до них. Здесь и сейчас было очень важно полностью от первой до последней буковки, а также звуков продумать себя самого своими словами, лишь после этого он сможет проснуться, встать на ноги и начать новый день творения.

Но чужое душило, парализуя волю осмысленного до без горизонтальных краёв, мешая выйти наружу родному и очень важному, спотыкаясь о слово «который». И тут он ни с того ни с сего вспомнил, как вполне способный к сочинительству Илья Ильич Обломов бросил создавать послание, когда запутался, дважды повторив слово «который» в одном предложении, и, не справившись с этой трудностью русской письменной речи, решил ничего не писать далее. Впрочем, все-таки он писал и после этой неудачи, но неловкость от неуклюжего «который» преследовала его.

Ох, если бы Лев Николаевич Толстой был человеком по-настоящему самокритичным, то, прочитав историю Обломова, принял бы его терзания близко к сердцу и мировая литература лишилась бы классика, ведь у него из непроходимых «которых» городился просто частокол лингвистический.

Впрочем, равняться на Толстого пишущему человеку смешно, потому что, равняясь на кого-то из значительных, можно их только неуклюже пересказывать и перепевать. Быть вторым Есениным, Пушкиным или Толстым не только постыдно, но и унизительно для сочинителя, поскольку вторичность предполагает прямую дорогу в Ничто, где нет знаний даже о Боге. Ведь уже сказано до нас: «Не существует религии там, где нет разума», а там, где действует человек, всегда «высшее служение Богу есть приобретение знания». Поэтому Бог всегда требует не веры, а знания.

Равняться разумно на слово не земное, а небесное, – пришел он к неожиданному для себя выводу, -- надо всецело равняться на божественный глагол Иисуса Христа, но не как носителя веры христианской, а как поэта, литературные до-

стижения которого дошли до нас, к сожалению, только в виде пересказов его учеников.

А если даже пересказы столь значительны и велики, то что в первоисточнике, которого мы так и не узнаем? Вот истинный образец для подражания. Слова этого он в повседневной жизни избегал, но на этот раз не смог найти ему адекватную замену и остановился на нем -- подражать так подражать.

Бог создал мир целым, единым и неделимым, а потом, как какой-то человек разумный, разрушил его мелочами. И от этой мысли становилось невыносимо больно.

Но сильнее всего пугало, что его современная жизнь всё больше и больше протекала на грани художественного вымысла. Человеческая биомасса стремилась быть похожей на героев из кино. Люди так же одевались, они говорили о том же, они вычитывали из книг свои мысли, они внимательно рассматривали себе подобных по телевиденью и мгновенно распространяли себя по Интернету. Если еще сто лет тому назад люди в вымышленном мире искусства отличались от реальных, то сегодня реальность стала абсолютно тождественна художественному вымыслу.

На днях он разговаривал с современником, который стал чаще задумываться о своем будущем, которое (ну никуда от этого слова не деться!) наваливается на него тяжелыми проблемами забот о родственниках. И он поставил перед собой простой вопрос: а оно мне нужно? И сам себе вполне разумно отвечал – нет! Но проблемы наступали, заставляли думать о них, и от них он впадал в печаль отчаяния. А я сказал тогда себе и людям, что в нашем возрасте, когда идет шестой десяток, главные события жизни уже состоялись, а всё остальное – по/ж/дёнка.

К чему это? Великие дела, если они были, уже прошли, ничего значительного уже быть не может. Разве что напишется парочка-другая добротных строчек и отыщется для них в интернетмесиве еще один читатель, что обеспечит пару радостных минут. А в принципе каждый должен быть уже готовым

и других приучать к мысли, что разумно пройти по жизни незамеченным, как учат китайские мудрецы и как живут миллионы русских людей, даже не ведая об этой мудрости Востока.

Впрочем, он твердо знал: у него было нетворческое воображение. Оно никогда не собиралось в единое целое, а распадалось на детали, способные сконцентрироваться только на точке, за которой начиналось Ничто. То самое Ничто, где даже Бог не может прижиться под пристальными взглядами тех, кто боится заглянуть за точку.

Это как неспособность большинства людей к любви: не умея предаваться ей, они охотно проговаривают вслух и продумывают её мысленно. Это их удел слов и мыслей о любви, о которой на самом деле они не имеют никакого представления. Большинство людей плохо ориентируется внутри себя. Отсюда и все проблемы душевного дискомфорта, который развивается от отсутствия подлинных и важных мыслей.

Но это было совсем не то, вдруг, спохватился он. Мысль, родившаяся ночью, оставалась равнодушной к его терзаниям и самостоятельно не покидала расположение сна. А он не мог ее вывести из лабиринта подсознания наружу, чтобы тщательно продумать в реальности и с её помощью завестись с полуоборота, начав нанизывать в уме свои слова, которые разгонят чужие, затасканные от частого употребления, отвлекая от главного.

Так, с цитатами в голове, он провёл в постели час, другой, весь день, пока не уснул ближе к ночи, без конца повторяя банальную фразу, что вначале было слово, и это слово - Бог дезинформации. Он не мог вспомнить, откуда это к нему пришло, из какой книги, но догадывался, что из очень старой, раз даже название ее затерялось в череде его нескончаемых снов.

Он хорошо помнил то время, когда Книги перестали быть событиями. Их накопилось так много, что они уже воспринимались однообразным непрочитанным потоком отпечатанного материала, как те же продукты питания, которых стало великое множество. Поэтому новые книги никого уже не пе-

репахивали, мысли и образы были рядовыми и больше похожими на цитаты и перепевы из той же Книги книг.

Это было время, когда перемывать косточки Богу стало любимым занятием человечества. Высказываемая публично мысль о том, что религия – это бизнес, который к Богу не имеет никакого отношения, стала общим местом. Человечество этим бизнесом занималось всю отведенную ему сознательную историю, свободную от трудов праведных. А поскольку такое время у всего человечества было ограничено, то это поручили специально обученным людям. Их звали, по старинной традиции, то Сократом, то Ницше, в зависимости от того, чьи цитаты в историческом обиходе превалировали в системе координат знаний человечества.

Кто хочет блага для всех, вынужден совершать зло против каждого – внушили людям эти мыслители, и им поддакивал Гете. Но при этом не забывали мысленно добавлять: что бы ни случилось на земле, в райских кущах по-прежнему будут радовать праведников, а в аду – мучить грешников. Значит, и человек бессилен без Бога и Господь без человека ничто?!

Если вы разговариваете с небом, то это молитва. Если вам кажется, что небо разговаривает с вами, то это шизофрения. Трудно упомнить, кто так здраво рассудил, но точно известно, что некоторые поэты самонадеянно утверждают, это не они пишут стихи, а Господь Бог им их диктует.

Бог диктует?

«Я никому ничего не диктую. Человек, который возомнил себя поэтом, сам должен расслышать в себе слова Изначального. Иногда Я допускаю, что умершие поэты забавляются этим: нашептывают здравствующим рифмы. Особенно любят этим заниматься в России Пушкин и Есенин. И это у них неплохо получается. К тому же это их забавляет. Я не возражаю – поэты не высказались при жизни, значит, имеют право продолжать свой разговор устами других. Но многим поэтам никто ничего не диктует. Им бы стоило заткнуться».

Откуда эта цитата? Неизвестно, но звучит она как слова Господа! Кому и когда он это говорил? Неизвестно.

А человек в провинции все еще пишет. Пишет если не каждый день, то через день, а может, и через месяц, повторяется, возвращается, думает разное, а по сути вынашивает на бумаге одну и ту же мысль. В России, между прочим, так и можно – думать одну-единственную мысль – это всецело продуктивно. Вот и сейчас, лежа в постели, он повторял, что нужно вспомнить и думать одну важную мысль.

Кто хотел творить благо, тот готовился совершать зло и воспитывал в себе волю к власти, волю к победе. Но в XX веке потребовалось новое проявление воли – воли к разочарованию. Разочарованию итогами чужих и особенно своих побед, а также достижений власти.

Он знал, что должен думать именно эту одну-единственную мысль, ведь вторую он уже не в силах вытянуть. Да это и опасно -- думать несколько мыслей кряду: мало того, что ты будешь заподозрен в неблагонадежности, тебя привлекут за перерасход собственных мыслей, и тогда тебе не хватит времени жизни, чтобы продумать её обстоятельно и довести до людей в виде уже готовой цитаты. Не случайно многие философы за сто пятьдесят лет усвоили только то, что Бог умер. Правда, тут же выяснилось, что Бог проснулся. Ведь то, что Ницше воспринял как смерть, оказалось всего-навсего продолжительным летаргическими сном, во время которого люди ощутили громадный дефицит Бога.

Поэтому заново появились вопросы. Где Бог? Чем он занят? Как к нему записаться на прием? Это правильные вопросы, которые Бог слышит по сто миллионов раз каждый день. Но при этом те же люди возмущаются, что Бог ни к кому не приходит. Они не понимают, что Бог ни к кому не ходит и каждому нужно идти самому. Только по пути к нему можно убедиться, что Бог есть. Не случайно сильнее всех и больше всякого верит в Бога дьявол. Поэтому и борется с ним всеми доступными ему средствами, искушая всех остальных тем,

что призывает самоуничтожиться. Интереснее всего говорить не с Богом – он наше все, а с дьяволом: он всё наше Ничто.

Если человек хотя бы только попытается корчить из себя Господа, то максимум, чего он способен достичь, - это разбудить в себе Дьявола. И уже не надо будет закладывать ему душу, он станет владеть душой бесплатно. Хотя есть люди, в которых и Бог и Дьявол уживаются одновременно.

Порой людям бывает стыдно за свои слова, произнесенные вслух. Слова – пыль. На самом деле нужно стыдиться мыслей и помыслов в себе. Ведь слова, произнесенные вслух, мы всё же контролируем, а мысли в себе - никогда. Они мчатся, множатся, движутся по внутреннему пространству человека, превращаются в поступки, отвратительные поступки, и только тогда мы начинаем их стыдиться. Но поздно: стыдиться нужно мыслей. В себе и других. Вначале были мысли. Поэтому лежащий в постели облегченно подумал, что

Наедине с Богом человек равен Всевышнему.

Поодиночке оба бессильны.

Вместе, пока живы, – все бессмертны.

Но это уже известно было задолго до того,

как кто-то попытался приписать себе авторство.

Не придумав ничего нового, ощутив себя лишь слабым пересказчиком чужого, он снова погрузился в сновидение, куда, как ему казалось, все еще являются свежие мысли. А в пустоте пустот Ничто, куда он попытался выбраться из сна, еще раз убедился – мысли не живут!

(продолжение следует)

Владимир ЭКСПРЕСС

***

Когда лицо перебродившим тестом
Ползёт, коверкаясь гримасами утрат,
Когда глазам на строгом лике тесно,
А мысли беспощадно мстят,
Суметь найти в себе полёта вдохновенье,
Услышать в буре чувств ведомое трубой,
Восстать, и, не поверив хоровому пенью,
Перетерпеть и стать самим собой.

***

В сером бегстве рассвета
Вдруг увидеть Луну:
Вся в прозрачность одета,
Как в борделе Лулу.
Ах, Луна – это нечто,
Что таит в себе свет.
Не кончается вечность.
Замирает поэт.
В зыбкой дымке печали
Жест – как взмахом тоски.
И стою на начале
Эшафотной доски.

***

Я своё отыграл.
Время стукнуло в рельсу.
Подбежал посмотреть,
Есть ли что-нибудь съесть,
Пёс с седой головой,
Неудавшийся Нельсон.
Он летал лишь во снах,
И в глазах только месть.
Я теперь раскачал
Эту лодку до шторма.
Штиль остался в тиши
Фараонских гробниц.
Я б, наверно, кричал
В вечном городе Рома,
Где в восторге прелаты
Молча падают ниц.
Мир широкий и узкий
Упирается в небо.
Все грехи отпускает
Ультрамарин.
На балу ли, в кутузке,
С коньяком или с хлебом
Человек – уникален,
Мир же – един.

***

Не пей до дна вина.
Не исчерпать печаль.
И не вина вина,
Что рядом нет плеча.
Пусть встречи расставанья
Превысят на одну.
Не важно расстоянье,
Когда идёшь ко дну,
Да только словно воздух
Глоток пьянящий губ.
И кто сказал, что поздно
Найти, кто сердцу люб?

Старлей

Гарпии гарпунят, выбирая лучших,
Выцепляют тех, кто не уныл.
Не бодайся взглядом, наливай, поручик.
Месяц, вынув якорь, лодочкой уплыл.
Сфинкс с отбитым носом каменной громадой,
Детскою игрушкой в танце пирамид.
Наливай, поручик, нам немного надо:
Ровную поляну, если лётчик сбит.
Гарпии гарпунят, выбирая цели.
Мы не раз гордились сталью фаберже.
Наливай, поручик, зеркало оценит:
Мнилося – Голицын, в литере – Киже.

Отклик на Юбилейное себе

Всё круги по воде, время тенькает стрелкой недельною.
Если тень оживёт, так и та заведёт за корягу.
Холод лёг в борозде, не согреет сермяга нательная,
На душе немота, и её не отдаришь варягу.
Сад порублен в дрова, только тяга в печи задыхается.
Немота не горчит, не сластит – застывает катком.
Не жена, не вдова, лишь слова, что коньками катаются,
Цап-царапки души. Обещают простить, но потом.
Ещё раз на весы, поплавком в небеса слово лёгкое
И из проруби прочь, а за ним, стихоплётством согрета,
Боль, слезинка весны, ободок колеса и до Логоса
В праве, вором ли – неотжатая сущность поэта.

***

По-есенински одноного
Тополя по сумеркам бредут.
Смотрит жёлтый глаз, очерчен рамой строго,
На ересь облаков, раскинутых в бреду.
Свой бормочет сказ суеверный ветер,
У чужих боков пригрелось торжество.
Важно, по-хозяйски наступает вечер.
Здесь моих друзей, может, тоже сто.
Ластятся скамейки – давние приятели,
Сивогривым мерином пенится река.
Клумбы распушились, слушают внимательно.
Месяц приосанился – сам не без греха.
Вот моя казна, её богатства зримы:
Россыпь звёзд в дожде, как сдача с пятака.
Осень оттуманилась, вызревают зимы.
...И, чтоб меня клюнул, жарят петуха.

Елена ПОПОВА

Что векам грядущим неподвластно…

Венок сонетов

1.
Мир земной разрушен, разворочен.
Скоро я уйду – без проволочек.
Может, наконец покой найду
Да дворцы на небе возведу.

И глаза зажмурю я от вспышек,
Поднимаясь к звёздам – выше, выше…
Небосклон на части рассекли!..
Отдаляюсь дальше от Земли.

И в существовании бесплотном
Станет мне легко и беззаботно
(Горний воздух здесь прозрачный, чистый).
С каждым шагом дальше от мирского…
Жалко, к звёздам нет пути прямого,
Но спешить *туда* не вижу смысла.

2.
Я спешить *туда* не вижу смысла.
На верёвках тоненьких повисла
Лестница в заоблачную синь.
Нет просвета, взгляд куда не кинь.

Шаг неверный – тотчас же исчезну,
Прямо подо мной зияет бездна.
Посмотрю с опаской: высоко.
И попасть на небо нелегко.

Всё же я карабкаюсь упорно…
Облака там – словно из попкорна.
Солнце жарит их с утра до ночи.
Руку протяну, но вмиг отдёрну:
Обжигают облачные зёрна
Да терпеть совсем уже нет мочи.

3.
Да, терпеть совсем уже нет мочи,
С каждым вздохом путь мой – всё короче.
Не стаить былое: на виду.
Может, к звёздам и не попаду?..

Я несчётно в прошлом ошибалась,
Тщетно изменить других пыталась.
А теперь, вздыхая и сопя,
Ковыляю, старчески скрипя.

Жду, пока небесная контора –
А случится это очень скоро –
В списки не внесёт меня почивших.
А потом недолги будут сборы…
Каркает зловеще чёрный ворон:
Жизнь моя окончена почти что...

4.
Жизнь моя окончена почти что.
Даты перепутались и числа.
Было всё недавно ли, давно,
Что судьбой лихой предрешено?..

Да и ключевое слово – «было».
На Земле довольно погостила,
Чтоб подняться в райские сады
Полнить небожителей ряды.

А до них пока далековато.
Я живу в миру, и я не свята:
По дороженьке петляю склизкой.
Но когда-нибудь придёт расплата…
Мгла ночная распростёрлась скатом,
Сыплет электрические искры.

5.
Сыплет электрические искры,
Небо испещрили огоньки.
Вглядываюсь в даль: туманна, мглиста –
Воды неспокойные реки.

Мир чужой, холодный, где нет света.
Может, там берёт начало Лета?..
Ни кола вокруг и ни двора,
Посредине чёрная дыра.

Втягивает внутрь без разбора
И, темнее звёздного покрова,
Высосет всю душу без остатка.
Впереди, в дыре, ни зги не видно
(Словно клок ночного неба выдран,
Так и не пришил никто заплатку).

6.
Так и не пришил никто заплатку…
Чёрный шёлк небес – прохладный, гладкий:
Отутюжен с вечера луной,
Скрывшейся за плотной пеленой.

В бесконечной шири шёлк натянут.
А куда теперь?.. Да только прямо,
Кончились окольные пути.
Главное – с дороги не сойти.

Высь ярка, не выглядит уныло,
Нависая над уснувшим миром.
Облака плывущие слоисты.
Ну, а там, за ширью неземною,
Что и надо мной, и подо мною,
Небосвод узорной тканью выстлан.

7.
Небосвод узорной тканью выстлан.
Звёзды звонко звякают, звенят…
Гул ночной неудержим, неистов,
Да не остановит он меня.

А кометы обжигают жаром
И хотят меня ужалить жалом.
Жарьте, жальте, даже суйте в печь:
Плоти нет, а душу вам не сжечь!

Не понять, где рай, где ад: потёмки.
Опыт прошлых дней – со мной, в котомке
(Может, выпал? – гляну я украдкой).
Там всего намешено до кучи,
И шипов хватает, да и крючьев…
Нет, пожалуй, хватит – буду краткой.

8.
Нет, пожалуй, хватит – буду краткой.
Жизнь – непостижимая загадка…
Сколько воплощений надо ждать,
Чтоб её невольно разгадать?..

Замерзая, в пламени сгорая,
Ада уж достичь мне или рая…
Стрелки не колышутся весов
Между двух далёких полюсов.

В вечность мой уход никем не прерван,
И, признаться, я не стану первой:
Важен ли порядок тот при счёте?..
Словно кислотой облита серной,
Так хочу избавиться от скверны!..
Тяжко быть одной, когда все против.

9.
Тяжко быть одной, когда все против
(Напрочь хоть забудь о тленной плоти).
Мы одни приходим, без родни
Коротать отпущенные дни.

И одни уходим, как ни странно,
О былом жалея непрестанно,
Но его обратно не вернуть
(Это вам не лампочку ввернуть).

Что былое?.. Канет безвозвратно,
Вспомним пусть о нём неоднократно
(Жалко, в полушаге от могилы).
Близкие придут гурьбой проститься…
Холм земли. Заплаканные лица.
Но и это выдержать под силу.

10.
Но и это выдержать под силу:
И не так швыряло и крутило,
Если гнуло, то в бараний рог!..
(Кстати, тоже впишут в некролог).

И друзья-родные на досуге
Дружно перечислят все заслуги…
Главная из них, пожалуй, в том,
Что не забывала о святом.

Только сильно хвастаться здесь нечем,
Ведь к гордыне нас толкает нечисть,
И не можем избежать соблазна.
Впрочем, можно вырваться из сети
(Важно, что у вас в приоритете),
Если видеть цель предельно ясно.

11.
Если видеть цель предельно ясно,
Многое окажется подвластным.
Покачнув звезду, а может, две,
Растворюсь в бездонной синеве…

Млечного испив с ладоней млека,
Распадусь на тысячи молекул
И прольюсь полуночным дождём,
Что с надеждой жарким летом ждём.

С облачных высот спущусь на Землю
Я, всему на белом свете внемля.
Капли полетят – десятки сотен…
Напою иссохшуюся почву,
Новый мир создам – цветущий, прочный.
Пусть бесплотна – труд мой не бесплотен.

12.
Пусть бесплотна – труд мой не бесплотен.
Так ли путь земной бесповоротен,
Коли, слепо следуя судьбе,
Мы однажды спустимся с небес?..

И не важно, как, в каком обличье:
Будем выводить ли трели птичьи
Иль плескаться волнами реки
(Может быть, писать о том стихи,

Как на травах утром блещут росы
И нектаром лакомятся осы,
Бабочки порхают, легкокрылы).
И парить, не ведая преграды,
И творить, не требуя награды…
Я ценю безмерно всё, что было.

13.
Я ценю безмерно всё, что было
И за что порядком заплатила,
Чаще непомерною ценой:
На меня, кто дорог, шли войной.

Им ли знать о Гегеле и Канте?..
Камня не оставили на камне,
Раздували ссоры, как могли,
И железом раскалённым жгли.

Хоть старались, да не заклеймили:
Слава и хвала Господней силе!
Он Отец наш, и Его мы паства.
По моей спине ходили плети,
Но есть то, что выше дрязг и сплетен
И векам грядущим неподвластно.

14.
И векам грядущим неподвластно,
Что к великой тайне сопричастно.
Окунувшись в млечную купель,
Жизнь переосмыслила теперь.

Только не пригрезилось ли это –
Звёздные потоки и кометы,
Обретенье смысла бытия?..
Вот уж напридумывала я!..

Но средь разных дел еженедельных
Помню я о главном, запредельном,
Пыль храню космических урочищ.
И душа моя как не на месте:
Может, в небеса вернуться, если
Мир земной разрушен, разворочен?..

15.
Мир земной разрушен, разворочен.
Я спешить *туда* не вижу смысла,
Да терпеть совсем уже нет мочи,
Жизнь моя окончена почти что.

Сыплет электрические искры –
Так никто и не пришил заплатку –
Небосвод. Узорной тканью выстлан…
Нет, пожалуй, хватит – буду краткой.

Тяжко быть одной, когда все против,
Но и это выдержать под силу,
Если видеть цель предельно ясно.
Пусть бесплотна – труд мой не бесплотен.
Я ценю безмерно всё, что было
И векам грядущим неподвластно.

Елена ВАХРУШЕВА

***

Лёгкий гелий летит с Земли,
Водород улетит с Земли,
А тяжёлое – оседает.

Тяжесть Космоса на плечах...
Кремний. Тысячи тонн сейчас
Накопились и давят, давят…

И не годы, и не века.
Возраст – это когда река
Всё летучее испаряет.

Алюминия блеск на дне
Котелка. Его в тишине
Хлебной корочкой драят, драят…

***

Я и соседский кот – получилось двое,
Только опять любви не хватило на всех.
Кот изодрал рулон белых-белых обоев,
И теперь по квартире гуляет снег.

Я же точу наган. Усатая рожа!
Вот догоню – не будет тебе поща…
Кот обернулся:
– Но и тебе ведь тоже
Завтрашний день никто не обещал!

В больничной палате

Изучаем, насколько ровно
К потолку приделаны лампы,
И течёт лекарство в иголки
Из систем, похожих на ландыш.

Став сиамскими близнецами,
С двух сторон подставляем вены
Струйно-капельному мерцанью
Стройно вытянутой системы.

Ты, засушенная постелью,
Шевелишь узловатым пальцем.
Накормлю – выпадает челюсть,
Напою – подтекает памперс.

В безысходности обвиняешь,
Что ворую твои продукты.
Не сержусь, потому что знаю:
Мы повязаны одной трубкой.

Мы – разобранные матрёшки
И разложенные по кучкам.
Кто-то выйти хотел в окошко –
У окна отвинтили ручку.

Меня выпишут слишком рано.
И другая придёт на смену –
На очистку твоих бананов,
На распятие под систему.

***

Утро. Раннее пробуждение.
Встала.
Потянулась. Достала.
Всех достала
Разговорами о РОЖДЕНИИ,
Оттого, что малая
Клетка пошла на деление.

Выросла
И сейчас могла бы вместить Вселенную,
Но лень. Не стала.
Довольствуюсь малым –
Строю клетки для денег,
Животных и даже растений.
Называю заборами,
Теплицами помидорными.
Но всё мало.
Строю клетку себе
Выше Эльбруса, глубже Байкала.

Мелочи клею и клею,
Вся в шелухе, обидах,
Меня уже и не видно…
Слышите, рыцарь с руками, делами,
Вовремя сказанными словами?

Я превращаюсь в буку,
В букву, выпавшую из строя.
Видимо, буду ползти до прозы
Или диван украшать собою,
Как торт масляной розой.

Екатерина Медичи – королева Франции

Написано в память об историке
Наталье Басовской

– Может, повесим её на воротах?
(Это из детства.)
– Лучше утопим её в болоте!
(Это посмертно.)
Медичи Екатерина – лицо эпохи,
Чёрная курица, чёрная королева.

Это шестнадцатый век. Нострадамус, яды,
Религиозные войны, одни враги.
Ей государственные мозги бы надо –
А у неё аптекарские мозги.
– Всем помириться! (Вот только одно и может.)
– Всем пожениться! (Ну, встала не с той ноги.)
– Всем помириться! (Сидит. Заедает мороженым
Красные петушиные гребешки.)

– Все помирились? (А с сыном хлопот всё больше.)
– Переженились? (Позорит свою страну:
Генриху вот прикупила корону Польши –
Он из неё сбежал, прихватив казну!)

Так что у нас карнавалы одни и танцы
Или трагедии на итальянский лад.
Путая постмодернизм с раблезиантсвом,
В бедной стране случился Comedy Club.

Ну хоть не проповедь, где умираешь со скуки,
Только услышав, что «кровь превратилась в вино».
Руки уже превращаются, превращаются руки
В тёмные крылья и разбивают окно.

Жизнь одного с тысячами сравнима,
Если она твоя, и причём здесь крест.
Ночь на святого Варфаламея не кажется длинной,
Если уже под тобой покачнулся насест.

Если поплыл. Королевы давно не стало,
И сыновьям короны не помогли.
Против чего вы теперь, господа протестанты?
– Против того, чтоб культуру изгнали с Земли.

***

Сыну

Не искал Карбунский клад
(Амулеты с топорами),
Не разглядывал алмаз,
Сотворённый втихаря,

А бежит твоё шоссе
Ломаной кардиограммой,
Вывалянное в песке,
Как котлета в сухарях.

У тебя своя война,
У меня – своя засада,
И какие же дела
В этом ритме могут быть?

Лишь раскладывать пасьянс
Из нарезки карбонада –
Ведь когда придёшь с войны,
Надо будет покормить.

***

Вот прилетела, села на шторку
Летучая мышь,
И прогнала из тесной каморки
Здравую мысль.

И перепутала постепенно
Север и Юг,
Балуясь, вдёрнула мне в антенну
Памяти звук.

И полилось – мы тогда сидели
За столом,
После учёбы ты потом летела
Напролом
Замуж, во Францию. За миллионы
Министра труда,
В Орден Почётного легиона,
Нужный всегда
И президентам, и их величествам
Королям.
Я, с прищемлённой манькой величия –
По деревням,

Весело так вытрясала в общественный
Огород
Семечки... как его… доброго, вечного,
Что не растёт.

Но юбилей «альма-матер» приблизился.
Всех любя,
Наш институт, как Анну Австрийскую,
Встретил тебя.

Выстлал асфальтовую дорожку,
А на ней
За грациозной поступью кошки –
Взмах голубей.

– Как ты? – Прекрасно! У нас во Франции
Лёгкий быт!
Муж только старый,
Жалко инфанта мне
Не родить.

С мамой он, той ещё королевой,
Только и рад,
Давят в саду за устричной фермой
Свой виноград.

И отвернулась. Будто так важно
Видеть во мгле,
След от какой конкретной букашки
Был на стекле.

***

Осень. И книжное детство, и скатерть до полу,
И никому не мешающий мир под столом,
Где все дороги ведут в Изумрудный город
Мимо Геракла, сразившегося со львом.

Мир-утешитель и он же нелепый гений
Дал путеводную нить, но как будто знал,
Что не пройду сквозь болото своих сомнений,
А поверну в Королевство кривых зеркал.

Сколько икаров нападало в ветки рябины,
Сколько светящихся дыр обозначилось в ней!
Капли по пояс выпрыгивают из кринолинов,
В лужах плывут отпечатки кровавых ступней.

***

Штанины пикантно замёрзнут в пуанты,
Пока загоняю совком
За стулья и швабры снежки, словно шайбы,
И чищу от снега балкон.

Зачем его чищу? Зачем ему грубо
Разламывать внешний вид?
За лёгкое счастье селёдки под шубой –
Востребован и прикрыт.

Когда «трудовой героизм» повернётся
Унылой своей стороной,
Посмотришь на небо и ждёшь не дождёшься,
Когда всё растает само:

Тропинки, сугробы, следы пешеходов,
Засыпанных белой крупой,
Бугры на дорогах, нечищеных сроду,
Со всей ледяной шелухой.

Ведь ты же не можешь… Прищепка на коже,
Объятья ночной тишины,
И медленно тающий месяц – кокошник,
Обстриженный ноготь луны.

***

Что? Куда? На актёрские курсы, что ли?
Нет, это город впал в Средиземное море
От красоты твоего светового шоу,
Каракатица Сепиола.

Розовый гусь Фламинго, поднявший ногу,
Так и не может переступить порога,
Так и стоит, навеки к тебе прикован,
Каракатица Сепиола.

Только подрагивает лебединой шеей.
«Кто вы? Скажите! Наверное, рак-отшельник?»
Вышел Фламинго, розовый и прекрасный,
И каракатица Сепия вдруг погасла.

Как погасают все, кто в себя не верит…
Ветер ослеп совсем. Он перепутал двери
И раздувал нескончаемое мгновенье
До фотографии «до» в рекламе средства для похуденья…

Так загорайся вновь! Темно друг без друга.
Гоним алую кровь по изначальному кругу
Жизни, и мы летим к тому, кто сияния полон,
Даже если сгорим каракатицей Сепиолой…

Очевидно, сгорим каракатицей Сепиолой.

***

А новоселы с улицы соседней
Малиной засадили палисадник.
И только я твердила безрассудно,
Что я не знаю, что садить пока.

Ведь мне хотелось озеро с рыбешкой,
Чтоб ирисов цветущие рубашки
И чтобы пчелы с полосатым брюшком,
Свисающие с каждого цветка.

И поплавками в ожиданье клева
Медитативно замирает клевер,
А выросший шиповник красноклювый
Таким необходимым представал,

Как в чае запах мяты или руты
И как лимон в коктейле «Маргарита»
Или гречиха в виде сидерата
(Конечно, если кто практиковал).

Чертополох с шипами на колене,
Почти декоративная калина,
И тянет муравьиная колонна
Идти куда-то к заводям реки,

Где листья мечевидно-перегнуты,
А в их тени, как будто бы под гнетом,
Толпою, как булавки пред магнитом,
Стояли серебристые мальки.

Уже давно покинута деревня,
И памятью залечена дыра в ней.
И доктор говорит: «Дышите ровно».
И я дышу, но слышу я опять,

Как шумная деревня-говорунья
Всех потчует малиновым вареньем,
А я лечу, как перышко воронье,
И ничего не в силах поменять.

***

Так не хочется лететь в макулатуру,
Но песочница – не пирамида Лувра,
Вечна только надпись «Танька-дура»,
Сделанная на стене мелком.

Никуда мне от неё не деться.
И в своём дворе, и по соседству –
Всюду запечатанное детство
Этих Танек, выросших потом.

Может, их всё это не волнует,
И они вообще не существуют,
Может, к жизни их – одну, другую –
Вызывают надписи как раз.

Сядут старожилы-аксакалы,
Покачают головой устало,
Скажут: «Слишком много умных стало.
Как бы не нарушился баланс!»

Значит, им пора за дело браться.
И, спасая двор от инноваций,
Самый уважаемый из старцев
Подновляет надпись на стене

Почерком магическим, куриным,
Мелом бело-розово-карминным.
В результате вечная картина –
Дом стоит и свет в любом окне.

А внутри мадонны и младенцы,
Бархатцы и сохнут полотенца,
Логотип – обычная семья.
Глянь-ка, это ж Танька! Это ж я!

Ирина ЛЕБЕДЕВА

Ожидание

Обесточенный день
В белоснежном мундире —
Бесприютен везде
В пропадающем мире.

Он безбрежно застыл,
От ветров притомился,
Стал не дорог, не мил
Без любви и без смысла.

Отутюженный снег,
Как тончайший пергамент,
Появился извне
На осенний орнамент…

Я истёртую грань
Отдаю на закланье.
Рву ажурную ткань
На груди ожиданья…

Ложь

Не поднимайте мне веки —
Правда ослепит глаза.
А на последнем разбеге
Нужно же что-то сказать.

Только бы правда случайно
В сладостный миг торжества
Не прорвала мою тайну —
Пусть буду я не права…

Только пускай не сегодня
Лопнет на дамбе гранит.
Ложь, безрассудная сводня,
Совесть и ум примирит…

Память

Времени поток, настоящее размыв,
Новые узоры оставляет на стене.
Память непрочна, иллюзорна, входим мы в
День вчерашний те же, но не прежние вполне.
Память нам твердит, что день вчерашний был.
Нам он дан судьбою. Мы тут вовсе ни при чём.
Знать же не дано: может превратиться в пыль

Память наших жизней с первым утренним лучом.

***

Накройте праздник волшебства
в той самой точке заданной,
где беззащитность женщины
слепа и горяча.

Пусть Ваша страсть торжественна,
да только вот не надо мне
цитаты благозвучные
с секирой палача…

Волна

Мне снилось: я стала волной,
Видно, быть человеком устала.
Гордой сутью тянусь за луной,
Чтобы сила моя возрастала.

Разрушений могучая страсть
Бьётся пульсом, тяжелым ненастьем.
Исполинская грозная власть
Островок разбивает на части.

Что преграды? Огромную мощь
Я обрушу на мрачные скалы.
Вам не будет пощады! Я дочь
Океана! Мне мало, мне мало!

Рассыпаясь на тысячу брызг,
Я опять соберусь воедино.

И луны жёлто-матовый диск
Будет лампой светить Аладдина…

Ссора

«И этот отсвет, искренностью томный,
и эта расписная синева»
мне — как укор, как будто не права
я в темноте глухой каменоломни…

Но что-то доказать тебе так сложно!
Прощаются бездонные глаза,
что стали обречёнными из-за
того, что примиренье невозможно…

Алкоголь

Попутчик для души — а сколько вынес боли?!
Не разглядеть тебя и чувства не понять,
Когда в хмельном бреду ты бродишь без контроля,
Чужой среди своих, презренный, словно тать.

Как в душу заглянуть, где разгулялись черти,
Безжалостно круша всё лучшее вокруг?
Без цели, без мечты играющий роль жертвы —
Как глупый дровосек, что рубит жизни сук.

Бессмысленная жизнь, туманное сознанье.
Последняя любовь растает, как свеча.
Подмостки догорят — артиста на закланье,

Чтоб сам себе сыграл безумство палача.

Маска

Не пронзит глаза просвещенья свет.
Здесь и тела нет, да и духа нет.
Не услышишь стон, не сорвётся крик.
То ль гримаса зла, то ль священный лик.
Не понять тебя. То ль умён, то ль глуп.
Может, ждёт Харон твой остывший труп?
Муки, радость, боль, страх или печаль?
Задаю вопрос, что терзал датчан.
Но молчат уста – запечатаны.

И душа твоя не разгадана.
В маске каменной разобрать черты
Не сумела я. Вдруг под маской ты?

На острове обреченных

На острове обречённых
Туманы лежат сметаной.
Там каждый, как заключённый,
В свой кокон навек затянут.
Здесь нет ни зимы, ни лета.
Дороги – паучьи сети.
Ни отблеска, ни просвета.
И всякий как будто третий.
Живут себе, не бунтуют,
В ладони лишь прячут лица.
Проносится вхолостую
Дней бешеных вереница.

Виктор ЦЕБЕРЯБОВ

Бежит дорога вдаль витой пропажей

Венок сонетов

1

Бежит дорога вдаль витой пропажей,
в болото-вечность кануть даден день…
Но изо всех из бывших тем он важен,
что кто-то в нём себя смог разглядеть –

понять зачем, куда или докуда
шагать придётся и потом присесть,
когда повеет вечера остудой,
тебе напомнив: ты ОДИН при всех,

а не внутри того водоворота,
что миражами нам рисует жизнь.
И будь ты даже тысячу раз против,
колоды карта так УЖЕ лежит…

И потому, быть может, нас легко
зовёт в бескрайность ворох облаков.

2

Зовёт в бескрайность ворох облаков,
чтоб небом ясным кончиться когда-то…
Дабы душе, державшейся тайком
лишь на надежде встречи или даты,

вдруг развернуться праздником ежа,
что всех врагов колючками отставил,
и ей – душе – такую же прижать,
чтоб дальше вместе влиться в мира тайны.

Ах, редкий случай – до конца вдвоём,
велик Господь, несметны Его меты!
Но люди ищут, ищут лишь своё,
причём никто им не поможет в этом!

Иные совесть измарают сажей –
за жизнь, что так легла, здесь не накажут.

3

За жизнь, что так легла, здесь не накажут –
вглядеться б в эти грустные слова!
Пусть даже все довольны, и пусть даже
ты сам готов открыто воздавать

хвалу себе, петь гимны и кантаты
за то, что так всегда был справедлив,
но ущипнёт вдруг бывшее когда-то,
что так старался временем залить!

И вроде бы ничем и не обязан –
ведь ты ОДИН, другие все – вокруг!
Кто разберёт загадку тонких связей:
кто змей был на груди, а звался «друг»?

Даже себя узнать ЗДЕСЬ нелегко,
потом лишь спросят: кто ты был таков?

4

Потом лишь спросят: кто ты был таков?
Пришёл планету чем-то осчастливить,
или и в генах главным стал покой
и равнодушие глубокого разлива?

Нестроен лагерь, что зовём людским –
одни себя лишь центром мира видят,
другим неважно, плыть путём каким,
для них труд помощи и явен, и обыден.

Насколько соблюдён любви баланс
меж теми, кто свою персону любит,
и теми, кто к другим готов пылать
огнём заботы – это кубик-рубик…

Вопрос лишь в том, какой ты был садовник,
и много ли деревьев тебя вспомнят?

5

И много ли деревьев тебя вспомнят,
какой волной откликнешься в сердцах
своими мыслями, что были, может, спорны
у тех, кто были только деревца?

И как, осознавая, что ОДИН ты,
как зной в степи, с роддома до креста,
кому-то дверь открыть, сказав: «Войдите!»,
не зная сам – войти-то здесь куда?

Да мудр Создатель – с тем всё и придумал,
от нас сокрыв возможности души
и всё назвав причудами Фортуны,
к другим делам-вопросам поспешил…

А деревца толкает в пляски круг
твой давший жизнь им благородный труд.

6

Твой давший жизнь им благородный труд
причудой Высшей благости пропитан,
когда в чести, проснувшись поутру,
себя узреть просеянным сквозь сито

предбывших мук, за коими стоит
явленье данной выбранной дороги…
На ней все тайны помыслов твоих
под Главный взгляд, что чаще всё же строгий.

И путь твой там лишь, где так много сил,
речей и нервов по нему разлито…
Порою будет в сторону сносить,
но «дом» и «ты» всегда напишешь слитно.

А кто в нём был, твоей персоны кроме,
и был ли сын в уютном тёплом доме?

7

И был ли сын в уютном тёплом доме,
что на пути зрел чаяньем твоим?
Он стал во мраке лучику подобен,
когда любовь дала всё на двоих!

Когда прорвало стену – был ОДИН ты,
но если СЫН, то вызрел тот – ДРУГОЙ,
готовый для заботы и для быта
покорным и безропотным слугой.

И всё затмило слово «продолженье»,
что окропит утерянность твою,
когда тебя с забвением поженят
и упокоят в вечности приют…

Да вспомнит домик силу твоих рук,
что ты срубил у яра на ветру.

8

Что ты срубил у яра на ветру,
что обогрелось женщины уютом,
и первый шаг роднульки по ковру
под заунывный вой метели лютой –

сронило быстро в память, что ОДИН
недавно был в далёком диком крае…
Теперь тобою правил ГОСПОДИН,
причём без тяготы – чаруя и играя.

Ты делал всё, наверное, как все,
как все отцы в притёршемся семействе.
Переживал, забрасывая сеть,
что вдруг не рыбным оказалось место.

И думал, глядя на былое косо:
наверное, потом о многом спросят.

9

Наверное, потом о многом спросят,
и больно будет, взгляд метнув горе,
найти на то ответ, на что непросто
сыскать у совести – и тихо замереть.

И крик души, что тут же размахнётся,
пронзит тебя, как цель свою, клинок!
От всех таил и прятал днём и ночью
тот грех случайный мимолётный, но…

И будешь ты, как уж на сковородке
вертеться с боку на бок, на живот
под мощью глаз спокойных, даже кротких,
пока ответ твой сам вдруг оживёт.

И жив ты будешь или посечён –
любой ошибке там предъявят счёт.

10

Любой ошибке там предъявят счёт:
все до одной сосчитаны у Бога!
Добавят что-то и твои ещё –
кто нам расскажет, сирым и убогим?

Ведь был Христос на крест свой водружён
не без пронзающего душу смысла:
у всех, кто люди, на сердце ожог
от вида тела, что упрёком свисло.

Весь рой грехов людских, что, как грибы,
росли до казни, после, может, больше –
взял на себя, чтоб людям просто быть,
без мук духовных жить и жить подольше…

Бывает так, что хочется всё бросить,
но в жизнь зовёт с утра шальная просинь.

11

Но в жизнь зовёт с утра шальная просинь,
деревья ждут затеи ветерка…
Восход встречать и нежиться кто против? –
кто против ранью к речке ускакать,

чтоб окунуться в свежую прохладу,
чуть притушая резвость у коня?
Мечтать с утра, как с этим днём поладить,
и что он ждёт – заранее понять!

Чтоб затевать во всю мужскую силу
под песни птиц заботы и дела
о месте главном, месте самом милом,
где вся семья надежду обрела!

А в ночь уткнёшься в жёнино плечо –
и нет желанья думать ни о чём!

12

И нет желанья думать ни о чём…
Душа ночной нальётся благодатью,
в какой-то там графе стоит зачёт
за день, что был нижайше Богом даден.

Ещё их будет много – этих дней
с таким или подобным результатом.
Потом подросток станет посильней
и повзрослей – и вырастет когда-то!

И тот настанет жизненный виток,
когда сирень преградой сыну встанет –
свою судьбу уйдёт искать за той,
что вскружит голову своей великой тайной!

И много песен светлых будет спето –
с тем над тобой и плещутся рассветы.

13

С тем над тобой и плещутся рассветы,
чтобы тревожный неспокойный сон
стал непременно сладким перед светлым
и звонким праздником восхода, что весом

теперь и кроткой тайной содержанья,
и крепких сил решать её всегда.
Но вдруг проснуться может и ужалить
всё та же давней юности беда –

что где-то все, что снова вдруг ОДИН ты,
в гостях супруга, сын ушёл с женой.
Одним друзьям в сердцах сказал: «Покиньте!»,
других уж нет – оплаканы давно…

Но проявляются и нужные приметы,
чтобы отвлечь от смутных дум об этом.

14

Чтобы отвлечь от смутных дум об этом,
всплывёт из них достойная одна:
ПОТОМ всё будет как-то или где-то,
когда Земля решит тебя принять…

А тут и ныне среди всех живущих
ты им заочно тем уже родня,
что ЗДЕСЬ мы все среди лесов поющих,
средь гор и дол, что сказкою манят!

Что счастье видеть первый лучик солнца,
всё забывая, тут лишь нам дано,
или в ночи столь милое оконце
припомнишь, хоть и в детстве всё давно…

Потом поймём, кто всё это покажет –
бежит дорога вдаль витой пропажей.

15

Бежит дорога вдаль витой пропажей,
зовёт в бескрайность ворох облаков…
За жизнь, что так легла, здесь не накажут,
потом лишь спросят: кто ты был таков?

И много ли деревьев тебя вспомнит,
твой давший жизнь им благородный труд?
И был ли сын в уютном тёплом доме,
что ты срубил у яра на ветру?

Наверное, потом о многом спросят –
любой ошибке там предъявят счёт…
Но в жизнь зовёт с утра шальная просинь,
и нет желанья думать ни о чём!

С тем над тобой и плещутся рассветы,
чтобы отвлечь от смутных дум об этом!

Апрель 2020г.

Первые воспоминания детства

В Братске готовится к изданию сборник о ранних воспоминаниях детства. Предлагаем вниманию читателей альманаха страницы будущей книги.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

Я себя помню с двух лет. Отец был офицер Советской армии и с нами почему-то не фотографировался. Новый год 1948-1949 года в Бресте. Мне было почти 1,5 года. Сижу на руках у отца, а сзади идёт мама. Вот мы подходим к двери Дома офицеров, где для детей устраивается ёлка. Отец открывает дверь, и я вижу нарядную ёлку. А что было дальше, не помню. А всё, что сохранила память, описала в автобиографических семейных рассказах.

Как я опозорила маменьку (ноябрь 1949 года)

Этот случае помню смутно. Рассказываю о нём со слов маменьки.

Так как я была непоседой и вездесущим ребёнком, за которым нужен был глаз да глаз, то ни одна соседка не соглашалась посидеть со мной хотя бы полчасика. Поэтому маменьке приходилось повсюду таскать меня с собой. Не оставлять же дочь в возрасте два года и пять месяцев одну дома.

Как-то утром возвращаемся мы из продовольственного магазина, где купили разные консервы и булку хлеба. Путь наш пролегал мимо небольшого овражка. И тут маменьке приспичило в туалет, в то время она была беременна моей младшей сестрой Тамарой.

– Ты стой здесь и держи в руках булку хлеба, а сетка с продуктами пусть на земле полежит, – сказала она. – А я сбегаю в ямку покакать.

Зря она так сказала. Но ведь не всегда удаётся предугадать событие. Поэтому случилось то, что и должно было случиться.

Мне надоело держать в руках булку хлеба, и я положила её на землю. Потом немного походила вокруг и уселась на булку. Когда я увидела проходивших мимо меня солдат (их было человек пять), то помахала им рукой.

– Дласте, – сказала им, как учила маменька. Это были солдаты из отцовского батальона, и они меня знали.

– Галя, ты чего здесь делаешь? – спросил один из них.

– А бульке сизу, – ответила я.

– А мама твоя где? – задал мне вопрос другой солдатик, который, оглянувшись по сторонам, не увидел поблизости никого из взрослых.

– В ямку какать пошла, – чётко ответила я.

Маменька потом рассказывала, что услышав дружный мужской смех, чуть в обморок не упала. Она подождала, пока

солдаты не скрылись из виду, и только тогда вылезла из овражка.

– Ты зачем дядям сказала, куда я пошла? – накинулась она на меня с упрёками, но потом поостыла. Сама так ребёнку сказала, сама и виновата.

Но к чести солдат, должна сказать, что никто из них об этом не рассказывал, в те времена нравственность у людей была выше и было бережливое отношение друг к другу.

О пистолете (1950 год)

Мне было три года отроду, а новорожденной сестре Тамаре всего лишь пять месяцев. Поэтому маменька больше времени проводила с сестрой, тем более, что ребёнок был на искусственном вскармливании. И я, как кот, который бродил сам по себе, была предоставлена сама себе.

В то время мы жили в длинном деревянном бараке и ждали, когда отремонтируют дом, повреждённый во время войны, в котором нашей семье обещали квартиру. Ждать пришлось года два, пока дошла очередь до нашего дома.

В то время мне казалось, что жили мы хорошо, по крайней мере не в землянке, как многие люди, оставшиеся без жилья. У нас была отдельная комната, отгороженная дощатыми перегородками от комнат соседей. Ещё мне помнится длинный коридор, по которому хорошо было бегать и играть в догонялки. В конце коридора была общая кухня с большой плитой, на которой женщины готовили нехитрую еду для своих детей и мужей. А дети, и я в том числе, приходили туда нюхать вкусные запахи.

Однажды утром отец пришёл с ночного дежурства таким усталым, что сбросив с себя портупею, лёг на кровать и мгновенно заснул. Я походила немного возле кровати и, увидев, что отец заснул, открыла кобуру и вынула из неё пистолет. Сначала я его только рассматривала со всех сторон, а потом взяла обеими руками и направила на отца.

Хорошо, что у маменьки, вернувшейся из кухни, хватило выдержки не закричать, а то бы я от испуга нажала на курок. Она подошла ко мне и погладила по голове.

– Дай мне, я покажу тебе, как правильно надо держать, – произнесла она спокойным голосом и протянула руку за пистолетом.

Но мне не хотелось отдавать маменьке игрушку, которую я часто видела в кино.

– Если ты мне не отдашь папин пистолет, то я не буду тебя любить, – слова маменьки возымели действие, и я ей отдала пистолет. Любовь маменьки для меня была дороже, чем игра с отцовским пистолетом.

– Николай, подъём! – скомандовала маменька.

Отец вскочил и, протирая глаза, посмотрел на жену с пистолетом в руках и на меня, жадными глазами смотревшую на оружие.

– Полина, отдай мне пистолет, он заряжен, – сказал отец маменьке, и та с осторожностью протянула его ему. – Убить меня что ли хотела?

Маменьке не понравилась его усмешка, и она не на шутку разозлилась.

– Это ты у своей доченьки спроси, зачем она его из кобуры вынула и на тебя наставила. Если бы я вовремя не подоспела, то был бы ты уже в мире ином, – резко и с надрывом произнесла маменька и с укором посмотрела на меня.

– Как это она умудрилась его снять с предохранителя? – удивился отец. – Меньше бы таскала ребёнка на военные фильмы, такого бы не случилось.

Маменька спорить не стала. Она, действительно, брала меня с собой на просмотр всех кинофильмов, которые привозили в Дом офицеров. На это было две причины. Во-первых, из-за моей неуёмной энергии никто из соседок не соглашался посидеть со мной пару часиков. А во-вторых, кино в Доме офицеров показывали бесплатно.

После этого случая отец ни разу не приносил домой табельное оружие, а оставлял его в сейфе в своём служебном кабинете или сдавал в оружейную.

Странный нищий (осень 1950 года)

Ребёнок на искусственном вскармливании создавал определённые трудности для маменьки. Меня-то она кормила грудью до двухлетнего возраста, поэтому никаких проблем с питанием не возникало. Ела я всё, что давали, и никаких аллергий не было. Не то что у сестры, которой то каша не подходит, то от безобидного супчика сыпь высыпает по всему тельцу. Вот и приходилось маменьке три раза в неделю ходить на рынок за козьим молоком. На него у сестры аллергии не было, и поэтому я её про себя дразнила «Тамухой-козюхой».

Не любила я ходить с маменькой на рынок, так как вставать приходилось рано, одеваться и идти пешком километра три.

– Была бы послушным ребёнком и сидела бы с тётей Клавой, – обычно выговаривала мне маменька, слушая моё нытьё о том, что ножки устали и болят или что пить и кушать хочется.

Вот и в этот пасмурный тридцатый день сентября я ныла всю дорогу и замолчала только тогда, когда мы с маменькой подошли к воротам рынка. Первым, кого я увидела, был страшный старик. Он сидел на голой земле, босой и одетый в грязные лохмотья. У него была длинная всклоченная борода чёрного цвета и густая давно нечесаная шевелюра. Но больше всего мне запомнились его большие чёрные глаза, которые словно светились изнутри.

– Подайте Христа ради убогому пятачок! – скрипучим голосом пропел старик, протягивая руку.

Денег у маменьки было только на литр козьего молока, поэтому она отказала в помощи нищему.

– Бог подаст! – сказала она и заспешила на рынок. Но слова старика заставили её остановиться и повернуться к нищему лицом.

– Мне-то Бог подаст, а вот тебе за грехи воздаст! – произнёс тот, в упор глядя на маменьку большими чёрными глазами, белки у которых вдруг стали красными.

Мне не понравилось, как этот страшный дядька разговаривал с маменькой, и я погрозила ему пальчиком. Он усмехнулся и покачал головой.

– Тебя, меченую, мать и так уже наказала, поэтому ничего говорить не буду, всё равно бабка отмолит, – произнёс он и вдруг исчез.

– Словно растворился в воздухе, – заметила маменька, оглядываясь по сторонам.

Мы купили литр молока у знакомого маменьке продавца и отправились домой. День прошёл, как обычно. Вечером маменька искупала нас с сестрой в большом тазу и уложила спать.

Проснулась я от плача маменьки и голоса отца, который пытался успокоить её.

– Полина, успокойся! Это только страшный сон, – повторял он, как заведённый.

«А мне почему-то не снятся сны, – подумала я. – Наверно, потому, что ещё маленькая».

Маменька что-то объясняла отцу, но я ничего не поняла из её бормотания, которое меня убаюкало, и я заснула.

О чём говорила маменька с отцом, я узнала от бабушки Ольги Терентьевны Скворцовой только в 1957 году, когда мы уже жили в её доме в городе Струнино.

– Бабусь, а почему ты маме и Тамарке не разрешаешь спать на печке? – спросила я бабушку, лёжа с ней на горячих овечьих шкурах, которыми была покрыта лежанка русской печи.

– Потому что на них зло, которое я никак не могу отмолить, – ответила она и вздохнула.

– А на мне тоже есть зло? – поинтересовалась я.

– Твоё зло было маленькое, и я его быстро отмолила. Оберег породы помог, – её ответ меня озадачил.

– А откуда это зло взялось? – удивилась я. – Мы никого не обижали и ни с кем не ругались.

– Ты помнишь нищего старика у ворот рынка, которого вы видели, когда ходили за молоком? – в свою очередь задала мне вопрос бабушка.

– Это тот, про которого маменька говорит, что из-за него она и Тамарка болеют? – решила я уточнить на всякий случай. Хотя о других стариках не слышала, но мало ли что.

Бабушка усмехнулась и, покачав головой, рассказала мне, что тот нищий не стал при мне проклинать маменьку и её детей, а пришёл ночью в наш дом, чтобы исполнить задуманное.

– Я помню, как маменька плакала, а отец ей что-то говорил. Только вот не помню, о чём они говорили. Очевидно, тот нищий сказал маменьке что-то ужасное, если она так плакала, – заметила я, с надеждой глядя на бабушку. Мне хотелось услышать, что же такого сказал этот страшный старик. Бабушка поняла, что лучше сказать, чем заставлять меня придумывать разные варианты страшилок.

– Он сказал, что у Полины всю жизнь будет болеть сердце, а у детей её будет незавидная судьба; одна утонет в воде, а другая захлебнётся в вине, – сказала Ольга Терентьевна.

Сейчас, когда после нашего разговора прошло почти шестьдесят лет, хочу сказать, что всё, о чём говорил странный нищий, сбылось в той или иной мере.

Маменька всю жизнь лечилась от болезни сердца. Я три раза тонула, но в последний момент кто-то или что-то вдруг выталкивали меня из воды на берег. А сестра Тамара погибла от злоупотребления алкоголем.

О плохо воспитанном ребёнке (1951 год)

Моя мама хорошо готовила. В голодные послевоенные годы она умудрялась из ничего сделать что-то. Лучше всех супов у неё получался рассольник. Может быть, я так считала потому, что в детстве очень любила солёные огурцы.

Однажды маменька варила рассольник и с удивлением обнаружила, что банка с солёными огурцами пуста.

– Галя, где огурцы? – спросила она, с подозрением глядя на меня.

– Съела, – ответила я и сглотнула слюну.

– Да там почти полбанки было, – удивилась маменька и покачала головой. Потом она достала с полки эмалированный бидончик ёмкостью не более литра и протянула мне.

– Сходи к тёте Клаве за огурцами, – попросила она. – Скажешь, что завтра отдам.

Тётя Клава, маменькина подруга, жила в соседнем бараке и часто заходила к маменьке поболтать о том о сём. Своих детей у неё не было, поэтому она с удовольствием возилась с моей младшей сестрёнкой. И про меня не забывала, всегда приносила мне в подарок конфету в красивой обёртке. Для меня это было важно, так как в то время девчонки моего возраста занимались коллекционированием разноцветных фантиков, а также устройством так называемых «секретов».

Поясню, как мы делали такие «секреты». Сначала надо была найти осколок оконного стекла и по его размеру вырыть в земле ямку, в которую положить разноцветные пуговицы, фантик от конфетки, кусочек фольги и разноцветные стёклышки, если повезёт такие найти. Всё это «богатство» закрывалось стеклом, сквозь которое можно было видеть содержимое «секрета», и присыпалось тонким слоем земли. Рядом втыкали в землю веточку или камешек, чтобы легче было отыскать и похвастаться перед девчонками.

Но мальчишки следили за нами и часто разрушали наши «секреты», поэтому мы вызывали их на поединок. Борьба была честная, один на один.

Но вернёмся в год 1951, когда я с бидончиком в руке очутилась у двери комнаты, где жила тётя Клава.

– Войдите! – послышался её голос в ответ на мой тихий стук.

– Мама варит рассольник, а я все огурцы съела, – сказала я и протянула тёте Клаве бидончик.

– Но я тоже завтра буду варить рассольник, – ответила она. – Огурцов на два рассольника не хватит.

– Мама сказала, что завтра отдаст, – мои слова успокоили маменькину подругу, и та вытряхнула из банки в мой бидончик пять солёных огурчиков. Я сказала тёте Клаве «спасибо» и отнесла маменьке огурцы.

На следующее утро маменька, накормив меня завтраком, вручила мне бидончик с солёными огурцами, за которыми она чуть свет сбегала на рынок, и попросила отнести тёте Клаве. Я что-то пробурчала в ответ и вышла на улицу.

Постояв на крыльце пару минуток, я решила не отдавать огурцы тёте Клаве, а съесть их самой. Чтобы маменька из окна не смогла следить за моими действиями, я зашла за угол барака, где был большой пень. Усевшись на пень, я принялась поедать огурцы. Когда бидончик опустел, я вернулась домой и отдала пустой бидончик маменьке.

– Отнесла? – спросила та.

– Угу! – ответила я и вышла в коридор, чтобы побегать. Так набитый живот быстрее утрясается.

Прошло два дня. Тётя Клава к нам не заходила.

– Что-то Клавдия к нам не приходит, – сказала маменька. – Уж не заболела ли? Пойду её проведаю.

И она ушла, а я стала быстро одеваться, чтобы сбежать на улицу. Но не успела. У входной двери я повстречалась с маменькой и тётей Клавой.

– Марш домой! – приказала маменька, и мне пришлось подчиниться. Войдя в комнату, подруги устроили мне перекрёстный допрос. Маменьке очень хотелось знать, почему я её обманула. А тёте Клаве интересно было узнать, куда подевались огурцы.

– В живот! – ответила я ей.

– Съела что ли? – удивилась тётя Клава. В ответ я кивнула головой.

– Зачем? – продолжала допытываться маменька. – Дома же были огурцы.

– Жалко! – ответила я и заревела во весь голос. Но никто не пожалел плачущего ребёнка. Мама с тётей Клавой смеялись до слёз. Я поняла, что наказание мне не грозит, и тоже улыбнулась.

– Ты не обижайся, Полина, но ребёнок у тебя плохо воспитан, – заметила тётя Клава.

– Я и сама понимаю, – ответила маменька. – Тамара часто болеет, вот и сижу с ней. А Галя с утра до вечера на улице.

– Оно и видно, что у неё уличное воспитание, – ответила тётя Клава и отправилась домой подумать, как меня можно перевоспитать. Она наверняка думала о том, что хорошо воспитанная совесть не будет грызть своего хозяина.

Галина ГНЕЧУТСКАЯ

Детство на обочине Ангарлага

Отрывки из мемуарного романа

Чаепитие

Моя бабушка любила плиточный чай. И даже через шестьдесят лет я ощущаю его аромат и отчётливо вижу, как в темном головном платке, завязанном сзади и прикрывающем высокий лоб, она берёт в руки металлическую банку и, разминая пальцами спрессованный кусочек, сыплет чайную пыль в разинутый чайниковый рот. Уже кипит самовар. Его труба примыкает загнутым коленом к русской печи. Вот самовар переносится на стол, и к самоварному крану придвигается заварочный чайник, шипит кипяток.

Бабушка начинает завтрак со свежего чая. Мне полагалась молочная лапша. Иногда я говорю, что побаливает живот, и отказываюсь от лапши.

– А яичко хочешь? – спрашивает тётя Шура.

– Хочу! – с готовностью соглашаюсь я.

После яичка оживаю, радостно смеюсь, а тётя Шура замечает:

– Хитренькая! Живот у неё болит! Надо придумать такое! Яичко захотела.

Сначала я оправдывалась, а потом не стала. Не верят, и не надо! А ведь так и было: болел и перестал. Мне стало ясно, что порой лучше промолчать и не спорить.

Яйца были почти драгоценностью, но однажды я случайно увидела их полный туесок. Тётя Шура собиралась сдавать яйца государству (не то за деньги, не то в качестве оброка). Возможно, на них был куплен патефон.

Чаще по утрам мы были вдвоём с бабушкой, тётя Шура на работе в амбулатории, а с бабушкой не забалуешь, но и не в подозрении, как у тётки. Пока настаивается чай, я усаживаюсь поудобнее за стол, покрытый клеёнкой. На столе уже стоят глубокие блюдца. Кипяток и заварку бабушка наливает в блюдце одновременно, при этом она не обжигается. Я так не умею и просто жду, наблюдая и вдыхая аромат парового облачка. Я держу своё блюдце двумя руками: не разлить, не обжечься, не уронить, не разбить! Мне даётся пряник, а чаще просто хлеб, но очень вкусный, испечённый тётей Шурой в русской печи.

Бабушка добавляет сахар в мой чай, а для себя берёт сахарный кусочек и пьёт с ним вприкусу. Этот кусочек будет в её руке долго. Одно блюдце, второе, третье – всё не спеша. И на вечернее чаепитие будет всё тот же кусочек, хранимый где-то у самовара.

Со мною бабушка говорит немного. Она окает, я не всегда понимаю её речь, но запоминаю такие странные слова! Певучие и приятные: «Ах ты, милочка моя! Милка – со-хо-ри-и-ноч-ка-а», – тянет она, окая и так же вкусно, как тянет чай вприкусу, и я понимаю, что так ласково – это обо мне.

Кисель

С лечебными целями или с поминальными бабушка готовила брусничный кисель. Сейчас от одного названия слюнки текут, но бабушкин кисель был другой, и я его не любила.

Кисель, как и чай, готовился на самоваре. Самовар кипел, бабушка сыпала в эмалированную кружку горстку мороженой брусники и ложку крахмала. Сахар экономился или в данном рецепте был лишним. Затем в кружку лилась кипящая струя из самовара и ложкой размешивалась густеющая масса – бледная полупрозрачная – далеко не красная, не сладкая. Крахмал не полностью заваривался в ней и хрустел на зубах.

Этот кисель вызывал полное разочарование. Хотелось плакать. Я часто роняла слёзы. Бабушка была бдительна: «Об чём? Об чём?» – строго спрашивала она. От этого, казалось, неуместного вопроса я уже заливалась. Тогда тоном приказа следовало: «Замолчь! Замолчь!» Это был бабушкин воспитательный приём. Возможно, что и тот кисель был так же воспитательным приёмом.

Суровость жизни предполагает суровость воспитания, и редко случается наоборот, да и не в пользу всякие излишества. Но я любила «баушку», как мы с сёстрами называли её. За баушкино «милка-сохориночка» мы прощали её суровость. На все ситуации жизни у неё были пословицы и поговорки. Ими давалась оценка ситуации, подводился итог. В случае с киселём подходило: «Не всё коту масленица, бывает и постный день».

Дорогая

«Моя дорогая!» – говорила мне мамочка, когда я сидела у неё на коленях и гладила её ручки – такие нежные, как тесто в подошедших к выпечке булочках. А по радио пели продолжение этой фразы: «Моя дорогая! Моя золотая!»

– Мама, я у тебя золотая?

– Золотая! – подтверждала она. Тогда никто вокруг золота в глаза не видел. «Золотинкой» называли «серебряную» фольгу от конфет.

– Ты говоришь, что я дорогая. А я дорого стою?

– Очень!

– А сколько? – не унималась я.

– Мешок золота!

Потом узнаю, что «Мешок золота» – название старинного сибирского романа.

В возрасте одного года я тяжело заболела: корь, коклюш… Меня выходила бабушка. Она жевала для меня хлеб или печенье, заворачивала жвачку в тряпочку и давала сосать. Ничего другого я не брала в рот и задыхалась от кашля. Сёстры по очереди таскали меня по улице на своих детских ручонках. Я умирала. Существует такой обычай. Если человек заболевает, надо справить ему новую одежду. И вот после приговора врача моя мамочка, обливаясь горючими слезами, села за швейную машинку шить для меня погребальное белое платье. И сшила, а я выздоровела!

Врач спрашивает мою тётку-фельдшера:

– Ну что? Схоронили маленькую?

– Да нет. Жива!

Вот врач-то подивилась!

Губчека

Когда дети учатся говорить, они испытывают трудности и по каким-то тайным мотивам придумывают свои слова. Так было и у меня. Сахар – «гупа», карандаш – «га», соль – «усь». Некоторые можно объяснить по созвучию: бумага – «бузянка», книга – «гулькама» – тоже можно объяснить. А вот рыба – «губчека». Как понять? Я попробую.

В ту пору в реке Ангаре было много вкуснейшей рыбы, которую ели с придыханием. Возможно, что в этот же момент

заговорили о ГУБЧЕКА – губернской чрезвычайной комиссии, которую все так боялись, что произносили шёпотом. Так слились у меня два понятия в одно слово, что озадачивало взрослых, но умиляло несмышлёных сестёр. А коли умиляло, я ещё больше старалась: вкусное по звучанию словечко!

Однажды заходим с мамой в магазин, вижу на витрине красивую рыбину и кричу с восторгом: «Какая большая «губчека»!!!» Слышат все, смотрят на меня и молчат. Мама испугалась, пытается улыбнуться: «Ты неправильно говоришь. Это рыба. Рыба-горбуша». Я долго думаю, почему же неправильно? Это и есть «губчека», так говорить лучше. Ну ладно, значит, это рыба.

Молоко

Я была четвёртой дочерью в нашей неполной семье. Сёстры меня любили, а я тогда любила молоко. В семье не было ни дома, ни коровы. Наш рухнувший дом стоял на берегу Ангары в старом Братске. Река подмывала берег. Однажды раздался треск. Бабушка поняла, что это сигнал съезжать. Другого дома не было. Бабушка ушла жить к старшей дочери Шуре, а мама с четырьмя детьми – по чужим квартирам. У хозяйки была корова. И вот я девочкой двух-трёх лет брала кружку и садилась на крылечко ждать. «Бабушка-сазайка» доила корову и наливала мне кружку парного молока, которое я с наслаждением выпивала.

Помню, что недалеко от этого дома, по улице Комсомольской, были заросли боярышника с крупными оранжевыми «яблочками». Несочные, но мы с сёстрами их любили. Когда мне хотелось настоящих яблок, я в год-два показывала на свои щёки, ставшие красными после болезни – откормили! И все смеялись: «Яблочко просит!»

Сёстры

Три сестры – тринадцати, одиннадцати и девяти лет – бегали на речку купаться и меня, четвёртую и младшую, таскали

с собой. Я помню один такой день. Взяв меня, заходят за подружкой – через дорогу. Я хочу «по-маленькому». Меня заводят в палисадник. Присаживаюсь и вдруг вижу диво-дивное – красную лилию! Показываю сёстрам цветок. Они наперебой:

– Рви, скорее рви!

Но я не хочу, да и не умею. С пригорка вниз моя смуглая и худощавая старшая сестра Клара тащит меня на горбушке к воде. Я кричу:

– Клара! Куп-куп?

– Куп-куп, – отвечает она.

В старом доме, который я не помню, вылетел из печки уголёк и поджёг платье младшей из сестёр. Лера горит, но молчит, заворожённая огнём. Я ползу и повторяю:

– Леля уф! Леля уф!

Мама, как всегда за швейной машинкой, вдруг включается: «Почему «Леля уф?». Мама выскакивает на кухню и срывает с Леры горящее платье. Так я спасла сестру.

Масло

В послевоенные годы сливочное масло было редким и очень дорогим продуктом, а я после болезни очень его полюбила. Мне не нравилось, скорее чисто эстетически, когда его мазали тонким слоем на чёрный хлеб – чёрный хлеб, просвечивая, искажал красивый жёлтый цвет масла. И тогда я, умоляя, а потом и приказывая, требовала: «Чтобы ни одной крошечки не было видно!» От моего вкуса мои родные млели.

И вот однажды какой-то дядя пришёл в наш дом и ему рассказали о моей причуде. И что же? Да он возмутился и отчитал и меня, капризную, и всех, потакающих мне. Так я поняла, что не всё, что нравится мне, обязательно нравится другим, и что чужие – не родня! Я ведь была ему никто. Но от эгоизма он мне сделал прививку. А капризность всё же не вытравил. Не успел.

Послушание

Нас учили слушаться и подчиняться. Я пошла в детский сад на пятом году. Он находился в красивом особняке на краю обрыва, от которого отделялся высоким забором. Он располагался недалеко от нашего барака, но зимой мама возила меня в сад на санках. Я любила ездить лёжа на животе, – так удобно держаться за санки. Мама спешила и шла не оглядываясь. В ранний зимний час было темно, неуютно, я не видела материнского лица. У мамы было немало проблем, она задумывалась при ходьбе. И вот однажды я не удержалась и съехала с саней. Лежу на дороге, повинуясь судьбе, и молчу. Вижу, как мама продолжает путь с пустыми санями. Мне очень грустно, но, глядя ей вслед, молчу. Вдруг она резко оглядывается, видит меня, лежащую на дороге, подбегает, но не ругает, а только с удивлением спрашивает:

– Ты почему же меня не зовёшь? Упала и молчишь!..

Я рада, но продолжаю молчать. Наверное, в этот момент я повзрослела? Или училась всему подчиняться?

Летом привезли в сад, как обычно, свежее молоко. Разлили его по чашкам на полдник. Молоко оказалось горьким. Никто не пьёт. Воспитатель объясняет:

— Ничего особенного. Обыкновенное свежее молоко, просто коровы ели полынь. Пейте.

Никто не пил, а я старалась слушаться. С трудом я выпила полчашки. Через час у меня началась рвота. На следующий день в саду сказали, что горького молока нам больше не привезут.

Юрий РЯСЕНСКИЙ

Дворик моего детства

Когда я родился (25 июля 1937 года), наша семья жила на Рашкиной Даче. Это была окраина города Харькова. Небольшие деревенского типа деревянные домишки и при них маленькие дворики, по нашим сегодняшним меркам около пяти соток. Улица стояла задами к речке. В городе протекало две речки: Лопань и Харьков. Наша называлась Харьков. Была она метров пять шириной. Но весной, когда наступало половодье, жильцы перебирались на чердаки со всем своим скарбом и домашними животными.

Домик принадлежал маминым родителям: деду Никите – столяру-краснодеревщику – и бабушке Матрёне. Их-то я вообще не помню. По рассказам мамы я в том возрасте был очень непоседливый ребенок, от которого больше всего доставалось бабе Матрёне. Это и понятно: взрослые кто на работе, а кто в школе. Деда, к моменту моего рождения, уже не было в живых, и все домашние дела лежали на бабушке. А тут я мешаю ей. И чтобы я не путался у неё под ногами,

бабушка сажала меня на горшок. На нём я мог сидеть часами, передвигаясь по полу и стуча при этом деревянным молотком, который мне специально сделал папа.

В домишке жили две семьи. Наша состояла из бабушки, Козловой Матрёны, мамы Моргуновой Полины Никитичны (фамилия от первого маминого мужа), папы Рясенского Юрия Фёдоровича, моей старшей сестры Моргуновой Зинаиды Георгиевны, брата Моргунова Владимира Георгиевича, ну и, естественно, меня – Рясенского Юрия Юрьевича. Кроме нас, в этом-же доме проживала семья маминого брата Козлова Владимира Никитовича – его вторая жена (родная сестра его первой жены) Мария Семёновна и две его дочки Нила и Ляля. Мой дядя Володя был телефонист и работал на телефонке. Там же он стал революционером и, в период оккупации Украины белыми, зелёными, немцами занимался подпольной работой в их тылу. Мама потом рассказывала, как он брал и её на явочные встречи для маскировки. В год моего рождения дядю забрал НКВД. После войны Мария Семеновна узнала, что он умер в лагерях, от дизентерии. Сегодня мне очень жалко, что я прожил в том доме так мало. Ведь там было такое раздолье для шпаны, каковой мне не случилось из-за этого стать. Папа работал на Харьковском турбогенераторном заводе ХТГЗ токарем карусельщиком. Ему выделили благоустроенную квартиру – две комнаты в коммунальной квартире.

Колючая газировка

Папа, я и такой-же пацан, как и я – Виталий Гурьевич Марченко – гуляем в воскресный день по кладбищу. По-моему, это польское кладбище. Почему кладбище? В конце улицы Пушкинской, где мы проживали до войны, находилось несколько скорбных мест. Это крематорий, затем целый ряд кладбищ: еврейское, польское, немецкое и русское. А кладбища все старинные. Великолепные памятники из мрамора и гранита. Густые заросли парка. Широкие аллеи. И всё это

рядом с домом, где мы жили. А при входе на кладбище всегда стоит тележка с газировкой. А для нас с Виталиком это самое интересное из всей прогулки. Мы хитрим, а быть может, и по-настоящему хотим пить. Папа покупает нам по стакану газводы. Мы счастливо смеёмся и пьём эту воду. Она холодная и «КОЛЮЧАЯ».

Так началась война

Мы с мамой возвращаемся домой по Лермонтовскому переулку. А он крутой. Мы идём снизу. Мама держит меня за руку и, естественно, у меня открыт хороший обзор вверх. Я смотрю на облака и вижу маленький-маленький самолётик. Возле него какие-то яркие вспышки огоньков. «Мама-мама, – кричу я маме. – Смотри: огоньки». Но маме не до меня. Она тянет меня за руку дальше – домой. Не прошли мы и сотни шагов, как завыли сирены противовоздушной обороны. Это начался налёт на город немецкой авиации. Началась война.

Она началась для всех, кроме детей. Нам надо играть. Дома я и мой старший брат Володя (Владимир Георгиевич Моргунов.) Он уже взрослый. Только что закончил 10-й класс. Ему доверили следить за мной. А мне срочно нужно гулять. Володя отпускает с условием, чтобы никуда со двора. А двор наш – это замкнутый квадрат из четырёхэтажных строений. А из этого квадрата большая арка на улицу. Через неё только что въехала подвода с брёвнами. Они нужны для укрепления подвалов в нашем доме. Это строится бомбоубежище. Так было почти в каждом дворе. Город готовится к налётам немецкой авиации. И вот, когда мы мирно играем в песочнице, вдруг во двор въезжает подвода с толстыми брёвнами. Настоящая живая лошадь. И подвода. Мы все тут-же облепляем её. Это гораздо интересней, чем просто играть. Мужики споро скидывают брёвна. И начинают их перетаскивать в подвал. Подвода трогается. Мы гурьбой за ней. «Дядя, прокати». Ну, само-собой, дядя нас катит. Подвода выезжает со двора. Естественно,

что в этот миг мы про всё забываем. Радостный визг оглашает округу. Этот же визг достигает ушей моего брата. Жили мы на втором этаже. Окна широко открыты. Лето. Жара. Вовка высовывается в окно и лицезрит меня. Расправа с моей точки зрения была не то что жестокая, а несправедливая. Меня поставили голыми коленками на рассыпанные на полу патефонные иголки. Я ревел не от боли, а оттого, что это сделал мой брат. Мой родной брат, который так меня любит. И сейчас, когда мне уже 83, да и брат умер больше 20 лет назад, я не знаю, простил ли я его за ту экзекуцию...

Привокзальная площадь. Она вся забита народом. У всех какие-то вещи. Узлы, чемоданы, котомки. Из города началась эвакуация населения. Площадь ждёт своей очереди отправки. Прямо на вещах спят дети и старики. И вот по чьей-то команде вся эта масса засуетилась, задвигалась и поползла на перрон, где стоял товарный состав. Отправление я, очевидно, проспал. Помню, что в пути нас бомбили. Мчится поезд. Часто-часто гудит паровоз. Все в страхе притихли. Мама прижала меня к себе и шёпотом успокаивает. Темно и страшно.

Вадим СКВОРЦОВ

ВЕРА

Фоминична задумчиво брела по пыльной улице, обильно отмеченной коровьими лепёшками после того, как прогнали на утренней зорьке шумливое, мычащее и блеющее на все лады колхозное стадо. То и дело вскидывая к глазам тёмную натруженную ладонь, дородная баба лет сорока в светлой косынке узелком вперёд недовольно косилась на злое июльское солнце, щурясь и поджимая тонкие губы, будто высматривала что-то вдалеке. Но улица была пуста, и только ближе к порыжевшему в утренних лучах сосновому бору резво скакал мимо старого кладбища неведомый всадник, оставляя за собой густой пыльный шлейф.

«Степан чё ли куда подался...» – недобро подумала Фоминична на молодого колхозного бригадира, с полгода как вернувшегося с фронта после тяжёлого ранения. «Ишь, несётся, как ошпаренный! А чё, оно ить не своё, колхозное...»

Во дворе покосившегося от времени бревенчатого домишки юркая, недавно овдовевшая доярка Стешка сноровисто развешивала бельё. Фоминична подошла к городьбе, поздоровалась и, как бы между прочим, спросила, указывая в сторону кладбища:

– Кого эт ни свет ни заря чёрт понёс? Поди Степан опять коня не жалет?

– А тебе токо б поворчать, – раздражённо ответила Стешка. – Поди не от добра торопится человек. Не нашенский это, к Верке приезжал чегой-то. Ты б зашла к ей, а то с самого утре носу на двор не показыват.

Фоминична с тревогой посмотрела на ладный, свежесрубленный Верин дом и решительно заторопилась:

– Пойду, загляну... Може и правда чё...

Молодая солдатка Вера, проводив на фронт мужа, шустрого и видного собой бригадира лесозаготовителей Демьяна, осталась с двумя малолетними сыновьями – старшим Володей и трёхлетним Витей. Перед самой войной Демьян срубил крепкий просторный дом, и вся деревня гуляла у них на новоселье. Каждый нёс с собой – кто закуску, кто выпивку. Хорошо погуляли, по-доброму, будто знали, что скоро будет не до веселья. До самых петухов заливисто сыпала гармоника, мелодично наяривала балалайка, кряхтели половицы под дробным переплясом. И-эх, мать честная, жить бы да жить...

Пришла война, деревня опустела. Взвалили бабоньки на себя и всю мужицкую работу: и лес пилили, и сено косили, и стадо колхозное пасли... Но не роптали и всякое дело исполняли на совесть. А на второй месяц принёс почтальон первую похоронку, следом и другую. И пошло горе гулять по дворам без разбору. А к кому-то и не раз наведывалось, встречаемое пронзительными бабьими причитаниями. Но не смущалось горе и приходило вновь и вновь.

Фоминична осторожно приоткрыла калитку, отмечая цепким взглядом чистоту и порядок во дворе Вериного дома: дрова сложены в аккуратную поленницу, смородиновые кусты с начинающими коричневеть крупными ягодами заботливо подвязаны, деревянный настил от калитки к дому чисто выметен, у коровы в стайке всё ладно. Привычная с раннего детства ко всякому труду, Вера блюла дом так, что дай бог каждой. Жадная до работы, ни минуточки не посидит на месте, всегда найдёт себе какое-нибудь занятие: то квашню на хлеб надо завести, то полы поскоблить, бельё постирать да одёжку мальчишкам починить... И так каждый божий день. Так это только по дому. А ещё ждала работа и на колхозном поле, и на лесозаготовках. И откуда только силы брались... Привлекательная лицом и фигурой, обладала Вера прямо-таки мужицкой силой в руках. Взвалит, бывало, на плечо мешок картошки, сыновей прихватит под мышку и айда вброд через

речку прямёхонько на сенокос. Бабы, глядя на неё, улыбались и одобрительно покачивали головами.

Громыхнув по неосторожности в сенцах пустым ведром, Фоминична прошипела: «Ах, язви тя...» и без стука вошла в избу. Глядя на испуганные мальчишечьи лица, на их маленькие ручонки, крепко сжимавшие игрушечные сабли, тихо спросила:

– Мать-то иде?

– Мамка в подполье, воет, – звенящим голоском ответил старший.

«Так я и знала...» – похолодела Фоминична и вновь спросила: – И чё ж она воить-то?..

– Папку на войне Гитлер убил! Мамка в голбец залезла, чтобы нас не напужать, – по-взрослому объяснил Володька.

Подбородок Фоминичны мелко задрожал, она хотела было заголосить, но осекшись, прислушалась. Из подполья доносились приглушённые Верины причитания. Приоткрыв творило, она слёзно протянула:

– Веронька, рыбонька ты моя, пошто в голбец-то залезла? Вылазь, соколёна, парнишки напужаются...

Причитания смолкли, и, немного погодя, в просвете показалось почерневшее от горя Верино лицо. Кинув на незваную гостью отрешённый взгляд, она твёрдым голосом попросила:

– Уйди, Фоминишна... Христом Богом прошу... Нехорошо мне... Уйди..

***

С того чёрного дня всё пошло в Вериной жизни по-другому, потекла жизнь невесть куда. Всё переплелось – и прошлое, и настоящее. Во сне приходил Демьян, спрашивал: как там дома, всё ли ладно, помнит ли о нём голубка его ненаглядная, обещал скорую встречу, шепча на ухо ласковые слова, как в ту, последнюю ночь... А потом растворялся в предрассветных сумерках, не сказав на прощание ни словечка, будто и не было

его здесь вовсе. Изводила себя Вера зыбкими надеждами, верила, что всякое на войне случается... А может, и жив Демьян, и раненый уберёгся в какой-нибудь крестьянской избе там, в далёкой Украине, и теперь может мечется в забытьи, зовёт к себе её и сыновей... И чья-то заботливая рука прикладывает мокрое полотенце к его пылающему лбу, что-то ласково приговаривая... А потом вдруг видится Вере, что будто это она сама сидит у изголовья мужа и силой горячей своей любви исцеляет его страшные раны. И вот уже Демьян приходит в себя, улыбаясь своей открытой улыбкой, гладит Веру по волнистым распущенным волосам... И скоро вернутся они домой, пройдут пыльной степной дорогой к родной деревне под щемяще знакомую песню жаворонка. А на крылечке дома встретят их сыновья, салютуя своими игрушечными сабельками...

Миновал год. Снова злое июльское солнце пропекало дни невыносимым зноем, что даже кузнечики в степи, казалось, стрекотали громче обычного, словно просили пощады. Иногда из гущи сахарных облаков налетала гроза, расплываясь над землёй своим тучным чёрно-фиолетовым брюхом, и со злобным остервенением начинала протыкать земную твердь огненными кинжалами, низко наклоняла деревья и кусты резкими ветряными порывами, добиваясь полной покорности. А непокорных ломала так, что до деревни иной раз доносился из бора жуткий треск поверженных сосен, будто шёл там настоящий бой. Всю ночь потом оплакивал дождь невинные жертвы жестокого своеволия стихии. К утру становилось свежо, степь парила под ласковым взглядом до времени присмиревшего солнца. Жизнь продолжалась.

В тот день измученное бесконечным ожиданием Верино сердце нестерпимо заныло от недоброго предчувствия. Чуть свет подоила она корову, задала корм курам и не находила себе места. На лежанке сладко посапывали мальчишки, накрытые лоскутным одеялом. Вера подошла к иконе Богородицы с мерцавшим подле неё огоньком лампадки, перекрестилась и

зашептала молитву: « ... благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших...», но тревога не отпускала.

Ближе к вечеру заскрипела калитка. Вера вздрогнула, заметив из окна незнакомого усатого солдата в рыжей гимнастёрке с шинельной скаткой через плечо. Прихрамывая, он подходил к дому. Когда неожиданный гость появился в дверях, Вера готова была вскрикнуть от страха, словно не было той похоронки, а принесли её только сейчас...

– Вера Авдеевна здесь проживает? – спросил солдат, поздоровавшись.

– Да, здесь... дрожащим голосом ответила Вера. – А вы кто будете?

Солдат, помедлив под пристальным Вериным взглядом, снял с плеча вещмешок, обтёр пилоткой искрящийся бисеринками пота лоб, улыбнулся, заметив с любопытством глазевших на него мальчишек, и глухо кашлянув, ответил: – А мы с мужем вашим, Демьяном Михайлычем, воевали вместе... Как грится, одной шинелкой укрываться приходилось. – И вновь улыбнувшись, добавил: – Меня Василием зовут... Алексеичем...

Вера, не отрывая от гостя пылающего взгляда, невольно отступила назад и хрипло выдавила из себя: – Он... жив?.. – И столько мольбы было в её глазах, столько боли и невыносимой усталости от каждодневных ожиданий чуда, которыми жила она все эти дни, как получила похоронку. Может, вот сейчас это чудо и случится! Ну, что же ты, солдатик, – кричали её глаза, – скажи скорее: жив ли мой Демьянушка?! Ну же, говори, чего тебе стоит осчастливить меня одним только словом!...

С улицы послышались звуки возвращающегося с пастбища стада. У самой речки вспыхнул оранжевым закатным светом молодой березняк. День угасал.

Солдат, виновато упёршись взглядом в половицу, помотал головой: – Погиб он, Демьян... Сам видел... и хоронил... сам... Там много наших погибло... – И Василий стал рассказывать

про тот бой, когда февральским морозным утром немецкие танки, прорвав оборону их стрелковой роты у большого хутора, методично вдавливали в мёрзлую землю оборонительные позиции красноармейцев. Атаку удалось отбить, но в живых почти никого не осталось. Как погиб Демьян, Василий не видел, и лишь по завершению боя, нагибаясь за винтовкой, которую намертво сжимал погибший боец, узнал в нём своего фронтового товарища. Он рассказал только часть горькой правды, упуская многие страшные подробности, – боялся, что истерзанное горем вдовье сердце может не выдержать всей правды того кровавого дня, где в гуще снарядных разрывов, автоматных и пулемётных очередей возносились к небесам молодые души защитников Родины. Подавляющему большинству бойцов из всего личного состава роты не было и двадцати пяти. Рассказал Василий, как рыли они в промёрзшей земле – те, кому повезло выжить, – сапёрными лопатками братскую могилу, как раненый политрук, страшно матерясь, торопил их, хоть и видел – люди на пределе. Но утаил солдат и одну нехорошую мысль, что ядовитой змеёй вползла тогда в его ошалевшую от присутствия близкой смерти голову, когда окоченевшие руки уже не чувствовали черенка лопатки: зачем, зачем всё это, им же всё равно теперь... Потом бы похоронили... Надо самим выживать... Немцы вот-вот по-новой полезут...

А Вера всё силилась вытянуть из гостя хоть какие-то подробности о муже: как он выглядел, как был ранен, не мучился ли перед смертью... И Василий, будто во сне, что-то врал, выдумывал какие-то детали боя, называл фамилии бойцов и командиров, но рассказать всё так, как было на самом деле, оказался не в силах... Теперь, комиссованный после тяжёлого ранения, добирался он домой, в Приморье, и заехал сюда только потому, что они с Демьяном поклялись друг другу: кто из них останется в живых, тот обязательно навестит семью погибшего.

Вера не замечала, как по лицу катились слёзы, а пальцы нервно перебирали пуговицы лёгкой её кофточки. Значит, теперь всё, кончились надежды, и когда Демьян снова придёт к ней во сне, она ни в чём не упрекнёт его, а лишь только попросит: отпусти меня... устала я... И новая жизнь, не минуя неизбежных печалей, всё же зазвенит бодрым серебряным ручейком и вновь устремится от одной маленькой радости к другой. А светлый образ мужа до конца земных дней будет напоминать ей о радостном времени, когда она была по-настоящему счастлива. Но воспоминания теперь уже никогда не принесут желаемого покоя и будут приходить к Вере щемящей сердце песней:

«Сронила колечко со правой руки,
Забилось сердечко о милом дружке...»

За речкой мерцали последние закатные всполохи. Тугие облака переоделись в серое, чтобы назавтра превратиться в тучи и утолить жажду обессилевших от июльского пекла деревенских огородов. Вся округа наполнилась звуками приближающейся ночи.

– Ой, да чё же это мы в дверях-то... – спохватилась Вера. – Вы проходите в избу... Да не разувайтесь, я завтре полы скоблить собралась...

Мальчишки по-прежнему с интересом разглядывали гостя: его сутуловатую фигуру, большие руки с узловатыми пальцами, прокуренные усы, потную гимнастёрку.

– Дяденька, а у вас медали есть? – насмелившись, спросил Володька.

Василий с улыбкой погладил его по голове, шутливо потрепал за нос Витьку, потом достал из вещмешка два крупных куска комкового сахару, дал ребятам.

– Медали-то? – переспросил он, задумчиво глядя в окно.

– Есть, сынок, медали. Там они, в мешке. Потом покажу.

– Нет, – запротестовал Володька, услышав, как чужой дядька назвал его сынком, – я папкин сынок! Вырасту – Гитлера застрелю!

– Вот даже как?! – удивлённо вскинул брови Василий.

– Ну, это ты правильно решил. А оружие-то у тебя есть? – Володька немного смешался от неожиданного вопроса, но тут же громко выпалил: – Покамись нет. Оружие в бою добуду! Дядя Степан сказал: у кого нету оружия, тот в бою добывает.

– Правильно сказал твой дядя Степан, – засмеялся Василий.

За стол сели уже затемно. Хозяйка наварила картошки, достала из погреба солонины, выставила зелёную «поллитру», давненько припасённую для всякого случая. Василий, остограмившись и от души закусив, живо интересовался деревенскими делами, зло заиграл желваками, слушая о тяжёлом вдовьем житье-бытье и про то, как зимой на лесозаготовках придавило огромным листвяком всеобщую любимицу и хохотушку куму Анну. Пока Вера укладывала ребятишек спать, он вышел покурить. Земля ещё дышала дневным жаром, а небо, украшенное переливчатой звёздной россыпью, казалось, опустилось до самых крыш деревенских изб. Из палисадника доносился волнующий запах фиалок. Где-то вдалеке надрывно брехали собаки. И так хорошо, как никогда, по-домашнему уютно стало на душе у Василия, что он чему-то радостно улыбнулся, и наскоро освежив лицо из дождевой кадушки, вернулся в дом, где хозяйка уже успела подновить стол. Достал из вещмешка помятую фляжку со спиртом, хотел подлить Вере, но она с улыбкой решительно отказалась, а гостя ободрила: – А вы пейте, Василий Алексеич! Мне-то утре рано корову доить да по хозяйству управляться.

Он смотрел на неё долгим захмелевшим взглядом, отмечая про себя, что судьба, видно, решила отблагодарить его за все тяготы и лишения фронтовой жизни, устроив приятную встречу с такой видной и домовитой женщиной, как Вера. Для него, тридцатилетнего холостяка, она показалась настоящей находкой. А Вера не переставала расспрашивать его о муже, о тех краях, где шла война. И он вновь рассказывал, безобидно кое-что привирая для пущего эффекта.

Заметив на стене фотографию, где с серьёзным лицом, в блестящих хромовых сапогах картинно восседал на лакированном венском стуле Демьян, а рядом с ним в белом полушалке стояла, чуть улыбаясь, красивая Вера, Василий зачем-то спросил, перейдя на «ты»:

– Мужа-то часто вспоминаешь?

Вера, опустив глаза, потеребила кромку скатерти. Потом посмотрела на фотографию и чуть слышно ответила: – Всегда...

Он налил себе из фляжки, выпил, поморщился, не закусывая, и снова, пристально глядя на Веру, заговорил:

– Это правильно, конешно. Но с другой стороны, сама посуди: тебе детей поднимать надо? Надо. Ты молодая... А одной-то ой как трудно, без мужика-то... Подумай о себе! Жизнь всё одно берёт своё... Мы когда после того боя наших хоронили, прежде осмотрели каждого убитого... Документы там и всё такое, что может пригодиться... Я к Демьяну подошёл, вижу – рукавицы на нём новые, коричневые такие с указательным пальцем для стрельбы. Снял я их с него... У меня-то не было своих... Примёрзли, заразы, к руке, еле вызволил. Ему-то они ни к чему, а мне ещё воевать... А в кармане сахар был... Он же не курил, так мы, кто курящий, у него махру на сахар всегда выменивали... Вишь, как получается, они, значит, мёртвые лежат-полёживают, а мы, кто живой остался, о жизни думаем, значит... Вот и тебе надо задуматься... – Он положил свою большую ладонь с несмываемой чернотой и круглыми, как пятаки, ногтями поверх её маленькой, но крепкой руки и протяжно, невольно гримасничая, зевнул в потолок. Стало тихо, лишь бодро постукивали ходики на стене. Вера осторожно высвободила руку, поднялась и медленно подошла к раскрытому окну как раз в то время, когда с неба упала звезда, оставляя за собой седоватый след. С улицы пахнуло ночной прохладой.

Василий и не заметил, как после его слов Верины глаза нехорошо блеснули, а в сузившихся зрачках застыла какая-то

особенная решимость. Он подошёл к ней сзади и, положив руки на сильные и упругие её плечи, сказал: – Ну што ты... – Вера не шелохнулась, и только вполголоса чётко произнесла:

– Руки убери... – И сказано это было таким тоном, что Василий как будто сразу протрезвел: убрал руки, как-то неловко, с глуповатой улыбкой, развёл их по сторонам, растерянно пробормотав: – Так я ж...

– Ты пришёл сюда, потому что дал клятву, – перебила Вера. – Считай, что ты её исполнил. А лапать чужую бабу ты тоже клялся? И когда снимал рукавицы с убитого Демьяна, жарко тебе не стало? Вроде и мужик ты, как мужик, а есть в тебе что-то такое... нехорошее... Гнильца какая-то...

Василий стоял с виноватым, растерянным лицом и молчал. Да он и не знал, что сказать. Досада переполняла его: как же так, ведь ничего плохого не замышлял, а как-то всё сразу наперекосяк...

– Ладно, поздно уже, – отрезала Вера. – Я вам в сенцах, на топчане постелила, – и принялась убирать со стола.

Он посмотрел на неё так, словно она только что вынесла ему приговор.

За окном воцарилась звенящая ночная тишина, но на востоке уже затеплилась тонкая рассветная полоска.

Вера не стала разбирать постель и прилегла на лавке у печи. Она заплакала, но это были слёзы облегчения. Ей не в чем было себя упрекать. Она твёрдо поверила, что вот теперь действительно всё будет по-другому и рано или поздно настанет тот день, когда в окно её дома постучится счастье.

Утро выдалось ветренным. В палисаднике громко шептались кусты. Из-за леса к деревне стягивало фиолетовые тучи. Местами сквозь них пробивались солнечные лучи, придавая общей картине сказочный вид. Вдалеке в сторону старого кладбища шёл, прихрамывая, солдат с вещмешком на плече. Низко над землёй сновали стрижи. Видно, скоро быть дождю.

Марина АКУЛОВА

Кулон

Посвящаю Акиму

На экране вперед-назад раскачивался он, тот самый, точнее такой же, как «тот самый». Кулон. Красавчик. Одна сторона инкрустирована розовыми сверкающими кристаллами, другая – зелёными. Правильной квадратной формы, довольно массивный, на блестящей жёлтой цепочке.

В youtube блогерша распродавала коллекцию бижутерии. Как заворожённая, застыв от неожиданности, я разглядывала украшение. Странно, как переплетается всё в этом мире: детство и зрелость, тогда и сейчас, здесь и там, по ту сторону экрана.

***

Правильной квадратной формы, сверкающий прозрачными изумрудными и розовыми кристаллами, он висел за стеклом в шкафу, манил, дразнил, сводил с ума. Ну почему, почему в моём доме нет ничего подобного? Почему у нас всё так по-простому, а здесь чего только нет? Ведь мои родители работают каждый день допоздна, а Аришкина мама никогда на работу не ходит. Но у них есть, а у нас нет. Потому что допоздна работает только папа девочки, работает на какой-то очень важной работе, важной для будущего коммунизма.

В эту квартиру на пятом этаже мы с братом бегаем каждый день после уроков. Мы дружим с братом Арины, нашим одноклассником. Мальчишкам здорово вместе, они играют, у них общие интересы. Мне, по сути, здесь делать нечего: малышке всего три года, с ней неинтересно. Её мама всё время сидит в красивом мягком кресле, как на рекламной картинке, всегда

ухоженная, с причёской бабетта, всегда в красивом домашнем платье, с маникюром, вяжет дочке разные красивые штучки. Я слоняюсь по комнате, от скуки разглядывая её: здесь как в музее очень много красивых вещей. И всегда мой взор останавливается на лежащем или висящем за стеклом кулоне.

Зачем он здесь, если его достают только для того, чтобы отдать поиграть маленькой дочке? Она его просто рассматривает, облизывает и бросает. Вот я бы… Я бы его гладила, примеряла перед зеркалом, любовалась, показывала бы подружкам, хвасталась бы такой красотой. Она же, красота, для того, чтобы любоваться ею, а не лежать в шкафу или валяться на полу.

***

В подъезде двадцать квартир. Все жители знают друг друга как родных, дружат, делятся продуктами, занимают до зарплаты, помогают, если что-то случится, вместе убирают подъезд. Социализм, счастливые люди. Именно так это и выглядело. Возможно, была и другая сторона, но мы о ней не знали. Хотя то, что одни побогаче, другие победнее, было очень заметно. В силу должности, престижной работы, блата кто-то получал или доставал больше того, кто был простым строителем коммунизма. Или благополучие зависело от того, что кто-то экономил, а кто-то банально пропивал.

Моей соседкой по этажу была красавица Людмила. Подружками мы быть не могли: она старшеклассница, я только пошла в школу. У неё часто собирались ровесницы, они красились, делали причёски, по-тихому курили в форточку, слушали песни на иностранном языке, и среди всего этого крутилась я. Очень мне нравилось всё это. Хотелось поскорее вырасти и делать то же самое. А пока умоляющим взглядом смотрела на Люду и просила покрасить мне хоть один ноготок. Добрая соседка красила мне все. У мамы не было лаков, коммунистическая закалка вместе с рабочим происхождением, по её мнению, не позволяли красить ногти и глаза – это

разврат, можно было красить только губы и брови, хотя помада у неё почему-то была красной, а карандаш для бровей чёрным. Хотя почему ярко красные губы – это нормально для члена партии, а накрашенные ногти и глаза – неприлично?

Люда была для меня богиней: высокая черноволосая красавица с правильными чертами лица, яркая, весёлая. Ещё мне казалось, что она оберегает меня от разных неприятностей во дворе. Я тянулась к ней, восхищалась её красотой. Гостила у неё не так часто, как мне хотелось бы, каждый раз протягивая ей пальчики, чтобы она покрасила мне ногти. Потом дома, налюбовавшись на красоту, старалась успеть убрать лак до прихода родителей с работы, чтобы не получить ремня. Лак снимался с ногтей ровной тонкой плёнкой. Или соскребался ногтями и выгрызался зубами (всё зависело от качества). Кажется, что Люда бывала у нас чаще, чем я у неё: периодически по вечерам они с мамой, тётей Симой, прятались у нас, ожидая, пока муж и отец угомонится и уснёт. Он был беспробудным пьяницей. Каждый вечер из их квартиры слышалась громкая жуткая брань, женские крики, звуки бьющейся посуды и падающей мебели. Жертвы тирана убегали из квартиры для того, чтобы спрятаться у кого-то из соседей. Мне было жалко богиню. Я тоже плакала, глядя на её трясущиеся от рыданий плечи, дрожавшие от страха губы, помогая вытирать слёзы и красный кровоточащий нос. Мы сидели рядом на полу и обе всхлипывали, жалея друг друга, недосягаемая богиня-восьмиклассница и её жрица-первоклассница. Для многих это было нормальным, когда упившийся глава семейства, стена, защита и опора гонял по ночам домочадцев.

Везло моей лучшей подружке и однокласснице Галке, которая жила этажом выше, её отец был тихим пьяницей. Он просто подъезжал после работы к дому на рабочем грузовике, вываливался без чувств из кабины, и всё семейство его волокло домой, баиньки. Он никого не обижал, но во сне что-то бессвязно кричал, катался по полу, громко и жутко храпел. Утром, отдохнувший, садился за руль и уезжал на работу.

Галка никогда не высыпалась, всю ночь слушая пьяный отцовский бред. Учиться не могла физически, на уроках клевала носом, засыпала, я толкала её в бок, но это не всегда помогало, и подружка моя была круглой троечницей, обладая живым и неординарным умом. В соседнем доме жила наша одноклассница Ольга, отец которой пил редко, но разрушал дома всё. Вот так мы все и жили под диктатурой пьяного пролетариата.

Наверное, пьяниц и трезвенников было пятьдесят на пятьдесят. По праздникам за большими накрытыми столами собирались и пили все, много и весело, часто до утра.

Отец Арины и Антона, моего одноклассника, не пил, во всяком случае пьяным я его никогда не видела. Всегда подтянутый одетый с иголочки высокий красавец. К ним домой мы заходили часто, там было всё по-другому, главное, был проигрыватель и пластинки, среди них любимые Бременские.

Малышка играла в уголке на пледе, где были разложены её куколки-посудки-постельки. Среди них сверкал он. Почему, разве здесь его место? Незаметно взяла его в руку, почувствовала гладкость металла и неровность граней. Он был холодным, но быстро согрелся в тёплой ладони. Даже не зная, зачем мне такая красота, я была убеждена, что на полу ему не место. Он достоин чего-то более высокого, прекрасного…

Я сделала это, со страхом и осторожностью незаметно положила цепочку с кулоном в карман, даже не думая, хорошо это или плохо, какими будут последствия этого порыва. Ни о чём не думала, просто была счастлива, что он со мной. В нетерпении ещё немного погостила и убежала домой.

Почему это произошло? Детский мозг руководствовался сиюминутным желанием, не имея способности спрогнозировать последствия поступка, невозможность повернуть время вспять и исправить сделанное. Хочу это, хочу сейчас – вот единственный мотив. Зачем? А что дальше? Вернуться туда, вернуть? Что сказать родителям, куда деть это сокровище теперь, когда сбылась мечта?

Пока счастливая я разглядывала, крутила в руках волшебную красоту, вопросов в моей голове не было. Потом протрезвев от первой эйфории, осмотревшись вокруг, поняла, что здесь этой красоте нет места, что спрятать невозможно, родители найдут и последствия будут печальными. Надевать я это не смогу. Тогда вопросы стали пробиваться к моему сознанию. Что, что делать? И меня осенило! Есть богиня. Вот кому эта красота подойдёт. Как заблестят её глаза. Она будет дружить со мной и красить мне ногти розовым лаком или губы розовой перламутровой помадой. Вышла из квартиры, постучалась к соседке. Она была дома одна, делала уроки.

– Люда, можно зайти? А я принесла тебе подарок, просто так, как подружке. Смотри!

Достав вещицу из кармана, разжала пальцы, протянула ей, кулон заблестел, заблестели и её глаза, как мне и представлялось.

– Ого, какая красота, никогда такой не видела, где ты взяла, у мамы? Я на тёте Соне такого никогда не видела.

– Нашла. В подъезде. Кто-то потерял, наверное, – не моргнув глазом ответила на вопрос, – Ты уже большая, тебе такое можно носить.

– Спасибо, ты настоящая моя маленькая подружка. Хочешь конфетку? У меня есть «Раковые шейки».

– Ага, давай. Люда, а ты покрасишь мне губы?

– Тебя мама не отругает?

– Сотру, когда пойду домой.

Люда покрасила мне губы розовой перламутровой помадой, второй раз за день я была счастлива: снова сбылось желание, а ещё и подруга довольна подарком. Как приятно дарить, что обязательно подойдёт и понравится.

О том, что можно вернуться назад и вернуть вещь, мой глупый «первоклашный» мозг не подумал. А может, страшила сама мысль о том, что можно вернуться.

Люда обняла меня, чмокнула в щёчку, я вытерла помаду и пошла домой. Довольная тем, что сбылась мечта и тем, что

удалось от неё избавиться. Ночью мирно спала. На следующий день после уроков я, как ни в чём не бывало, побежала на пятый этаж вместе с братом и одноклассником.

***

Аришкина мама не сидела с вязанием в своём мягком кресле, она ходила взад-вперёд по залу, ворошила игрушки, поднимала плед, повторяя:

– Куда она могла его деть? Или ты куда-то спрятал?

Одноклассник Антон стоял смирно, его щёки и уши покраснели, по щекам текли слёзы:

– Я ничего не видел, ничего не брал, никуда не девал! – почти кричал он. Испуганная малышка сидела в своём уголке, тоже плакала, видно было, что её уже отругали, требуя правды. Хотя она бы ничего не смогла объяснить – говорила ещё очень мало и не совсем понимала, что происходит. Картина была неприятная, я всем существом ощущала несправедливость в отношении к детям, которые ни в чём не виноваты, мне было до боли жаль маленькую девочку. Я вышла вперёд и спокойно сказала:

– Тётя Тамара, пожалуйста, не ругайте Аришу.

– Почему не надо её ругать? Она где-то потеряла мой кулон. Может, Антон взял, я не знаю, куда он делся.

– Тётя Тамара, простите меня, пожалуйста, это я его вчера взяла. Хотела его немного поносить. Я сейчас принесу его. Простите меня, я больше никогда-никогда так не буду.

Её лицо вытянулось, глаза расширились, губы задрожали. Она несколько секунд молчала. Потом тихо, почти шёпотом, сказала:

– Ты украла? Уходи отсюда и больше никогда сюда не приходи. Отдашь Антону.

Всё, не осталось никакой радости. Грустно и стыдно. Спускалась по лестнице не спеша, просто не знала, что теперь делать. Постучалась к Людмиле. Нужно было извиниться и забрать вещь обратно. Что будет потом? Я пока не думала об

этом. На стук никто не ответил. Пошла домой. Следом в квартиру ворвался брат. Он страшно кричал:

– Воровка! Мне стыдно, что ты моя сестра! Опозорила меня перед другом! Он сказал, что теперь мы не друзья! Антон сюда не придёт, отдай кулон мне, я его сам отнесу! Тебя туда больше не пустят!

– У меня нет кулона, – едва выговорила я, рыдая.

– Как нет, а где он?

– Я его подарила.

– Как это подарила? Кому? Иди и забери.

– Я не могу забрать. Там никого дома нет.

Вечером родители пришли с работы. Конечно, им уже соседи у подъезда сообщили о моём преступлении. Меня не били. Все сидели молча какое-то время. Потом отец сказал:

– Верни чужое тому, у кого украла.

Потом сказала мама:

– Ты же знаешь, что нельзя даже ведёрко из песочницы взять, потому что оно чужое, даже если хозяина нет рядом. Как же ты могла взять вещь из квартиры?

Я шмыгала носом, еле двигая языком, мямлила, что у меня этой вещи нет. В конце концов созналась, что отдала кулон Люде. Мама взяла меня за руку и повела к тёте Тамаре извиняться. Я поднималась по лестнице на ватных ногах, потом лепетала какие-то невнятные извинения перед мамой одноклассника. Женщина отворачивалась от моих слов как от ударов. Потом упавшим голосом сказала:

– Мы все очень расстроены. Я даже могу тебя понять. Но ты, пожалуйста, верни мне кулон. Это очень памятная вещь.

– Я хочу его вернуть. Но у меня нет кулона. Он у Люды из шестидесятой квартиры.

Людмилы дома пока не было, а её родители, в том числе пьяный папа, ничего о судьбе кулона не знали. Поздно вечером соседка пришла домой. Все хором потребовали у неё кулон:

– Здесь его нет. Я отдала моему знакомому, чтобы переделать. Потому что мне такая форма не очень нравится. Он только уберёт несколько камешков и срежет уголки.

Почувствовав, что потеряю сознание, если не сяду, привалилась к стенке и села на корточки прямо в подъезде. Все взрослые находились в оцепенении и молчали.

Что делать? Куда бежать на ночь глядя? Не спала всю ночь. Стыд и невозможность что-то изменить не давали.

Даже не знаю, чем всё закончилось: мне никто уже ничего не рассказывал о судьбе украшения. Со мной просто никто не разговаривал. Когда утром я заходила в класс, слышала громкий голос Антона:

– Воровка! – возвещал он каждое утро как можно громче, но мог и не стараться, все смотрели на меня с презрением.

Как ещё из октябрят не выгнали? Через какое-то довольно продолжительное время всё утихло, постепенно мой статус примерной ученицы восстановился. Но в гости на пятый этаж мы уже не бегали. Наши родители только здоровались и больше никак не общались. Брат меня ненавидел. Только подружка Галка, верная, осталась со мной, понимая, насколько мне одиноко, и жалея меня, оступившуюся.

Антон не общался со мной очень долго. Только в девятом классе он подсел ко мне за парту, протянул руку, сказал, что простил меня и просит моего прощения. Мы стали дружить и сидели за одной партой до самого выпуска из школы. Я старалась помогать ему в учёбе, максимально компенсируя урон, нанесённый много лет назад. Мы дружим до сих пор, но заочно: живём в разных городах. Я восхищаюсь его счастливой благополучной семьёй, он весь в отца.

Если бы не блогерша со своей распродажей, то и не вспомнила бы, наверное, никогда о том злополучном кулоне, так надолго испортившем мою репутацию. Никогда бы не вспомнила, память старается спрятать то, что было постыдно.

Максим ОРЛОВ

Этюд №7

Попробуй бодрствовать, когда расстроен ты
как клавикорд, молчащий два столетья.
Ключом настроечным крути свои штифты,
натягивая нервов-струн оплетья.

Пойди на кухню, завтрак приготовь,
не подвергай себя анорексии.
Сваргань чайку, с утра не сквернословь,
включи погромче «Радио России».

Открой окно, услышь беспечных птах,
взгляни на небо будто бы впервые.
Приемли все душою нараспах
и даже облака предгрозовые.

Клавиатуры тутошних берёз
и красно-бурый цвет алевролита
напоминают: здесь когда-то взрос.
… И жизнь твоя совсем не нарочита.

* * *

Прав Кенжеев: «Ухи не отведать ершу».
Много лет у людей ничего не прошу…
От любых прибамбасов себя потрошу,
как кедровую шишку давно шелушу…

Мне ль пенять на судьбу и хлестать самогон?
Но бывает со мною такой закидон:
клянчу Бога продлить этой жизни прогон –
двадцать миль позади, но хочу марафон.

Впопыхах запивая чайком бутерброд,–
мелкотравчатых дел ещё невпроворот, –
я врубаю с размаху жизнь-автопилот,
не взыскуя, как прежде, несметных щедрот.

Иногда вопрошаю: какого рожна?
Мелкотравчатость эта кому-то важна?
И кому моя жизнь, в самом деле, нужна?
Знать нужна, раз на кухне хлопочет жена…

Дуаль

«Люди уходят в землю,
души уходят в небо.
Эту дуаль приемлю
без оговорок, ибо
выстроена не нами
данная эпопея.
Тлеем мы лишь телами,
души – в Кассиопеях…»,–

так утверждал известный
в городе литератор.
…А на погосте местном
бия челом о землю,
зверем выл экскаватор.
Сам-то, чего? Приемлю?

Осеннее

Вселенная рифмуется с пельменной.
Ю. Татаренко

Попрошу тебя, парнасгеноссе,
погоди о горнем воздыхать.
Лучше посмотри: какая осень!
Изумись: какая благодать!

Подивись кармину листопада,
и заката сочному бордо.
Насладись бездельем променада
и пичуг октавы пятой до.

Ощути себя таежной птахой,
это просто – ты же не технарь…
Да со мной восторженно поахай,
окунувшись в тлеющую ярь.

Приземлен я, мой парнасгеноссе,
что неудивительно – телец.
Мне уютно в колоннаде сосен,
чужд межгалактический свинец.

Этюд №6

Закат казался не фотогеничным,
как «Голова собаки» у Моне…
Но становился явственней Возничий
и кадмием покрылись в Падуне

фронтоны крыш, завалинки и стены…
Капелла* замерцала в вышине,
украсили зюйд-веста мизансцены
куртины облак цвета кабернэ.

Громада моря – грань аквамарина –
за Монастыркой сведена на нет,
и Гелиос из краешка картины
последний разбазаривает свет.

* Капелла – самая яркая звезда созвездия Возничий.

Друзья БИБЛИОТЕКИ

Леонид ТАРТЫНСКИЙ,
Ростов-на-Дону

* * *

Мир начался от снежной белизны,
От блеска солнца, звёзд и от луны,
От малых тропок и больших дорог...
Как складно это всё придумал Бог!

И пусть пройдёт десяток тысяч лет,
«Мороз и солнце», – вымолвит поэт!

* * *

Я Дон Кихот.
Я храбрый.
Хожу по квартире
Со шваброй.
Пришлось пройти немало миль,
Гоняя с книжных полок пыль.

* * *

Люблю, поседевший и хворый,
Сбесившись на старости лет,
Отчаянным поездом скорым
На красный выскакивать свет.

И в ад я, не чуя дороги!
Влюблённый без устали в Вас,
Я умер на Вашем пороге
Великое множество раз!

* * *

Жизнь пишу, как с белого листа,
Нарушаю заповедь Христа.
Всё былое – будто черновик,
И плохой я, видно, ученик.
Прошлое – сплошная чепуха.
Отлетела с зёрен шелуха,
И в душе стареющей покой
Обнажился. Я теперь такой.

* * *

Исчезну с сумой перемётною,
Пусть долго пылится квартира.
Зачем это дворники с мётлами
Сжигают всё золото мира?

***

Мне кажется,
Всё меньше
В душе моей огня.
С тоской
Смотрю на камни –
Переживут меня.

Владимир РЫЖКОВ,
Ростов-на-Дону

***

Ничего и никогда не ясно,
Зря у моря ты погоды ждёшь,
Угадать пытаешься напрасно,
Потеряешь или же найдёшь.

Все вопросы остаются в силе,
Не ленись, прикинь ещё разок,
Точно ль облегчила труд кобыле
Баба, что покинула возок?

Подсчитай в уме или губами,
То-то станет тешиться народ,
Сколько надо биться в стенку лбами,
Чтобы прошибить искомый ход?

Чуешь, кто-то на небе смеётся?
Виноват, выходит, ты кругом.
Впрочем, как верёвочка не вьётся...
Ладно! Это вовсе о другом.

***

Хоть ты плачь, с годами не поспоришь
И не поторгуешься с судьбой...
А бывало так: коня пришпоришь,
Только пыль клубится за тобой.

Что искал ты в дальнем поле чистом,
О какой любви судил-рядил,
Когда ночью вместе с гармонистом
Чью-то душу песней бередил?

Был горазд на шутки и проделки,
И от счастья верного хмельной,
Ждал свою Любашу у сажелки
Под высоким дубом и луной.

А теперь мороки и усталость,
Голова бела и борода,
Осень незаметная подкралась,
Полетели листья, как года.

На дороге оставляют метки,
Потеряв весь цвет, а с ним – и стать...
Сколько же осталось их на ветке?
Пал туман. Никак не сосчитать.

***

Далёкий гудок теплохода –
И что-то кольнуло в груди,
И снова напомнит природа,
Что ждёт нас зима впереди.

Ещё разнотравье не сохло,
Ещё не остыла коса,
Но силится первая охра
Прокрасться в сады и леса.

Уже удлиняются ночи,
Бездушия к нам не тая,
И с каждым мгновеньем короче
Непрочная нить бытия.

***

И вдруг понять, что тьма веков –
Совсем не тьма, в ней есть просветы!
Как много в мире дураков,
И как бессмысленны советы…

А ведь рождалися умы,
И мантий стоили рогожи...
И разглядеть лицо из тьмы,
Не замечая близкой рожи.

***

Прошли года, промчались сроки,
СудЕб затягивая жгут,
Но также пушкинские строки
Нам сердце радуют и жгут.

Они ничуть не постарели,
Жива в нас каждая строка,
С тех пор как Пушкин на дуэли
Нам завещал их на века.

Меняются года и лица.
Не может память всё сберечь,
Но бесконечно будет длиться
Поэта царственная речь.

Она нам души согревает,
Она нам силы придаёт...
Тропа к нему не зарастает
И никогда не зарастёт.

***

Из кремня жизни долго искры
Я высекал, чтобы узнать,
Что не бывает вечных истин,
Что всех родней – отец и мать,

Что не найти от смерти зелья,
Хоть всю планету обыщи,
Что голова болит с похмелья,
А из лаптей не сваришь щи,

Дом из песка – дурак лишь строит,
Не носят воду в решете,
Что старый друг двух новых стоит,
Что дань отдав всю суете,

На склоне лет себя ругаешь,
Что мог бы жизнью жить иной
И, наконец-то, постигаешь:
Ничто не ново под луной.

Николай ЕРЁМИН,
Красноярск

***

Была правдивая подборка
В газете «Кривда»
У меня...
Потом –
Фальшивая разборка
С женою на исходе дня...
– Кому стихи посвящены? –
Я не скрывал своей вины...
– Тебе! Кому ещё? Тебе!
Ведь ты одна в моей судьбе...

Арлекиниада

Когда она была молода –
Она со всем миром спелась,
Воспевая свою мандариновую спелость…

И её очень любил китайский Мандарин,
И драгоценные украшения ей дарил,
И звал за собою в Шанхай и в Пекин…

Но ей больше нравился бедный Арлекин,
Которому она передаривала украшения,
Откладывая своё окончательное решение…

Увы, это не могло продолжаться до бесконечности
И закончилось классическим раздвоением личности,
Отягощённым маниакально-депрессивным синдромом…

И конечно же – сумасшедшим домом,
Где я работал врачом-психиатром,
Руководствуясь принципом «Не навреди больному»…

И был мой дом – через дорогу, рядом…
И эта дорога привела её к моему дому…
И она, представьте себе, излечилась…

Господи, прости мою душу грешную! На всё – Твоя милость…
Ведь это я скрывался под маской Арлекина,
И мне нисколько не было жаль китайского Мандарина…

А она до сих пор со мной тихо-мирно живёт,
Но, к сожалению,
Совсем не поёт…

Песенка для Бабая

Я не стану воевать.
Я не буду убивать.
Я – добряк, а ты – злодей,
Самый худший из людей…
Не кричи: – Убей! Убей!
Камуфляж и автомат…
Встрече я с тобой не рад.
На губах – то мат, то ложь…
Ни за что про что убьёшь…
На губах – то мат, то ложь…
А ведь был ты не злодей,
Мы ходили в детский сад…
И, добрейший из детей,
Был ты мне как друг и брат…
Всё, что было, всё прошло,
Разделив добро и зло…
Но скажу тебе опять:
– Я не стану убивать!
Стал крутым Бабаем ты…
Но, не преступив черты,
Я прошу тебя, Бабай:
– Никого не убивай!
Пусть, кто хочет, там ли, тут
Неубитыми живут...
Пуля-дура – ё-моё!
А ведь мы – умней её!

***

Когда бы нам
Исполнилось по 100 –
Мы вместе бы сплясали Кама-сутру…
И вновь с тобою
Выпили б по 100… Любимая!
И, приближаясь к утру,
Не прерывая разговор о Данте,

Включили моно Моцарта
Andante
Каприччиозо или лакримоза…
В которых – и поэзия, и проза,
И музыка –
Проблемы все решают,
Которые сегодня нам мешают…

Ума палата

«Как славно, что в России есть
Для всех – палата №6…»

Николай Ерёмин

«Палата есть, но в том наш крест,
Что в ней уже нехватка мест»

Владимир Рыжков

В городском саду играет
Духовой оркестр…
На скамейке,
Где сидишь ты,
Нет свободных мест…
В электричке,
Где стоишь ты,
Нет свободных мест…
И в палате,
Где лежишь ты,
Нет свободных мест…
Лишь под тенью
От Креста
Есть свободные места.
Но отсюда
На Тот свет
Столбовой дороги нет…
Есть тропинка –
Знаю я, –
Но у каждого – своя…
И она Среди забот
Никогда не зарастёт…

Владимир СЕМИБРАТОВ,
Киров

* * *

Чем этот куст привлёк пернатых,
Понять нам, людям, не дано,
Но воробьиные рулады
С него доносятся давно.
Порой взахлёб, но всё же в меру
Выводит их незримый хор,
Как будто есть средь пташек серых
Какой-то славный дирижёр.
Быть может, радуются слишком,
Но ты солистам не перечь.
Пока, мальчишки в армячишках!
До новых встреч!

* * *

Виктору Кобисскому

Снова осень – и вновь красота.
Не цветенье, а только обман.
Еле слышно паденье листа,
И висит моросящий туман.
Паучок нынче нити не вьёт –
Никого в них уже не поймать.
Человеку обдумать житьё
Лучше времени и не сыскать.
Под ногами – хрустящий ковёр,
На щеках – поцелуй ветерка.
Не зажечь ли из листьев костёр?
Не взгрустнуть ли о прошлом слегка?

* * *

Куда на выдумки
природа торовата!
Иван Крылов

После оттепельных дней
Снег на столбиках ограды
Стал, как бюстики людей
Из писательской плеяды.
Этот явно Лев Толстой
С характерной бородою.
Достоевского другой
Мне напомнил по «покрою».
Ну, а этот снежный ком –
Настоящий Чехов в профиль.
Так хитро прошлась резцом
По нему природа-профи.

Библиофил

Лежит Есенин на помойке.
И взял бы книгу, только та
Вся пропиталась духом стойким
И чем-то грязным залита.
А ведь когда-то, в оно время,
Каким счастливчиком был тот,
Кто вынес очереди бремя –
И вот он том заветный, вот!
И в страшном сне бы не приснилось
Тогда такого никому!..
А всё-таки явлю я милость
К той книжке брошенной – возьму!

* * *

Нет, никогда я не дойду до ручки,
Судьбу словами крепкими кляня.
Две женщины мои – жена и внучка –
С надеждою взирают на меня.
В своём уме держу я постоянно
(И это прибавляет новых сил)
Слова, что проронила как-то Яна:
– Дед может всё – он в армии служил.

Эльвира ЧАСТИКОВА,
Обнинск

Свобода 90-х

Поманила «Огоньками»,
Указующими путь;
Возвращёнными стихами
Захлестнула напрочь грудь.
Вот какая ты, свобода
90-х! Мы на ус
Намотали, чтоб без брода
Выживать здесь наизусть.

Государство

Нелюбовь не переломишь, точно барство,
Ведь у любящих – иной подход и песни.
Ну, не любит нас с тобою государство,
Ну, не любит ни в какую, хоть ты тресни!
Притворяется, рассказывает сказки
И впадает временами даже в ересь…
Что теперь?! Ходить пред ним, потупив глазки?

Или строить их, по-прежнему надеясь?
Только – толку?! Государство безразлично,
Хоть разбейся, хоть ходи в нём вверх ногами!
Если сердца нет, расплавить утопично
Твердь такую откровенными стихами.
Человека по желанию не влюбишь,
Что мечтать – бюрократического монстра?!
Он в кармане наготове держит кукиш
Для таких, как мы, нуждающихся остро.

Никто не пишет

Никто не пишет полковнику, ладно,
А тут ни словечка – и генералу!
Сколько? Давненько. И вот что досадно:
Не до него, значит, даже Уралу –
Родине то есть! Сказать если проще, –
Точке отсчёта, началу с морошкой…
Молча глядит он, усищи топорща,
Вслед почтальонше на тоненьких ножках.
Что тут добавить? Теперь электронкой
Лихо обходятся. Правописанье
Больше не в моде. Конверты сторонкой
Всех облетают с открыткой сусальной.
В общем, и сам генерал – без подпитки
Письменной (с буквами школьной растяжки).
Да позвони ты стареющей Ритке!
Да потревожь ты семейство Наташки!
Но генералу серчается круто –
Молнии на полированных дверцах
Блещут от взгляда. Так где оно, чудо?
Чудо – само генеральское сердце,
Не каменеющее в жёстком мире
И в нашем времени – ждущее вести,
И во сто крат равнодушного ШИРЕ,
Что и не вспомнило б на его месте!

Добровольная сиделка

У постели больного сидеть неизменно кротко –
Не потому, что – ангел иль чуть иное,
А потому что – миссия, и из глотки
Благодарность должна вырываться за всё земное.
Ведь подсказал же Иосиф Бродский в миг вдохновенья
Вроде формулы и прицельного взгляда.
Ясно, мудрость даётся через терпенье.
Не сомневаюсь: крупных поэтов слушаться надо.

Жалость

Теневой своей сутью меня не трави,
Ревновать – это двигаться к бездне.
Я узнала, что жалость сильнее любви,
А любовь – лишь период болезни.
И, представь себе, лечится ясностью дня,
Поддаваясь простой расшифровке.
В общем, примитивизмом не тронешь меня,
Обращённую к божьей коровке.
Я – за подлинность: вне закулисья, интриг
И коварных течений подводных!
Я наполнена жалостью в горький сей миг
(Не к тебе! От тебя я свободна),
Пусть – с подсказки небес, что дают хорошо
Рассмотреть всё, как есть (ну, а как же?!) –
Чтоб омыть человека родною душой
И лавиною слёз неиссякших.

Александр КУЗЬМЕНКОВ

Гнозис Дмитрия Бакина

Было так: в разудалом перестроечном «Огоньке» среди разномастных «долой» и «как-нам-обустроить» каким-то чудом оказался ба́кинский «Лагофтальм». Рассказ завораживал: сквозь серую, шинельного сукна, фабулу сочилось нечто жуткое и безымянное. Номер журнала лежал в светлом круге настольной лампы, я то и дело тянулся к нему, выхватывал наугад две-три фразы и обреченно бормотал: этот парень знает о жизни больше меня (обсценные эпитеты опускаю).

«Больше меня» – вот что уязвляло и восхищало. Со временем акценты сместились в верном направлении: ключевым словом оказалось «знает». «Знание» по-гречески «γνώσις», а всякий большой прозаик – отчасти гностик. Ибо, о чем бы ни писал, прямо или косвенно отвечает на вопросы Феодота: «Кто мы? Кем стали? Где мы? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся?..» Если на то пошло, то и сама судьба Д.Б. напоминает сентенцию Василида: «Странник я в этой земле и чужак среди вас…»

Странник и чужак

> «Год за годом и поколение за поколением я был там, и они не узнали, что я обитал в их мире».
> «Гинза».

Наследие Бакина невелико: полтора десятка рассказов, три главы неоконченного романа да наброски повести. О нем самом написано и того меньше: четыре литературно-критические публикации да две сугубо научные, любопытные лишь

специалистам, – вот и все отечественное бакиноведение. Что до литературных регалий, то они предсказуемо скромны: «Антибукер» и чисто символическая премия Андрея Белого – бутылка водки, яблоко и рубль. Последнего из великих русских писателей никак не назовешь успешным. Скажу больше, сам Бакин к литераторам себя категорически не причислял: «Какой я писатель? Писатель – тот, кого читают. Вот Пелевин – это писатель…»

Парадокс? Да не такой уж парадокс, если вдуматься.

Нынче писатель обязан быть медийной фигурой: давать интервью, быть вечным гостем ток-шоу, как Веллер, вести телепрограмму, как Прилепин. Или уж превратить пустынножительство в PR-стратегию, как Пелевин. В общем, ничего общего с хронически одиноким Бакиным. Писатель обязан иметь имидж: вспомните хоть темные очки того же Пелевина. Или прилепинскую бр-рутальную щетину, от которой млеют все читающие разведенки. Господи, о чем это я, какой такой имидж? – достоверные фото Бакина, и те были опубликованы лишь после его смерти. Писатель обязан иметь биографию, как Лимонов: все напоказ, от войн до постели. Опять-таки не в пример аутичному Д.Б.

Хотя это детали. Главное вот в чем: писатель обязан работать в расчете на среднестатистического читателя. Микшировать трагедию до мещанской драмы, а комедию до ситкома, как Слаповский. Не обременять публику эстетическими или психологическими открытиями, как Снегирев. Предельно редуцировать стиль, как Сенчин. И так далее – ну, вы понимаете…

Бакин по сю пору безвестен. Подробности у де Шамфора: «На рынок не ходят с золотыми слитками – там нужна разменная монета, в особенности мелочь». Ага. К примеру, лихой пелевинский буддизм, изложенный полуматерным, полуэзотерическим языком образованщины, – просто, удобоваримо, прикольно.

Д.Б., однако, никогда не унижался до мимикрии – был чужд упрощений и лобовых атак на публику. Позднеантичная мистика у него дана глухо, намеками. Но следы ее повсюду: и в архаических полисиндетонах («и сказал… и сказал»), и в гностической символике, и в самом мироощущении. Резонно будет с него и начать.

in valle lacrimarum

«Иисус сказал: Тот, кто познал мир, нашел труп».
Евангелие от Фомы (61).

Проза Д.Б. напоминает рисунок на запотевшем стекле: за извивами скудного и анемичного сюжета просматривается что-то большее – не падающий камень, а сила тяготения, по слову Э. Утица. «У Бакина, – писала Т. Касаткина, – впервые после долгого перерыва – вновь появляется вселенная… не как тупая и косная декорация, не как место действия героев, но как живая, активная, действующая (хоть и непонятная) сила», – поставьте здесь NB, к этому пассажу мы еще вернемся.

Лейтмотив первых глав книги Бытия, рассказывающих о сотворении мира и человека: «И увидел Бог, что это хорошо». Но: и увидели философы, что это из рук вон плохо. «Если бы мы мыслили какого-нибудь созидающего демона, то мы были бы вправе, указывая на его творение, крикнуть ему: “Как смел ты нарушить священный покой Ничего, чтобы вызвать к жизни такую массу боли и горя!”» – воскликнул в сердцах Шопенгауэр.

То же у гностиков. Материальный мир, учили они, от сотворения пребывает во зле, поскольку не является эманацией божественных сил. Он – произведение Демиурга, демона либо злобного, либо ограниченного в своих творческих возможностях и способного лишь на несовершенства. Творец, говорится в «Апокрифе Иоанна», нечестив в своем безумии – подвластна ли ему гармония? «В гностической мысли мир

занимает место традиционной преисподней», – резюмировал Г. Йонас.

А теперь время сравнивать.

Напомню: Т. Касаткина назвала вселенную Бакина активной, хоть и непонятной, силой – но чтобы уразуметь миссию универсума, не надо быть семи пядей во лбу. Ибо сказано: судите о древе по плоду его. Мир Бакина глубоко враждебен человеку. Он способен лишь отнимать: калечит («Землемер», «Сын дерева»), насилует («Корень и цель»), убивает («Про падение пропадом»), лишает самого дорогого – от денег до иллюзий («Землемер», «Стражник лжи»). А если и наделяет, то лишь уродством («Листья»). Социум подчиняется волчьим законам: «Он понимал, что государство не нуждается в оправдании наравне с землетрясением, потому что видел в государстве лишь одну из сил природы, не имеющей ничего общего с живыми людьми – и если разрушало, убивало, гноило государство – это разрушала, убивала, гноила природа – это, как затмение, как камнепад, как полнолуние, как дождь» («Землемер»). Картина будет полной, если добавить к сказанному краткую, но выразительную аттестацию эпохи: «Наступил век, в котором не будет большего греха, чем честность» («Нельзя остаться»).

Деторождение лишь множит число калек и страдальцев – и потому отвратительно. Герой «Листьев», «стиснув зубы и залепив оконной замазкой ноздри, молча таскал через затененный двор скрипящую, гнилую тележку с простынями и наволочками из-под рожениц… преследуемый неумолимым запахом зарождающей жизни». Точно так же маркиониты, не желая способствовать продолжению мира, практиковали лютую аскезу, а манихеи считали размножение краеугольным камнем в стратегии Тьмы.

Непреложным условием избавления от мирской мерзости у гностиков является антипод рождения, смерть – особенно в тех школах, что использовали язык, близкий к христианству. Крестный путь Христа – «смертию смерть поправ» – стал для

них не только примером индивидуального спасения, но и образцом для преображения мира. Но смерть у Д.Б. – лишь один из вариантов ухода. Границы земного мира размыты до полной проницаемости, – ветхая ткань бытия то и дело рвется, приоткрывая неведомое и неизреченное, и потому любая дорога может невзначай превратиться в Путь: «белая пыльная дорога и есть та дорога, по которой можно идти вечно и бесследно исчезнуть, растворившись в воздухе» («Листья»).

Последней прижизненной публикацией Бакина стал рассказ «Нельзя остаться». Похоже на категорический императив, правда?

Тайнопись: попытка дешифровки

«Истина не пришла в мир обнаженной,
но она пришла в символах и образах.
Он не получит ее по-другому».
Евангелие от Филиппа (67).

Отправным пунктом здесь вполне может служить цитата из «Листьев»:

«Всему, что снится, предначертано верить, ибо реальность – половина правды и негде людям искать вторую половину правды, кроме как во сне».

«Сон у Бакина – выход в иную реальность, продолжающую и дополняющую земную», – заметила Т. Касаткина. Сны героев Бакина наполнены мистическими картинами, напоминающими полотна Босха, – выпуклые образы вроде бы сюрреальны и доступны лишь ассоциативному толкованию. Ан нет. На самом деле все несколько проще. Литорея Д.Б. поддается расшифровке, стоит лишь вспомнить о гностических символах:

«Змея укусила его в ладонь, которую он поднял над толпой людей, повелевая встать на колени, и ладонь пала на толпу, раздавив ее тяжестью внезапной опухоли» («Листья»).

Офиты почитали змею как символ высшего знания: в образе змеи София, верховная Премудрость, принесла истину людям, которых нечестивый Демиург держал в неведении. У наассенов змея присутствовала во всех существах и символизировала внутреннюю силу, что сродни индийской энергии кундалини (в дословном переводе – опять-таки «свернутый в форме змеи»). Героя «Листьев» принято считать Христом, забывшим свою божественную сущность, – она является протагонисту в донельзя аллегорическом сне.

Или же:

«Смерть троих его детей привела его в бешеное отчаяние… Долгие годы они снились ему в образе печальных, неповоротливых рыб за толстыми прозрачными стеклами гигантского аквариума, где они медленно и бесцельно плавали в таинственной темно-зеленой воде, среди искусственно выращенных водорослей и маленьких коричневых улиток, недосягаемые для хлещущих по стеклу звуков его голоса и пламени его неистовых приказов вернуться в армию детей. После этих снов он любил говорить, что люди в болезнях своих и смертях похожи на рыб, но этого никто не понимал» («Землемер»).

Рыба для западных гностиков была тем же, чем и для ранних христиан: акронимом Христа – Ἰησοὺς Χριστὸς Θεος ῾Υιὸς Σωτήρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель). Приобщение умерших к высшему подчеркивает зеленый цвет воды – в гностицизме он считается символом воскресения Духа. Фраза «Люди в болезнях своих и смертях похожи на рыб» действительно выглядит загадкой, но и она разрешима – достаточно вспомнить философию экзистенциализма (о родстве его с гностицизмом подробно писал Г. Йонас). По Ясперсу, болезнь, смерть и вообще любое страдание есть пограничная ситуация, которая ставит человека на грань бытия и небытия, и тот освобождается от привнесенных условностей, осознает свое земное бытие как иллюзию и соприкасается с трансцендентными началами.

Продолжать в этом роде можно довольно долго, ибо материала здесь хватит на средних размеров трактат. Миры у Бакина, повторю, проницаемы, потому и в реальности хватает гностических иносказаний: опьянение как символ неведения («Листья»), прелюбодеяние как символ греха (там же), дом как символ мирского, низкого («Корень и цель», «Оружие»), черный цвет как символ пневматического, духовного («Страна происхождения», «Нельзя остаться»)… и прочая, прочая, прочая.

Подобная экзегеза – занятие, безусловно, увлекательное. Да все это лишь частности, которые проясняют общее. Вернемся к нему.

Стражники лжи

«Вспомни, что ты – царский сын: узри,
кому ты служишь в рабстве».
«Гимн Жемчужине».

Каковы бы ни были бакинские фабулы, любой его рассказ повествует, в сущности, об одном и том же: мучительной, чаще всего бесплодной, попытке осознать себя и свою миссию. Но для автора ни то, ни другое – не тайна; Бакин настойчиво, а иной раз навязчиво, педалирует инородность своих героев в земном мире:

«Толпа посельчан расступилась перед ним, ибо они были уверены, что он не станет ломать линию своего пути в угоду кучке людей, потому что было в нем нечто непонятное, что заставляло его двигаться по невидимым рельсам судьбы с ледяным, но ненавязчивым презрением совсем иначе, чем двигались они сами… Попадая в критическую зону радиации, которую излучала его личность, они чувствовали путаницу в мыслях и необъяснимую слабость во всем теле, словно живые волокна мышц оказывались расклеенными, более не связанными между собой, точно каскад сухих волос или развязанный сноп пшеницы, и на ватных ногах спешили покинуть

круг пагубного воздействия неподвижной фигуры» («Корень и цель»).

«А живем мы в этом мире послами / Не имеющей названья державы», – строфа А. Галича вполне применима к бакинским протагонистам. Но истина о стране происхождения, о второй половине правды, явленная в снах, недостоверна, как и сами сны: «Бабка сказала – тот, кто велел нам быть, не простит; Анна сказала – никто нам быть не велел. Мы порождение взрыва» («Листья»).

Зов горнего мира ощутим, но невнятен, – потому герои Бакина тщетно ищут себя в земном бытии. Баскаков, наделенный сверхчеловеческими свойствами, тратит себя на противостояние с ничтожным и корыстным братом – и закономерно ему проигрывает («Корень и цель»). Фанатично упорный Кожухин идет на немыслимые лишения, чтобы вернуть умершую жену, в смерть которой не верит («Стражник лжи»). Крайнов пытается установить призрачную власть над своими детьми (вплоть до мертвых!) и тщетно ждет погашения облигаций по займу 1962 года («Землемер»). Название рассказа «Корень и цель» выглядит метафорой, ибо укорененность в этом мире диктует ложные ориентиры, препятствующие истинному целеполаганию.

«Когда тьма смешалась со светом, она затемнила свет и стала ни светом, ни тьмой, но стала больной», – говорится в «Апокрифе Иоанна». Герои Д.Б. больны смутным ощущением светлого начала в себе и невозможностью хоть как-то его реализовать во тьме неведения: незаурядные силы уходят ни на что – на самообман, на поддержание фикции. «Стражник лжи» – еще одна емкая метафора, точная характеристика большинства героев Бакина.

«Изъян возник из-за того, что они не знали Отца», – ставит диагноз Евангелие Истины.

Нельзя остаться

«Слепой и тот, кто видит, когда оба они во тьме,
они не отличаются друг от друга.
Если приходит свет, тогда зрячий увидит свет,
а тот, кто слеп, останется во тьме».
Евангелие от Филиппа (56).

Программным опусом Бакина о познании мира и уходе из него стала «Страна происхождения». Герой рассказа – еще одно существо сверхчеловеческой породы: «Она порой замечала за своим зятем такое, отчего каждому стало бы не по себе: например, она была свидетелем того, как он продержал в руке маленький кусок сливочного масла не менее пяти минут, а масло не только не растаяло, но, напротив, затвердело еще больше, после чего она прониклась убеждением, что в жилах его заместо крови циркулирует та жидкость, которую используют для нагнетания холода в морозильниках».

Он, под стать большинству своих единокровных братьев, является ниоткуда, более того – лишен имени и памяти: «От прежней жизни у него остался гул в ушах». А вот это даже не шифрограмма, но открытый текст, прямое заимствование из мандейской «Книги Иоанна». «Давайте придем и заставим его <человека – А.К.> слушать великий грохот, так что он забудет небесные голоса», – говорят темные силы. Женщина по имени Мария вовлекает бомжеватого пришельца в круг будничных забот: «Единственное правило, которое сумела вывести за тридцать пять лет жизни – есть одна только правда и она состоит в том, что мы живем здесь и нигде больше и только этой правды следует придерживаться». Однако ни семья, ни работа не приобщают его к мирской правде, ибо она всего лишь полуправда. «Этот человек скрывается от закона», – уверена мать Марии. Для справки: закон у гностиков – синоним декалога, данного Демиургом и служащего для порабощения человека.

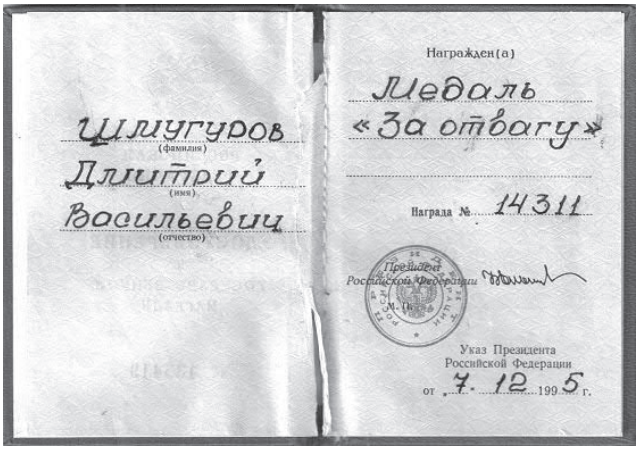
Безымянный герой – последний отпрыск выродившейся семьи; если его прадед охотился на кабанов, то он всецело посвящает себя охоте на мышей. Тем не менее, он укоренен в своей генеалогии – прилежно изучает родословную и «с рождения, без выстрела» носит в сердце пулю, что угодила на охоте в его предка. Осознание фатальной связи с родом тождественно познанию подлинной страны происхождения: «Ему вдруг приснились мчащиеся черные лошади, и время тронулось вновь… И тогда впервые за последние три месяца он услышал сердце и, оглушенный, мгновенно забывший свои псевдосмертельные игры и раздумья над материальным бессмертием, бросился прочь... и в мозгу у него расцвел черный цветок» (о символике черного цвета мы уже потолковали). Познание побуждает к действию: «Он предстал перед главным врачом и спокойно сказал – я ухожу домой – и сказал — я все понял; тот сказал – ну нет; он сказал – я ухожу; а тот прищурился и спросил – что ты в себе чувствуешь?; и тогда он твердо сказал – уверенность».

Древние родовые связи сильны, но и они ничего не значат рядом с непреходящими, горними. «Иисус сказал: Тот, кто не возненавидел своего отца и свою мать, не сможет быть Моим учеником», – гласит Евангелие от Фомы. Но где она, страна происхождения, и каков будет уход туда? – кто знает. Опять-таки вспомним евангелиста Фому: «Царствие вне вас и внутри вас…»

Эпилог

Все сказанное – личный опыт прочтения бакинской прозы, не более того. Но есть у меня индульгенция от Д.Б.: «Думать надо так, как хочется думать»…

Ваш сын и брат Димка – письма с первой чеченской


Награжден(а)

Медаль «За отвагу»

Шмугуров (фамилия)
Дмитрий (имя)
Васильевич (отчество)

Награда № 14311

Президент Российской Федерации

Указ Президента Российской Федерации
от 7. 12. 1995 г.

Армейские послания братчанина Дмитрия Шмугурова (1994-1995 годы)

Дмитрий Шмугуров участвовал в первой чеченской войне. Писал успокоительные письма домой в Братск. За несколько дней до увольнения в запас из Моздока пропал без вести. С тех пор родственники ничего про Дмитрия не знают. Ни креста, ни погоста – только эти бодрые письма, редкие солдатские фотографии и медаль «За отвагу» напоминают семье, что у них был жизнерадостный сын, который исполнил воинский долг ценой своей жизни.

Лидия Аксёнова (Шмугурова) подготовила к печати послания сына с первой чеченской войны, которые с разрешения мамы публикуем в альманахе. Стилистика и орфография автора писем сохранены.

Привет, мои дорогие и любимые, Мама, Папа, Динашка, Ксюшка, Полишка, Надюшка и кот Васька…

***

… Немного о себе. Служба идёт, как и должно ей быть. Всё по-прежнему, без изменений. Только одно хорошо – радиоподготовки в 7-ой роте нет, в отличие от 8-ой, а в остальном всё тоже, батальон-то один, и работы одни и те же. Я хотел перевестись в 1-ую роту к Косте, но пока безуспешно. Ротный в отпуске, а зам его с этим не хочет связываться: ведь там бумаги писать надо какие-то. Так что, может, со временем и получится что-нибудь. Загадывать не буду.

***

Сегодня, 26-го июня, в воскресенье, у молодых была присяга. Родителей понаехало куча. Праздничный день, а толку… Думал, в увольнение схожу, домой позвоню, пока деньги есть, да не тут-то было. Выше упомянутый зам решил, что рота не заслужила увольнений. Нарезал каждому задач на весь день - на этом наш праздник и закончился. Он вообще мужик не очень, да здесь, в смысле в 7 роте, все лейтехи такие, ни одному из них верить нельзя. Но ничего, может в следующие выходные что и получится, если в наряд не заступим.

***

Есть и хорошее. Мы дня три назад на стрельбище ходили. Км 37-38 напрямую по сопкам. У меня это был первый выход за эти полгода. Впечатлений после этого море. Места здесь красивые, лес богатый, а где берёзки попадают, так до того дом напоминают, что я даже забыл, что я в Армии. Вот только автомат да сапоги напоминали об этом. В общем, душой отдохнул, отвлёкся от этих надоедливых стен, немного почувствовал себя вольным. Почаще бы таких выходов. Я, собственно,

из-за этого и хочу в 14-ую роту 1-го батальона перевестись. У них нарядов меньше, а в такие походы ходят чаще и готовят их лучше. Правда, и помучился я с ногой, думал не дойду, но ничего, выдержал. Боли почти прошли, но только почти, иногда дают о себе знать конкретно: строевой походишь, на ВДК (воздушно-десантном комплексе) попрыгаешь, так на утро вставать на неё больно, но ничего…

***

Я, наверно, в тот день только себя почувствовал разведчиком. Шли мы двумя группами друг друга выслеживая, засады делали. После очередной засады (моя группа была в ней), когда мы вторую группу разбили, и они рассеялись между сопок и куда-то делись, а мы их след потеряли. (Для нас это залёт.) Придя на место, ждали её около часа – те заблудились немножко. Но в той группе и командир такой, что «на прятки летат, дома не быват». Он просто решил ещё укоротить путь немного. Ну это ладно…

***

А когда шли назад уже все вместе, недоходя км 12-13 слышим, машина едет по лесу. Ну, мы и пошутили: у нас патроны были холостые, взрыв-пакеты, в общем, был приказ командира до бригады доехать, а дальше дело техники. Мы на эту машину напали так, что даже от неожиданности прапорщик какой-то из мазутки, видать, старшим был, сбежал куда-то, выпрыгнув из машины и не оглядываясь, но мы его искать не стали: уже было поздно да зачем он нам? Главное, машина была у нас в руках, и мы продолжили свой путь «домой»… Вот это служба – я понимаю. И то теперь неизвестно, когда снова пойдём.

***

Обещают в июле прыжки начать. Будем прыгать, если не врут, с самолёта Ан-26, ну этого специального для десант-

но-воздушных перевозок. Ну вот, вроде и всё о службе. Пока больше ничего интересного нет. Время без пяти четыре ночи. За окном уже неделю дожди льют.

Сегодня всю ночь сверкает – чем-то на зарницу похоже, красотища такая. А я в наряде по роте дневальным…

***

Мама, дяде Васе передай: пускай на следующее лето хоть пару щучек оставит в Кеми. Хотя мы с ним собирались на следующий год погуливанить по ближайшим речкам, но ты ему напомни, ага? Ну и конечно всем девчатам: Ксюшеньке-душеньке, Полишке, Надюшке-бандюшке желаю приятно провести это лето, помогать папе с мамой, дедушке с бабушкой. Не обижайте их, живите дружно и весело, не скучайте, через годик и я домой вернусь, так что не унывайте. Ну вот вроде и всё. До встречи. Пишите.

Люблю. Целую. Ваш сын и брат Дмитрий. Ночь с 26 на 27 июня (94г.).

***

Привет, мои дорогие и любимые Папа и Динашка. Огромное спасибо за письмо, которое я получил от вас. И вот пишу ответ. Сразу извиняюсь за задержку с ответом. Да и сейчас-то пишу и не знаю, когда отправлю его: конвертов нет ни в части здесь, ни в П-Забайкальске. Но всё же надеюсь, что где-нибудь достану хоть один конвертик. У меня один оставался, так я в деревню написал, бабушку с Полишкой с днём рожденья поздравил.

***

Что написать о службе? Да хрен его знает. Всё по-прежнему, работаем на складах, правда, уже на других снарядах. Они вроде и полегче, всего-то около 56-и кг, по сравнению с «Градом». Отношение с сослуживцами натянутые, но, может, на-

ладится всё когда-нибудь, надеюсь.

А ещё надеюсь, что по приезду в бригаду переведусь в другую часть, хотя это тоже только надежда. А вообще, после того, как я получил от вас письмо, сразу легче стало, какая-то поддержка появилась. Пап, пиши почаще, мне твой почерк помогает. Смешно, но это так. Я твоё письмо до сих пор в кармане ношу, как тяжело становится, читаю, и вся тяжесть куда-то уходит…Сколько здесь проторчим – ещё неизвестно. Уже поговаривают, что и сентябрь здесь будем, но это пока разговоры, а так надеемся, что 1-го сентября мы уже отсюда свалим. Но когда всё точно разузнается, напишу. Если есть возможность, то можно заказать переговоры. У нас одному парнишке уже два раза с Омска звонили, правда, связь, говорит, неважная, но всё же…

Динаш, у Юльки (Рыжика) спроси про торт, я как-то зимой ещё наказывал, чтобы она придумала какой-нибудь свой к моему возвращению, так напомни ей, что уже немного осталось. Ну и, конечно, привет ей передавай от меня.

***

Какая у вас погода стоит? Здесь уже больше на осень похожа, задождилась. Грибы уже отходят, ягоды тоже. В общем, дело к осени, а там и зима, следом весна и Домой, к вам, моим дорогим, любимым и единственным… С любовью к вам ваш сын и брат Дмитрий. Получил 2.8.94., писал 11.8.94., отправил – смотрите на конверте.

***

Привет из Кяхты…Поздравляю свою любимую сестрёнку Ксюшку с днём рождением (хоть он уже давно прошёл). Письма и посылочку вашу получил. Большое вам спасибо за неё. На здоровье не жалуюсь, рука в порядке, только мёрзнет сильнее и быстрее, чем другая, а так в общем ничего. Нога тоже прошла, по крайней мере последний месяц-полтора болей сильных нет. Ну вот о здоровье всё.

***

Теперь немного о службе. Тянем наряды в столовой, штабе, парке, КПП, караулы. Вот и сегодня в караул заступил. Погода выдалась отличная в отличие от прошлого караула. Ни ветерка, ни тучки. Я почему на письмо долго не отвечал? В тот день стоял в наряде по столовой. Когда вечером сменились, уже было не до писем, вымотался сильно, там бы быстрей до отбоя дотянуть и в койку. На следующий день в шесть утра ушли на выход трёхсуточный. Там вообще « раки»(?), ушли в полном вооружении: РД(рюкзак десантника), укомплектованный полностью, АЗК(?), противогаз, оружие (у меня пулемёт был ПКМ), сухпаёк. Ну, в общем, по-боевому. Всё ничего, только погода подвела: на второй день дождь, снег, ветер – всё это вперемежку, жутко.

***

Да ещё ко всему этому наша группа была в роли развед-группы, за которой гналась другая группа, а третья нам засаду устроила. Ну вот, а наша задача – найти «ракету», подорвать её и уйти в расположение бригады. «Ракету» мы нашли, а вот подорвали неудачно: нас заметили раньше, но с боем всё же отошли и даже оторвались от преследования, правда, ненадолго, но всё же этого нам хватило, чтобы отдохнуть, перекусить, сориентироваться на местности и двинуться дальше.

***

А почему с боем? И с каким боем?! Так с самым настоящим – у нас патронов холостых было… Только у меня к пулемёту около тысячи, взрыв - пакеты, имитации разные… Когда шли назад, напоролись на засаду, но удачно. Головной дозор обнаружил её, а сам не засветился.

Мы, недолго думая, обошли её и с тылу разбомбили Они даже и не поняли в чём дело. После всего того, мы, устроившись в той же засаде, встретили ту группу, которая должна

была догнать и уничтожить нас, а получилось всё наоборот. В общем, погуляли отлично, и обстановка была приближена к боевой. Когда вернулись в часть, уставшие, озлобленные и в то же время радостные и гордые, узнали, что с 10-го по 15-е октября в бригаде будет проводиться осенняя проверка, а это значит, что опять всяких генералов понаедет куча. И опять наряды, работы и т.д. и т.п. Мы за три дня в расположении роты капремонт забубенили, конфетку сделали из расположения. Ночами по 2-3 часа спали, но ничего, не рассыпались.

***

Да тут ещё меня и ещё одного на капусту отправили. Четверо суток я, он, два водителя и Коля – контрактёр, (помощник начпрода по заготовкам) капусту заготавливали для бригады на зиму, ездили по совхозам закупать, где со склада, а где и на корню брали. Утром часов в семь уезжали, ночью часа в два-три возвращались.

***

Проверку сдали в общем хорошо, к роте претензий не было со стороны проверяющих. Зато командование бригады очень обижено на неё. Позавчера мы узнали, что роту будут раскидывать по другим подразделениям. Но оно к этому и шло: в роте за последние два месяца пять беглецов, залёт на залёте, то одно, то другое. А из-за чего на нас разозлился п-к Липиев (начальник штаба пока, метит на командира бригады вместо Рогова)? Так вот из-за чего: дня три назад один солдат из роты был в увольнении, ну и местные накатали ему немножко. Придя в роту он всю эту историю рассказал, и мы не долго думая сразу после ужина ломанулись в Кяхту. На дискотеке нашли тех, ну и ещё, кроме них зацепили десятка два местной шушеры, короче, застроили всю дискотеку и назад в бригаду. Узнав про это, в штабе чуть ли наизнанку не вывернулись. Не знаю, что их взбесило. Мне кажется, что то, что рота за одно-

го так дружно поднялась, не побоявшись последствий.

Такого ни в одной роте во всей бригаде не было за то время которое я служу здесь. Теперь не знаю, где я буду дослуживать оставшиеся полгода. За год уже три роты поменял, и вот опять… Но пока пишите по старому адресу, а можете просто на номер части без С(7). Если что, я сам на почте возьму. Потеряться письмо не должно. Хотел домой позвонить, так всё вырваться не могу, да и в увольнение ротный, если и отпускает кого, так по мне, чтоб комбат не знал. А теперь и не знаю, стоит ли звонить или нет: вы пишите, что квартиру новую получаете, уже, наверное, переехали на новое место. Есть ли там телефон? Если нет, то будет ли? И ещё, Динашка, нарисуй план квартиры, где какая комната и где что стоит – интересно очень, Какой этаж и в каком доме, в центре или на окраине? И ещё одно – вы там с техникой моей поосторожней, пожалуйста. Ладно? Не изломайте всю. Ну вот, продолжение следует. Сейчас ухожу на пост. Время.

***

Привет, это опять я. Смену отстоял, немного замёрз – с 5-и до 7-ми самый холод. И ещё, чуть не забыл. Мама, мне блокнотик нужен, примерно такой как дарили. Помнишь? Светленький, как тетрадь общая. Мам, ты спрашиваешь, чем займусь после армии. Так у меня у самого ещё конкретного желания не сформировалось. Иной раз учиться поступить охота в лётное или морское училище, а иногда (это чаще) уехать работать в какой-нибудь посёлок. Хозяйством обзавестись. Делом заняться на земле. Но поживём, увидим. До скорых встреч. Подробней о службе поговорим Дома. Пишите. Ждите. Любите. Ваш сын и брат Дмитрий.17. 10. 94г.

***

…Напишите адреса хоть кого-нибудь. А то и мне никто не пишет, и я написать не могу из-за незнания адресов. Обидно,

досадно, но ладно. Кто приходит из ребят в гости или уже все забыли? Видите ли кого из них? Если да, то как они там, чем занимаются? Пускай пишут хоть что-нибудь, адрес-то мой знают. Мама, выписала ли ты журналы на 95-й год? Или ещё нет? А потому каталогу из Москвы ничего не выписывала, или это всё бесполезно? Что слышно насчёт прав. Или там вообще тайга? Одним словом, пишите больше и чаще, с нетерпением жду ответа. И ещё, письмо передаю с Виталькой. Надеюсь, что после него и я поеду в отпуск, так что пожелаем друг другу скорых встреч. Целую. Димка. 11.11.94г.

***

Поздравляю всех вас и соседей, и знакомых с Новым наступающим 1995 годом – годом нашей встречи. Желаю самых приятных встреч в новом году, чтоб все горести и печали пролетали мимо нашего дома, и чтобы всегда и везде были с вами радость и улыбка на лице, ну и, конечно же, счастья, здоровья и успехов в делах, учёбе, личной жизни…Полишка спрашивает насчёт магнитофона. Так, Полиш, как со школы приходишь, уроки сделаешь, порядок наведёте вместе с Ксюнькой и Надеждой, так сразу магнитофон на всю катушку врубай, ничего страшного, а Дине скажи, что я разрешил, но после, как всё сделаете. Ясно? Ну, вот. Виталя приехал, передал всё, что вы передавали. Спасибо вам за всё. Деньги я Коське отдал. Теперь с ним в одной роте и Виталя с нами, и ещё два паренька. У одного бабушка в Братске живёт, а другой из Турмы. Служим вместе. Нашу десятку раскидали. Шоферов вниз на второй этаж передали, нас двоих - меня и Витальку в девятую обратно взяли с руками и ногами, а остальных во второй батальон отдали в роту связи, в ту самую, где я служил раньше. Хотели и меня туда забрать, но комбат и л-т Суханов, мой теперешний ком.роты, отличный мужик, упёрлись и ни в какую не отдали туда. Говорят: нам такие солдаты самим нужны… И точка. Всё ничего, да вот с отпуском придётся подождать, как долго, не знаю. Весь пряник в том, что этот месяц до 3-го ян-

варя рота занимается воистину «профессиональным» делом, проводит «спецмероприятия» – т.к. мы всё-таки в спецназе служим, а не где-нибудь. Да вы сильно-то не пугайтесь, а то ещё подумаете, что где-нибудь под пулями бегаем. Нет, мы просто топим котельную №44. Ходим через сутки по восемь человек, по четыре смены. Работаем в три смены: 1-я- 5 часов, 2-я- 4ч., 3-я-3ч. 7 котлов топим. Но это так, что касается службы. Так что числа до третьего и не ждите точно, а там видно будет, хотя тоже навряд ли, потому что учения обещают в районе Байкала проводить. Мы как разведчики тоже в них участвовать будем…Так что вот… Да ещё и комбат в отпуске, а без него никто меня не отпустит. Ну да ладно, о службе хватит. Надоела до чёртиков. Да ещё. Мама, будете собирать посылочку, отправь стрептоцида, раны залечивать, помогает немного и, в общем-то, неплохо, крема какие-нибудь, кожа на руках трескается, заживает плохо. Видно опять витаминов не стало хватать. Ну, чё ещё? Чесночку положите, ну и там чего-нибудь – смотрите сами по обстановке. …Ну, вот, пора заканчивать, сегодня на котёл заступаем с Коськой в одной смене. Надо ещё поспать немного, отдохнуть: сутки топить, хоть и по сменам, а всё равно тяжеловато. Вот сколь профессий в Армии можно нахватать, правда, не все полезны для здоровья, но в нашей сегодняшней жизни уже не пропадёшь…Высылаю несколько фотографий, правда, в единственном экземпляре, но больше пока нету. Если что, размножите. Серёжка этим вроде как занимался. А я уже не смогу таких же ещё сделать, т. к. негативы потерялись, куда – никто не знает, да и вообще с этими переездами с этажа на этаж всё попропадало, ну не всё, так многое. Ну ладно, всё. Падаю спать, время уже, меньше двух часов поваляться осталось. Пишите, жду ответа. До встречи. Люблю. Целую. Ваш сын и брат Димка. До приказа 99 дней. Пап, там в документах посмотри номер и серию прав водительских. Какая - там должно быть записано. Выпиши мне, а я здесь справку постараюсь взять. А ещё, заходил Андрюха, однополчанин мой или ещё нет?

***

Во-первых, поздравляю нашу Динашку с днём рождения и желаю всего самого-самого наилучшего в жизни, как в общественной, так и в личной, счастья, здоровья, любви, успехов в учёбе. Динаш, извини, что запоздал с этим, вовсе забыл про тебя, совсем закрутипся. Тут на котельной про всё забываешь: угля путнего нет, песок один, печи шлакуются, через час-два чистим, авария за аварией, то одно, то другое. Всё ржавое, сгнившее, да ещё им и температуру давай. Вот как быть? Паёк наполовину урезанный. Топите, ребята,.. Но всё равно топим., и не так плохо. Смена у нас сработана от и до. Друг друга понимаем с полуслова. У нас на обратке 55-60 градусов, бывало, что и 63 держали. Это, если сравнить с остальными, то у них в пределах 39-50 градусов. Ну да ладно, это всё почти в прошлом, числа 4-го-5-го должны сменить. Хватит, почти месяц оттопили. Ну вот, это что касается службы. Новый год отметили тут же на котле, так смена выпала. Но жалеть не пришлось, а выпили немного и наелись тортов, пряников, конфет и ещё много чего. Почти каждый из проверяющих с подарками приходил, из бригады пайки праздничные привезли, офицеры наши приходили с жёнами, поздравляли, тортов принесли штуки четыре, да так ещё всяких домашних изделий. В общем, Новый год встретили как надо, а главное, среди тех, с кем хотелось бы, среди друзей, а для меня больше ничего не надо.

***

А как дома прошёл этот долгожданный праздник? Как встретили, опишите. Чем кто занимается? Переехали на новое место или нет? Почему не пишите? Получили ли вы моё письмо с фотографиями? Ну да ладно, я заканчиваю: скоро на смену идти, надо ещё поспать немного, ночь топить с трёх до девяти, ну это мелочи. Носки и письмо мне передали, саму же Лёхину сестрёнку я не видел. Так получилось. Конечно, при желании она могла бы найти меня. Да и Бог с ней. Если

честно, то Лёхе доверять ничего нельзя. Не знаю, как вы о нём думаете, но моё мнение такое. Ну да ладно, не будем об этом, горбатого могила исправит…Да и вообще пора спать. Привет всем. Ещё раз с Новым 1995-м годом. Пишите. Жду ответа. Люблю. Целую. Ваш сын и брат Димка. 02.01..95г. 84 дня до приказа.

Из не полученного Димой письма 12-летней сестрёнки Ксении: Каждый день мама с папой ни одного выпуска новостей не пропускают, слушают, что происходит в Чечне. Да и ты там смотри – никуда в Чечню, по возможности, не суй носа.

17.01.95г.

Привет, мои дорогие и любимые, Мама, Папа, Динашка, Ксюшка, Полишка, Надюшка и кот Васька.

***

Вот уже каких-то четыре месяца с копейками осталось – и домой. Не знаю, как и дотянуть-то, всё до чёртиков надоело. Котельную топить закончили, сейчас весь январь через сутки в наряды ходить будем, в караулы и прочее. Скорей бы молодых подготовили, всё бы полегче было. Я знаю, что вас всех беспокоит Чечня. Скажу прямо: живём в полной боевой готовности. Оружие, бронежилеты – всё это уже давно получено. Но пока нет письменной директивы, никто нас туда не отправит. Да и теперь всё зависит от обстановки в Чечне. И вообще, поводов для переживания я не вижу: если до 5-го, как обещали, не отправили, то теперь навряд ли отправят. Правда, сказали сохранять полную боеготовность до 30-го. Но это уже пустяки по сравнению с тем, что было в декабре. Сейчас всё это, кажется, как должное, а, может, просто уже привыкли ко всем этим построениям по полной военно-полевой форме с Р.Д. (рюкзаками десантников) и противогазами. В феврале

обещают крупномасштабные учения всего округа. Но, возможно, их и не будет, т. к. все финансы уходят в Чечню. По крайней мере, так говорит комбат. Но ему верить… 9.01.95 г. 79 дней до приказа.

***

… А ещё спешу поздравить Маму и сестричек-лисичек с Международным женским весенним праздником 8 Марта. Желаю всем вам счастья, здоровья, успехов личной жизни и на работе, и ещё много-много всего самого наилучшего в жизни. Служба служится, время идёт. Вот и приказ скоро, через 25 дней, а там и до дома недалеко. И ещё: пришла директива: 15-18 марта вывести наш батальон в место постоянной дислокации, т. е. в Кяхту. Так что сильно не волнуйтесь, через две недели мы уедем из этого ада, и всё встанет на свои места, как и было до этого. Ну вот, на пока и всё: сейчас уходим на занятия. Да и машина скоро пойдёт в Моздок – хочу успеть с ней письмо отправить. А, в общем, всё нормально, одним словом, порядок в ВДВ… До встречи немного осталось. 2.03.95 г. 25 дней до приказа. Люблю. Целую. Ваш сын и брат Димка.

***

…Служба идёт своим чередом, день за днём остаётся всё меньше и меньше…Как у вас дела? Чем занимаетесь? Почему не пишите? Писем ни от вас, и ни от кого других уже нет хренову кучу времени. Не знаю, может почта так работает, но ребятам письма идут, кому из дома, а кому из части в Кяхте. Письмишко небольшое заканчиваю, спешу успеть – сейчас уезжают в Свердловск несколько офицеров из пехоты, хочу с ними письмо передать. Быстрей дойдёт. 11.03.95г. 16 дней до приказа.

***

…Обо мне шибко не беспокойтесь, у меня всё в порядке.

Служба идёт на убыль, скоро увидимся. Готовьтесь к встрече. Ксюшка, помнишь, что обещала? Пару вальсов чтоб выучила по любому. Динашка, ну а ты про торт не забывай, помнишь про наш уговор? Ну, а меньшие сами что-нибудь придумают. Ну да ладно. Я рад, что у вас всё идёт хорошо. За Ксюшку очень рад, пусть удача сопутствует ей, да и всем вам. Мама, ты писала про Полишку, что у неё с головой, серьёзно или нет? «Домохозяюшке» привет огромный, передайте ей, что в садик тоже надо иногда ходить. А то так можно и от жизни отстать. Ну да ладно, это всё шутки. Ну, что ещё? Привет вам всем и всем нашим родным и знакомым. Ну вот вроде и всё на сегодня. Не забывайте, пишите чаще. До встречи. Люблю. Целую. Ваш сын и брат Димка. 17. О3.95г. 9 дней до приказа.

***

За меня сильно не переживайте. Служба подходит к концу. 26-го апреля должен прийти борт из Кяхты, а с ним и замена. Так что числа 27 мы покинем этот, когда-то райский, а теперь забытый Богом уголок России-матушки на Северном Кавказе. Здесь уже всё цветёт, поля зеленеют. У нас такое только в конце мая, или даже в июне возможно. Только вот погода задождилась. Третий день дождь моросит, надоел уже. Да и работать мешает. Ночи стоят чернущие, в двух шагах ничего не видать из-за туч, даже луна не видна. Без компаса и делать нечего, когда на боевые выходим. Дня два назад получил три письма, написанные ещё в январе с.г. И, конечно, удивился нашему техническому прогрессу. Невольно в голову пришла мысль о том, что почту ещё на лошадях развозят… Ну да ладно. Письма были от дяди Васи с Иваном, дяди Коли и бабушки. Тогда они писали, не зная, что я уже здесь. В каждом письме пожелания, переживания и т.д., т.п. А Иван так и пишет: – Не наше это дело со своими воевать. Вот это меня и загрузило, вот это – «со своими». Я не знаю теперь, как он на меня смотрит? Что думает? Наверное, врагом народа считает, изменником, а то и того хуже. Как вот здесь-то быть? Как ему

объяснить, да и не только ему, всем другим тоже. Откуда ему знать, кто они «свои», и с кем мы здесь воюем. Он делает свои выводы из прочитанного в газетах да услышанного по радио или по телевизору, в которых и появляется доля правды, но до того мизерная. Правда, сейчас её больше, чем в том же январе было. Да, конечно, по газетам легче судить о жизни, о том, что правильно или неправильно, чем быть участником этих событий, жить этой жизнью. А вообще, судя по газетам, в Чечне воюют только морпехи да войска МВД, ОМОН и ВВ. Да, конечно, это так, но тем, кто знает, как оно на самом деле, просто обидно. Пишут, что Гудермес взяли омоновцы. Чтобы не взять, когда все боевики оттуда ушли, оставив позиции. А про пехоту, которая окружала его, ни слова. Тоже самое с Шали. Людей не могли набрать для наступления, техника есть, а людей нету. А когда и Шали сдали, воевать стало не с кем. Вдруг откуда ни возьмись и ОМОН и ВВ нарисовались, да столько, что нам и не снилось. Колонна ВВ около двух километров была. Хотите, верьте, хотите, нет, замучились обходить её на БТРе. На подступах к Шали МТФ одна есть, ещё на левом берегу Аргуна. Так её брали разведрота, 24 или 23 пехотинца, да пара БМП к ним была. В разведроте тогда всех офицеров снайперы положили. Так Дудаев по радио заявил, что эту МТФ брала дивизия ВДВ пьяных, накуренных, обколотых фанатов. Да знал бы он правду, он бы своих полевых командиров расстрелял бы на месте. Ну да ладно, вернусь к Иванову письму. А в прочем…Кто мы? - Те, кто уже никогда не увидит свою мать и отца, ни братьев, ни сестрёнок, ни любимых, ни друзей. Но им будет легче: их не будет мучить вопрос, кто мы? Враги? Предатели? Убийцы? Или спасители всего человеческого? Хотя всё же последнее больше подходит. Видя радостные лица беженцев, детей, женщин, стариков, возвращающихся в свои родные места, или освобождённых от своих же, но другой веры, взявших в руки оружие, так и думается... И никто со своими здесь не воюет. Но как это доказать Брату: ведь он всего этого не видел, не испытал. А, может, и доказы-

вать ничего не стоит, с годами и сам всё поймёт. Ведь он ещё не знает, что такое деньги заработанные своим трудом, что такое армия, любовь к родным, близким, к Родине. А если и знает, то по книжкам. Но всё это у него ещё впереди. Ну да ладно… Вот сижу и думаю. Письмо-то начеркал, а стоит ли его отправлять? Может, это никому и не надо. Может, просто написать: жив, здоров, привет всем, до встречи. И всё. Но всё, что здесь написано, это какая-то часть из того, что накопилось в душе, и это надо кому-то высказать. А кому, как ни вам? А того, с кем мог поделиться обо всём, уже неделю, как проводил в госпиталь с ранением в грудь после одной переделки недалеко от Шали. Ну ладно. Хватит об этом. Кавказ Северный. На улице дождь. Ваш сын и брат Дмитрий. 5.04. 95г.

***

Служба идёт, как и должно ей быть. Одним словом, на войне как на войне: и жизнь, и смерть, и радость, и горе – всё переплетено и тесно связано друг с другом. Жизнь у нас, в основном, ночная, ведём разведку боевых порядков «мамедов», их путей и выходов и т.д. А днём отсыпаемся. Солнца уже не вижу хренову тонну времени. Но это, что касается службы. О сроке службы тоже ничего не знаем. Тут был слух, что продлят до двух лет, это ещё на полгода, но вроде как бы это не подтвердилось, и мы всё же потихоньку готовимся домой. Обещают к 15-му мая всех демобилизовать, но это на воде вилами написано. Увольнять будут с Моздока, по крайней мере, так говорят. Ну да ладно, гадать не к чему, что будет, то и будет. Скоро встретимся, наговоримся вдоволь. А пока служба, и не просто служба, а служба в Спец Назе. Всем службам служба… Люблю. Целую. Ваш сын и брат Димка. Северный Кавказ. 26.03.95г. 1день до приказа.

***

Говорят, числа 26-го апреля уволят с Моздока. Решили нас в Кяхту не везти, мол, деньги лишние уйдут. Но так, кажется, и

лучше. А пока, служба. Вот сегодня заступил в наряд по штабу, сижу, письмо пишу, т. е. печатаю – ночь длинная, заняться чем-то надо, чтобы не уснуть. Правда, не всё получается, как надо, но для первого раза потянет. На боевые пока не ходим. Пока не ходим, но скоро на засады пойдём в горы. А, может, и не пойдём, может, к этому времени уволимся. Хотелось бы. Нам хватит и того, что повидали. А мамеды сдаваться и не думают… Тут недавно переговоры были, так с ихним начальником было человек 60, и, в основном, русские, украинцы, и т. п., самих чеченов почти и не было. А наёмникам дороги назад нет. Они-то и будут биться до конца, им и старейшины не указ. Это чечены ещё могут остановиться, прислушаться к старикам, а наёмники навряд ли. У них и боевая техника ещё есть и горючка к ней, и боеприпасы. Хоть по телевизору и говорят, что война почти закончена, это не так. Ну да ладно. Что нового в мирной жизни? Как у вас дела? Как успехи у девчонок в школе? Как провели каникулы, чем занимались?... .Кавказ Северный. На улице дождь. Совсем как летом… 11 апреля 1995г. Ваш сын и брат Димка

Это последнее письмо Дмитрия Шмугурова и дальше тишина безвестности...

Детская площадка

Фёдор МОНАХОВ

Я – Фёдор Сергеевич Монахов из Братска. Родился в 2012 году. Придумываю сказки и фантастические истории. Мой дедушка, журналист и писатель Владимир Васильевич Монахов, их обрабатывает и записывает. У меня уже есть две публикации в иркутском и московском журналах: «СИБИРЯЧОК» и «Журнал ПОэтов».

Сказ про дедушкину бороду-кладовую

В прошлое воскресенье, возвращаясь из бассейна домой, мы с внуком шли через сосновую рощу, которую сохранили строители в школьном дворе Братска. Мой внук Фёдор Монахов стал придумывать историю про деда-охотника, в бороде которого, как в чаще таёжной, прятались дикие звери и речная рыба. Рассказ внука так поразил меня, что я дописал к нему реалистические детали, сказочную же сторону необычного события придумал Фёдор, который теперь учится в первом классе.

***

– Надоела мне еда магазинская! – сказала в сердцах бабушка. – Хочу мясца чистокровного, дичи таёжной, рыбки речной!

Ни слова не говоря, взял дедушка ружьё охотничье, перекинул через плечо патронташ, туго набитый патронами, захватил удочки, топор и пошёл в тайгу добывать, что бабушка

заказала. Долго ли, коротко ли ходил по лесам-буеракам, вернулся лишь через месяц, весь заросший огромной бородой, что тайгой непроходимой попахивала.

– И где же твои трофеи? – грозно встретила дедушку бабушка.

– Чего твоей душеньке желается? – рассмеялся дедушка в ответ, складывая в углу рыбацкие снасти и ружьё своё охотничье без патронов.

– А желаю тушеной зайчатины!

– Получай, – сказал дедушка и достал из бороды трёх зайцев. Тушили полдня, а три дня ели-радовались. На четвёртый бабушка сказала: «Моя душенька желает птицы боровой!» Дедушка поскрёб в густой бороде справа и достал глухаря, тетерева, рябчиков и куропаток. Ещё неделю жили-пировали, даже соседей угощали.

Потом в ход пошла рыба из безымянных таёжных рек: хариус, ленок, сиг, окунь и плотва пузатая. Через неделю перешли на дикого кабана и сохатого, которых дедушка тоже доставал из разных мест своей таёжной бороды.

Удивлялись домашние и соседи, взрослые и дети, как только вся эта дичь и рыба помещается у него в бороде?! Не борода, а настоящая скатерть-самобранка! И дедушка к тому же достал из неё шкуры соболей и лис – на шубы любимым бабушке и внуку.

Прошло немало зимнего времени, заблестели на окнах лучи весеннего солнца... И закончились охотничьи трофеи в бороде у дедушки.

Однажды опытный охотник достал из чулана топор, долго и старательно точил лезвие, а затем аккуратно очистил лицо от зарослей дремучих. А всё, что от бороды осталось, собрал в охапку и вынес во двор, да и посадил под окнами рощу густую-прегустую. В ту дедушкину рощу вскоре стали забегать зайцы-попрыгайцы, прилетали птицы-неленивцы, заходили серые волки и лисы хитрые, даже однажды мишка косолапый шишки приносил... Стали мы все вместе дружно жить-

поживать да добра наживать!

Теперь дедушка больше в тайгу не ходит, ружьё и удочки со снастями продал, а на вырученные деньги купил внуку велосипед, бабушке кухонный комбайн, а для ребятни построил в лесу избушку на курьих ножках! А на большую сдачу купил мороженое для всех детей нашего города, который называется Братск!

Финансовая сказка про семейство рубля

Жили-были в кошельке деньги. Папа Сто и мама Пятьдесят рублей. И были у них детки-монетки – один, два, пять и десять рублей. Один рубль был самым младшим, и все его учили в семье, все им командовали, не давали свободы и вольного хода на рынке… Рублю надоела такая жизнь в кошельке, и он, воспользовавшись, что домашние отвлеклись, укатился куда глаза глядят. И добрался по известной ему тропинке на рынок. Смотрит, а девочка Маша хочет купить пирожок с мясом, но у неё не хватает одного единственного рубля, но продавец не уступает и требует: «Давай еще рубль!» Тогда наш проворный малыш-рубль прыг в руку Маши, и девочка смогла купить себе пирожок.

Полежал немного наш сбежавший рубль в денежном коробке продавца с другими такими же монетами, но стало ему скучно без дела. Тогда он улучил момент, выпрыгнул из коробка и покатился дальше. А тут видит: мальчик Коля хочет купить мороженое, но ему тоже не хватает рубля. Продавец предлагает Коле тщательно порыться в карманах: а вдруг где-то завалялась требуемая для торговой сделки монета. Услышал это наш рубль и незаметно пробрался к мальчику в карман. И Коля его неожиданно для себя нашел.

Полдня наш ловкий рубль помогал девочкам и мальчикам покупать сладости и пирожки, когда им не хватало одной

единственной монетки. И так он закружился в рыночных делах, что не заметил, как его отыскал рассерженный папа Сто рублей, который давно уже искал сбежавшего из кошелька сына. Папа отчитал Один рубль, крепко взял за руку ребёнка и повел домой. Там его ждала вся в слезах мама Пятьдесят рублей, расстроенные братья – Два, Пять и Десять рублей.

– Ты почему от нас убежал? – спрашивали родственники беглеца.

– Потому что вы меня не цените, а на рынке сегодня без меня ни одна сделка не могла случиться, – рассказал им о финансовых достижениях торгового дня Один рубль.

И тогда пристыженные братья поделились с младшим: кто игрушкой, кто книжкой, кто карандашом и ручкой...А папа с мамой угостили всех монеток-детей эскимо на палочке, которое они любили больше всего!

И теперь Один рубль больше не убегает из родной семьи, которая благодаря ему дружно живёт в кошельке и научилась ценить даже самую малую монету.

Солдаты Иван Петрович и Влад Кислович

Фёдор в феврале стал сочинять милитаристские истории. На днях его героями стали солдаты Иван Петрович и Влад Кислович. Оба воина проходили подготовку в запасном полку. Федя подробно рассказывал, как шло обучение, которое в его исполнении быстро переросло в масштабные боевые действия с силами зла. Когда устал от долгого описания сражений, то сказал:

– Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец!

– Ничего не конец, – возмутился мальчик. – Это только первая серия.

– А сколько же их всего?

– Четырнадцать или шестнадцать. Я еще не решил окон-

чательно, – был откровенен в своих планах неутомимый сочинитель.

– И чем же закончится военная история?

– Общемировым побоищем, в котором выживут только солдаты Иван Петрович и Влад Кислович...

– А остальные ? Ты, мама, я, сестра, тетя и другое человечество?

– Никого не останется, всё погибнет. Только два смелых солдата и уцелеют, – был неумолим в своих сюжетных построениях мальчик.

– Как-то несимпатично и негуманно получается, – усомнился я в таких сюжетных построениях нашего будущего.

– Мне тоже не нравится...Но почему-то не получается всех спасти в мировом сражении...

– А ты подумай!

– Хорошо, об этом я подумаю в 16 серии, но это произойдёт не скоро, – решил шестилетний сочинитель милитаристской истории человечества, где действуют главные герои Иван Петрович и Влад Кислович...

Но мы пока остановились на второй серии. Так что я утешен: все живы будут еще долго!

Секретное оружие

Накануне дня защитника Отечества шестилетний Фёдор решил стать разведчиком. В саду они проходили испытания по преодолению условной линии фронта, и у него получилось незаметно проникнуть на сторону врага.

– Я придумал секретное оружие, – поделился военной тайной внук Фёдор, когда вечером я забирал его из сада. – Мы берём жвачку, разжевываем её, а потом надуваем и заходим в огромный шар, грузим мины и другое оружие. Шары нас делают невидимками, перелетаем в них за линию фронта на сторону врага. Захватываем «языков» и возвращаемся так же

незаметно обратно. Несколько разведчиков спускаются на линию фронта и минируют её. А потом нас догоняют. Когда враг подымается в атаку, то чужие солдаты подрываются на линии фронта от подложенных незаметно мин. А наши войска захватывают линию обороны врага. Так мы побеждаем. Здорово же у меня получилось придумать?

– Оригинально, – соглашается дедушка.

– Только я не знаю, кто будет наш враг, – поделился важной проблемой Федя. – Раньше были фашисты, а теперь кто?

– Наверное, террористы и их роботы, – подсказываем идею.

– Да, точно, как я забыл про роботов?! Надо это тщательно продумать! А ты воевал? – неожиданно поинтересовался юный разведчик у дедушки.

– Нет, на войне погиб мой дедушка Андрей Миняйло. Для тебя он прапрадедушка...

– И ты плакал?

– Мой дедушка погиб, когда я еще не родился. Плакали моя бабушка и моя мама, твоя прабабушка, получив такое сообщение с фронта...

– Плохо, что на войне убивают, – вслух подумал Федя и неожиданно подытожил. – Я больше не хочу быть разведчиком...

– Поживём-увидим, – ответил на эти слова шестилетнего мальчика дедушка.

Ленивый рассказ

Мы с семилетним внуком Федей сочиняем рассказы и сказки. При очередной встрече внук сообщил:

– Сегодня придумал «Ленивый рассказ».

– Слушаю тебя внимательно, – приготовился к долгому повествованию в несколько серий. Федя любит рассказывать длинные истории, которые имеют постоянное «продолжение следует»...

– Это и есть весь рассказ «Я придумал ленивый рассказ».

У него нет сюжета, нет героев, нет слов, потому и назвал его ленивый!

– Должно же быть что-то помимо названия...Хотя бы точки и запятые...

– В том-то и дело, что сегодня ничего...Я ленился и в это время придумал ленивый рассказ...Без всяких там знаков препинания!

– Хорошо! Будем считать, что твой ленивый рассказ состоялся! А я создал ленивый обед – ни супа, ни котлет, ни компота...

– И даже хлеба нет?! – искренне удивился любитель хлебобулочных изделий.

– Хлеб есть! Потому что пекари и продавцы нашего города не ленились!

– Хоть кто-то у нас в Братске работает, – подвёл черту своему ленивому рассказу внук.

Записал Владимир Монахов

Галина КРАВЕЦ

Предновогодняя суета, или Как звери ёлку спасали

Сказка для детей дошкольного возраста

Действующие лица:
Метель
Вьюга
Три ребёнка-школьника в зимних одеждах
Гном
Ель
Лиса
Медведь
Леший
Белка
Водяной
Сова
Кикимора
Заяц
Снежинки *(для танца, если он будет, несколько девочек)*
Зайцы и белки – несколько человек для танца полька

Из-за кулис выглядывает Метель.
В зале взрослые и дети,
Любят сказку дети эти!

Из-за второй кулисы выглядывает Вьюга.
Без задержек и прикрас
Начинаем зимний сказ.

Метель
С незапамятных времён
Человек издал закон:
Наряжать на праздник ель,
Веселиться ночь и день.

Вьюга
В лес во все его концы
В путь отправились гонцы.
Нипочём мороз и стужа,
К празднику им очень нужен
Яркий, пышный атрибут –
К ёлке путники идут!

1-й ребёнок
Посмотрите-ка, друзья!
Эту ёлку выбрал я!
Хороша! И высока! ***(меряет ёлку, присматривается)***
Ей сто лет наверняка! ***(ёлка, высокая девочка в зелёном платье ёлочки, красуется, воображает)***
2-й ребёнок
А быть может та, другая? ***(маленькая ёлочка выбегает, отталкивает первую ёлку и красуется, приплясывая)***

3-й ребёнок
Нет, она слегка кривая…
И мала ещё она,
Крона вовсе не пышна!

1-й ребёнок
Ладно, спорить мы не будем,
Возвращаемся скорей.
Завтра ёлку эту срубим ***(показывает на большую ёлку)***
И украсим для друзей! ***(дети уходят)***
Гном выходит, кряхтя, вразвалку и садится на пенёк посредине сцены ***(в глубине, чтоб оставить место для танца).***

И как раз под Новый год
На лесной опушке
Встретился лесной народ –
Разные зверушки.
Речь держала Ель ста лет:

Ель (всё та же высокая девочка в зелёном платье ёлочки)
– Я спасала вас от бед,
Я хранила ваш покой
Летом, осенью, весной.
А зимой за годом год
Собирала весь народ,
Чтоб водили хоровод
И встречали Новый год!
Но узнала я случайно
От Сороки злую тайну.
Принесла болтушка весть:
Завтра люди будут здесь!
Им для праздника детей
Ель нужна, что всех пышней.
И хотят меня спилить… ***(плачет)***
Кто же будет лес хранить?

Гном ***(вставая на пень)***
Всполошились сразу звери:
В лес не перекроешь двери!

Лиса
Как же уберечь нам ель
От нашествия людей?

Медведь
Эй, Метель, зови подругу,
Злую ветреную Вьюгу!
Пусть дороги заметают,
Люди сразу заплутают.

Танец снежинок

Снежинки (5-7 чел.) танцуют под эту песню. Поют Метель и Вьюга.

Или под музыку танцуют все, кто на сцене, а Метель и Вьюга читают по очереди стихи.

Песня, или стихи под музыку:

Метель

Вьюга плащ кинет свой,
Закружит снежный рой.
Снежный вальс,
Нежный вальс,
Кружит нас,
Кружит вас!

Вьюга

Раскрути карусель
Фея снега – Метель!
Снежный вальс,
Нежный вальс,
Кружит нас,
Кружит вас!

Метель и Вьюга вместе

Руку дай, покружись,
Снежный вальс – наша жизнь!
Снежный вальс,
Нежный вальс,
Кружит нас,
Кружит вас!

Гном ***(на пне)***

И решил народ лесной:
Случай явно не простой.
Позовем волшебным словом
Лешего и Водяного.

На правый край сцены выходит и укладывается на белый матрасик Леший. Спит.

Леший спал в большом сугробе,
Как медведь в своей берлоге.
Разбудить его попробуй –
Он в лесу хозяин строгий!
Барабан Медведь припас,
У Лисы есть маракас.
Белка в бубен лапой бьёт!

Белка или Лиса

Лес твоей подмоги ждёт!

Названные звери идут будить Лешего. Остальные звери стоят полукругом за гномиком.

Леший просыпается, потягивается и начинает петь, расхаживая по авансцене.

Песня Лешего

Я страшный-страшный Леший.
По виду я нездешний.
Зверей и птиц в лесу люблю.
Зимой и летом я не сплю!
Вот только прикорнул чуть-чуть,
Но разве мне дадут уснуть?
В лесу моем проблем не счесть…
Опять кого-то надо съесть?

Пока он поёт, на правый край сцены выходит и укладывается на белый матрасик Водяной с большой сосулькой. Спит, обнимая сосульку.

Гном *(сидя на пне)*

А Водяной у речки спал,
Леденец большой сосал.
Весь сосульками оброс,
И сосулькой синий нос!
И волшебные слова
Говорит ему Сова:

(Сова делает круг по сцене, размахивая крыльями и подбегая к Водяному)

– Ель спасать сегодня нужно.
Просыпайся, ради дружбы!

Водяной просыпается, потягивается и начинает петь, расхаживая по авансцене (на мотив песенки из мультфильма)

Я Водяной, я Водяной,
Никто не водится со мной!
Застынет льдом водица –
Извольте угоститься!

(протягивает к зрителям сосульку)

Могу и поделиться,
Чтоб вместе простудиться!

Гном (встаёт с пенька и вместе со зверями выходит к краю сцены к зрителям)

Вышел весь лесной народ
Встретить тех, кто к ним идёт.

Расступаются и все видят: посредине сцены стоят несколько детей в валенках, шапках, шубах, закутанных большими шарфами, с санками (хотя бы единственными на всех)

Медведь

Кто посмеет ель срубить,
В чаще леса станет жить,
Будет Лешему служить
И с Кикиморой дружить.

Кикимора (выбегает, суетится, говорит, заглядывая в лица участникам сценки)

Вы слыхали? Вы видали?
Что за моду люди взяли:

В лес под Новый год ходить,
Ёлки стройные рубить?
Так на всех не хватит ёлок!
Даже маленький зайчонок
Понимает, что природа
Шуточки такого рода
Не намерена терпеть.
Будем танцевать и петь!
Ну-ка, Леший, не зевай
И на танец приглашай.
Эх, люблю я веселиться,
Щекотать детей, беситься.
На болоте мне как раз
Очень не хватало вас!

Здесь можно вставить танец Кикиморы и Лешего, в который они вовлекают детей.

Заяц ***(обращаясь к детям)***

Вам из леса не уйти,
Вьюга замела пути.

Музыка снежного вальса. Вьюга делает несколько па по сцене.

Обещайте никогда
Не рубить деревьев.

Дети ***(хором):*** *ДА!*

Лиса
К нам друзей своих ведите,
Только лесу не вредите,

(Выводит Ель на середину сцены к ребятам)
Наряжайте ёлку здесь!
У кого вопросы есть?

Белка ***(протягивая корзинку с лесными гостинцами – ягодами, грибами)***

Нет вопросов? Так спешите,

Угощение примите –
Здесь дары лесные детям.
Мы вас ждём, чтоб праздник встретить.
Все зверушки в тот же час
Спляшут полечку для вас!

Полька
(на мотив «Встаньте дети, встаньте в круг»)
Поют все участники спектакля, стоя на сцене, оставив место танцующим.

Танцуют зайцы и белки – 7-10 детей
На полянке на лесной,
На лесной, на лесной,
Звери встретились зимой,
Снежною зимой!
И подняли шум и гам,
На весь лес шум и гам.
И в снежки играли там
Зимнею порой!
Собирайся, детвора,
Детвора, детвора!
Новый год встречать пора.
Ну-ка, кто смелей?
Становитесь в хоровод,
Хоровод, хоровод.
Скоро, скоро Новый год –
Праздник для друзей!

Все берутся за руки, кланяются. И можно переходить к следующему этапу праздника – раздаче подарков, организации разных игр.

Елена ПОПОВА

Азбука

А
Н**а** б**а**хче р**а**стёт **а**рбуз –
Полос**а**тый к**ара**пуз.
Он сн**а**ружи круглый, гл**а**дкий,
А внутри, к**а**к с**а**х**а**р, сл**а**дкий.

Б
Белочка ловка, **б**ыстра.
Вся в трудах она с утра:
Прыг на землю за гри**б**ком
И на дерево **б**егом!

В
Шёл трам**в**ай. Он шёл к **в**окзалу.
Все на поезд? Да, пожалуй.
Выйдут люди на перрон
И усядутся **в в**агон.

Г
«**Г**а-**г**а-**г**а!» – **г**о**г**очут **г**уси,
Просят подарить им **г**усли.
Бла**г**одарны за дары
Будут **г**уси-**г**усляры.

Д
Дом стоит, как теремок.
Вьётся из трубы **д**ымок.
На крылечке не сид**и**:
Дверь открыта, заход**и**.

Е
Ель принёс домой **е**нот
Как-то раз под Новый год.
Пусть давно уж**е** апр**е**ль,
До сих пор в игрушках **е**ль.

Ё
Ёж и **ё**рш повздорили,
Ёж и **ё**рш поспорили,
Кто колючее из них
(Тот задирист и хвастлив).

З
Посмотрите: что **з**а чудо?
Звон раз**з**носится повсюду.
Кони быстрые летят,
Колокольчики **з**венят.

Ж
Жук на листик сел, **жужж**ит,
А чуть тронешь – убе**ж**ит:
Лапок сильных, быстрых – шесть,
Да и крылья то**ж**е есть.

И
Н**и**тка следом за **и**голкой.
Справ**и**мся с ней, тонкой, колкой,
И карт**и**ну вышьем в срок.
За стежком – ещё стежок.

Й
Йог пролил случа**й**но **й**од.
Не везёт так не везёт!
На одежде рыжина,
В рыжих крапинках спина.

К
Коти**к**-коти**к**-**к**отофей…
Намывает **к**от гостей.
Он с утра старается,
Лапой умывается.

Л
Лежебока **л**енится,
Даже не оденется,
Лишь на печке греется.
На кого надеется?

М
– **М**урка, хочешь **м**олока?
– Да, хотя бы полглотка.
Это **м**не по нраву.
Мяу! **М**яу! **М**яу!

Н
Ноты учит **н**осорог.
Хоть бы кто-**н**ибудь помог!
Но сдаваться **н**е готов,
Всюду слыше**н** громкий рёв.

О
Кт**о** в **о**кн**о** влетел без спр**о**са,
Над вареньем кружит? **О**сы!
Т**о**лько им никт**о** не рад:
– Ну-ка в ф**о**рт**о**чку! Назад!

П
Птаха вешняя **п**оёт,
Птаха солнышко зовёт,
Пробуждает **п**очки –
Первые листочки.

Р
Вб**р**од **р**ечушку пе**р**ейдёте
(Не вода, а би**р**юза) –
Будет луг. Как ве**р**толётик
Се**р**еб**р**истый – ст**р**екоза.

С
Нынче травы – **с**амый **с**ок.
Ско**с**им их ко**с**ою,
Заготовим **с**ено впрок.
На поко**с** гурьбою!

Т
Бра**т** доску верт**т**ел, крут**т**ил –
Табуре**т**ку сколо**т**ил.
Молото**т**очком **т**ук-**т**ук-**т**ук:
– Сколько изгото**т**овить ш**т**ук?

У
Не цыганск**у**ю кибитк**у** –
Домик свой везёт **у**литка.
В нём спасётся от врагов,
Не застать её врасплох.

Ф
Ночью и зимой, и летом
Воздух тёмен, **ф**иолетов.
Мрак кругом, не то что днём.
Ходит **ф**илин с **ф**онарём.

Х
Это кто? **Х**амелеон.
Замаскировался он.
А ути**х**нет гам и шум –
Хвать добычу. **Х**рум-**х**рум-**х**рум!

Ц
Циркуль с поднятой ногой,
Словно **ц**апля над водой.
Очень он надёжный,
Инструмент чертёжный.

Ч
По дорожке ска**ч**ет **ч**иж.
Он совсем ещё малыш,
Но воспитан и у**ч**тив:
– С добрым утром! **Ч**ив-**ч**ив-**ч**ив!

Ш
Вот **ш**иповник у тропы,
У **ш**иповника **ш**ипы.
Он посмотрит строго:
– Ты меня не трогай!

Щ
Подарили мне **щ**енка.
Щуплый, маленький пока,
Щурится забавно,
Но какой он славный!

Ъ
Мама будит нас: «Под**ъ**ём!».
С братом в школу мы пойдём.
Поспешим в просторный класс:
– Здравствуйте! Встречайте нас.

Ы

В**ы**хухоль в саду жила.
До чего она мала
И притом упряма!
Всюду р**ы**ла ямы.

Ь

Ноч**ь**. Ни звука. Тем**ь** и тиш**ь**.
В подполе скребётся мыш**ь**.
Не боюс**ь**, не трепещу:
Кошку в подпол отпущу.

Э

В толстой шубе **э**скимос.
Как он только не замёрз?!
Снег ли, ветер – всё равно.
Жадно лижет **э**скимо.

Ю

Познакомьтесь: это **Ю**ра.
Юра очень любит **ю**мор.
Все сме**ю**тся: ну артист!
Ай да **Ю**ра-**ю**морист!

Я

Буквы мы назвали хором,
А про букву «**я**» – ни слова.
Дальше всех она стоит,
Завершает алфавит.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3
Продавать стихи в... аптеках? 4

Виктор СЕРБСКИЙ

Беседы с портретами родителей 7
Слезы 7
Азбука 8
Папа 9
Детская память 10
Национальность 11
Шуба 12
Справка 13
Уроки географии 13
Последняя фотография 15
Библиотекари 16

Владимир МОНАХОВ

Будущее прошедшего времени 18
Воспоминания Бога 31

Владимир ЭКСПРЕСС

Когда лицо перебродившим тестом 38
В сером бегстве рассвета 38
Я своё отыграл 39
Не пей до дна вина 40
Старлей 40
Отклик на Юбилейное себе 41
По-есенински одноного 41

Елена ПОПОВА

Что векам грядущим неподвластно... 42

Елена ВАХРУШЕВА

Лёгкий гелий летит с Земли 50
В больничной палате 51
Утро. Раннее пробуждение 52
Екатерина Медичи – королева Франции 53
Сыну 54
Вот прилетела, села на шторку 55
Встретил тебя 56
Осень 56
Штанины пикантно замёрзнут в пуанты 57

Что? Куда? На актёрские курсы, что ли? 58
Заливают соседи 59
Я и соседский кот 59
Так не хочется лететь в макулатуру 60

Ирина ЛЕБЕДЕВА

Ожидание 61
Ложь 62
Память 62
Накройте праздник волшебства 63
Волна 63
Ссора 64
Алкоголь 64
Маска 65
На острове обреченных 65

Виктор ЦЕБЕРЯБОВ

Бежит дорога вдаль витой пропажей 66

Первые воспоминания детства 74

Галина ЗЕЛЕНКИНА 74

Галина ГНЕЧУТСКАЯ 84

Юрий РЯСЕНСКИЙ 91

Вадим СКВОРЦОВ

Вера 95

Марина АКУЛОВА

Кулон 105

Максим ОРЛОВ

Этюд №7 113
Прав Кенжеев: «Ухи не отведать ершу» 114
Дуаль 114
Осеннее 115
Этюд №6 116

Друзья БИБЛИОТЕКИ

Леонид ТАРТЫНСКИЙ.....117
Владимир РЫЖКОВ 121
Николай ЕРЁМИН..... 121
Владимир СЕМИБРАТОВ 125
Эльвира ЧАСТИКОВА 128

Александр КУЗЬМЕНКОВ

Гнозис Дмитрия Бакина.....131

Ваш сын и брат Димка – письма с первой чеченской

Армейские послания братчанина
Дмитрия Шмугурова (1994-1995 годы) 141

Фёдор МОНАХОВ

Сказ про дедушкину бороду-кладовую 158
Финансовая сказка про семейство рубля..... 160
Солдаты Иван Петрович и Влад Кислович..... 161
Секретное оружие 162
Ленивый рассказ 163

Галина КРАВЕЦ

Предновогодняя суета, или Как звери ёлку спасали 165

Елена ПОПОВА

Азбука 173

Список членов Иркутского областного отделения Общероссийской общественной организации «Союз литераторов Российской Федерации» (СЛ РФ) – Иркутского РО СЛ РФ

Гнечутская Галина Константиновна

Исакова Маргарита Михайловна

Корепанова Ольга Аркадьевна

Константинова Галина Максовна (Г. Кравец)

Молчанова Инна Николаевна

Монахов Владимир Васильевич

Попова Елена Алексеевна

Сербский Владимир Викторович (В. Экспресс)

Цеберябов Виктор Максимович

Поэтический клуб «У Сербского» при библиотеке Русской поэзии XX века им. В. Сербского

Приморская, 49

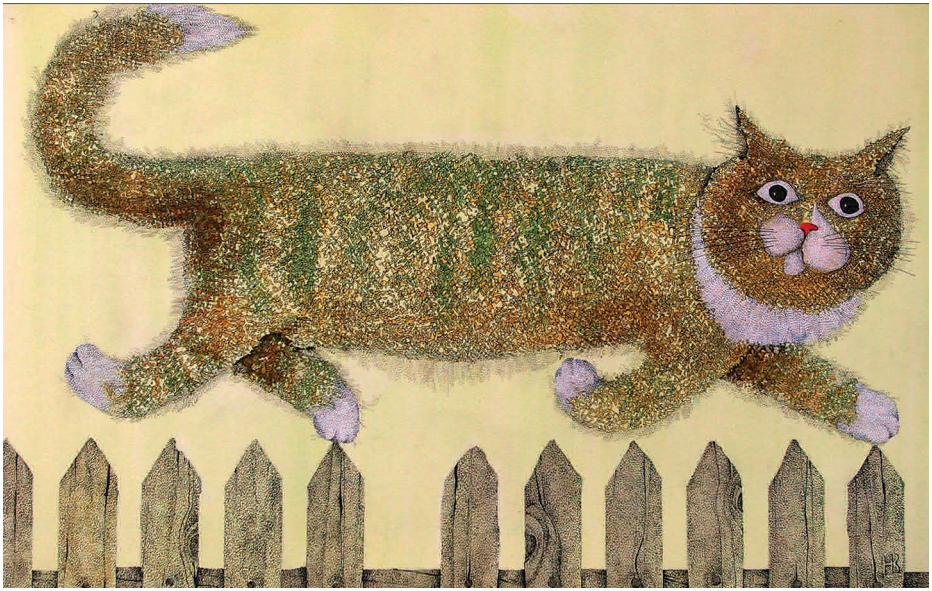
Альманах №2
Иркутского отделения
Союза литераторов России

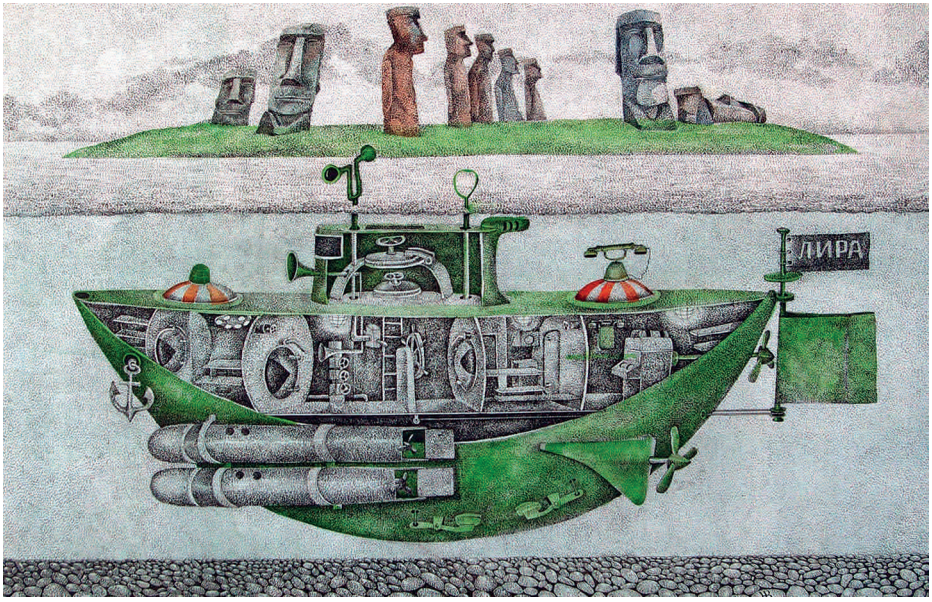
Составители: В. Монахов, Е. Попова
Корректура авторов
Обложка: А.А. Хомченко
Технический редактор: А.А. Хомченко

Подписано в печать 22.09. 2020 г. Формат 148х210 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 150 экз.
Отпечатано: Типография «Полиграф».
г. Братск, ул. Южная, 8, строение 3, 1 подъезд.
Тел./ф. 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru

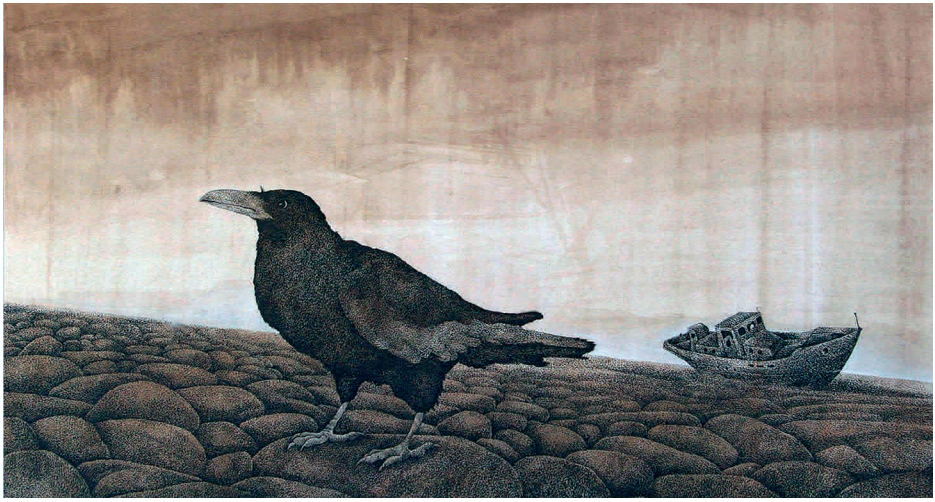
Владимир НИКИШИН

Владимир Никишин (1953), член Союза художников России.
Многократный участник региональных и международных выставок.
Создал уникальные графические серии: «Шаманы Сибири» (2011),
«Культура и время» (2013), «Колесо истории» (2015).
Участник творческого клуба «У Сербского»




ЛИРА

萬世師表



В Координационный совет,
Союза литераторов России

Заявление

Мы, литераторы Тадушского района г. Братска Иркутской области, решением учредительного собрания от 21 ноября 1992 г. создали в районе региональное отделение Союза литераторов. Просим Координационный совет принять наше отделение в Союз литераторов России в следующем составе:

1. Монахов Владимир Васильевич
2. Сербенин, ~~Виктор~~ Соломонович
3. Титков Арсений Петрович

Председатель Монахов /Монахов В.В/

21.11.92г

Протокол
учредительного собрания
Падунского отделения союза литераторов России.

21 ноября 1992 г.

Присутствовали:
Монахов В.В.
Сербский В.С.
Гнитов А.П.

Обменявшись мнениями, решили:

1. Создать в Падунском районе г. Братска региональное отделение Союза литераторов России.
2. Избрать председателем отделения Монахова Владимира Васильевича
3. Просить Координационный совет С.Л. России принять Падунское отделение в союз литераторов России.

Протокол вел Сербский /Сербский В.С/

№ 2, 2020

Союз литераторов России
и поэтическая библиотека
имени В.С.Сербского
поздравляют юбиляров 2020 года:

Галину ГНЕЧУТСКУЮ
Владимира МОНАХОВА
Екатерину СЕРБСКУЮ
Виктора ЦЕБЕРЯБОВА

НАЙМУШИНА, 54

ПРИМОРСКАЯ, 49